

Очерки истории религии

Часть 1-я.

Религии древнейших культурных народов

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Предисловие

Религия в своем существе всегда представляла и представляет отрицание мира видимого во имя мира невидимого, отрицание естественных норм во имя сверхъестественного порядка, отрицание настоящего во имя будущего.

Вера в существование невидимого мира, это – теоретическая сторона религии. Эта вера может иметь очень различные формы. Некультурные народы древности и дикари – настоящего времени признавали и признают бытие невидимой силы в видимых предметах. История религий знает почитание священных камней, и теперь еще черный камень как бы для магометанина служит предметом благоговения. В метеоритах падавших с неба, происхождение которых казалось сверхъестественным, естественно было предполагать нечто особенное, особые свойства и особые силы. Были предметом почитания и деревья. По шелесту листьев донского дуба древний грек пытался узнавать свое будущее. Египет почитал животных. Там были священные кошки, священные крокодилы. В Аписе видели земное воплощение бога Фта, и так как все умиравшее, по представлению египтян, соединялось с Озирисом, то в мумии Аписа видели оболочку, которая некогда заключала в себе то, что стало Озирис–аписом. Халдеи возносили молитвы небесным светилам (Шамас – солнце, Синь – луна, Мардук – Юпитер, Истар – Венера и т. д.). Смысл всех этих сабеизма, зоолатрии, дендролатрии, литолатрии заключался в признании бытия некоторых сил, могущих проявлять свою созидательную или разрушительную деятельность в мире, и местопребывание которых приурочивалось к определённому камню, к той или иной планете или даже к какому-нибудь гаду. Эти таинственные силы в представлении их почитателей отличались и от обычно действующих физических сил в природе и от естественных духовных сил человека. От физических сил они отличались тем, что им непременно приписывались (когда их указывали в неодушевленных предметах) некоторая душевленность, и от психических сил они отличались тем, что непременно мыслились сверхъестественными. Люди некультурные, как и люди культурные, руководятся в своей деятельности идеею единообразного порядка в природе, мыслию о соответствии причин и следствий. В почитаемых ими предметах они видели исключение из того порядка и отрицание известных им фактов соответствия и взаимной связи явлений. В бездушном дубе они видели выщечеловеческую силу прозрения будущего, в небольшом камне –

могущество, которое может даровать победу целому племени. В нижечеловеческом они находили выщечеловеческое и они почитали то, что находили. Они не умели формулировать своих воззрений и не могли бы объяснить, что привело их к ним, потому что они не следили за теми логическими процессами и переживавшимися ими впечатлениями, которые приводили их к их взглядам. Рядом с признанием выщечеловеческой силы в нижечеловеческих существах, мы видим, всегда существовало признание бытия выщечеловеческих существ. Они мыслились различно. Им приписывали различные степени материальности и духовности, различные степени могущества, их ставили в различную связь с видимым миром. Одни из этих существ оказывались неизбежно связанными с теми или иными местами или стихиями. Дриады жили в лесах, нимфы - в водах, лары и пенаты были связаны с домами или семействами. Другие существа управляли стихиями, третьим, наконец, были подчинены различные области мира. За каждую стихию, за каждым явлением предполагали духа, относительно каждого события в мире видимом предполагали, что им заинтересованы духи, что эти духи спорят и ведут борьбу между собою из за того, чтобы что-либо имело на земле тот или другой исход. Так, человеческая мысль всегда признавала рядом с миром видимым бытие мира невидимого. Этот невидимый мир рисовался в более или менее заманчивых красках (а порою и в отталкивающих, при описании ужасов ада и злых божеств). Для изображения его обыкновенно пользовались сравнениями с самыми зыбучими и неустойчивыми элементами видимого мира - воздухом, облаками, тенями, лунным сиянием и солнечным светом и однако за ним признавали несравненно большую реальность и устойчивость, чем за тем миром, в котором жили сами. Невидимый идеальный мир противопоставляли видимому, реальному, как бытие - быванию, как действительность - грезе, как вещь - подобию. Религиозная мысль древнего мира неумела пользоваться понятиями - вечность, неизменность строя бытия, абсолютное, она заменяла их понятиями очень большой продолжительности, громадного могущества, широкого произвола. Зевс имел начало, но это начало отходило в далекое прошлое; он не был всемогущим, он встречал и оппозицию своим начинаниям и ему порою до бессонницы приходилось раздумывать над тем, как осуществлять свои предприятия. Но он был очень могущественен. Когда Аполлон предложил богам состязание в том, кто стрельнет далее, Зевс принял вызов. Стрела пущенная Аполлоном упала на краю света. Тогда Зевс наполнил собой всю вселенную и спросил: куда же стрелять? „И поник головой златокудрый“ (Аполлон). Вдали будущего что-то

грозило богам светлого Олимпа, но это было что-то неясное и неопределенное и – главное – это что-то было далеко, далеко от светлого настоящего.

Настоящее, действительно сущее принадлежит невидимому миру. Миру видимому принадлежит только кажущееся бытие. „В нем нет ни истинного счастья, ни долговечной красоты“. Таким образом, религиею видимый мир –отрицается во имя мира невидимого. Но такое отрицание и вместе с тем утверждение допускается не одною религиею. На них настаивает и философия. Явлениям, имеющим лишь призрачное бытие, она противопоставляет сущности, имеющиеся бытие действительное, и в познании последних она полагает свою идеальную задачу. Кроме того во многих типах философских систем о видимом мире утверждается, что он случаен по своему происхождению (контингентен) и конечен по своему существованию, но что есть иное премирное самобытное и вечное бытие, которое есть и причина себя и мира. В подобным утверждениях философия сближается с религиею, но здесь и кончается сходство между ними. Между тем как философия ограничивается признанием бытия невидимого мира, религия настаивает на возможности или даже необходимости иметь общение с этим миром. Философия до признания невидимого мира доходит теоретическим путем, религия учит, что источники её познания есть опыт. Религия говорит, что невидимые высшие существа принимали видимые формы и являлись людям, что они являли людям свое могущество, осыпали их своими благами и вредили им. Высшие невидимые силы одно любили, а другое нет, одного желали, осуществлению другого противились, один образ поведения людей одобряли, другой – осуждали. Таким образом, можно и привлекать к себе их благоволение, исполняя их волю, и навлекать на себя их гнев нарушением их велений. Очевидно, задачей каждого должно быть приобретение благоволения высших существ. Выражение этого благоволения состоит в том, что тот, кто его оказывает, делает подобным себе того, кому его оказывает. Мало благополучия на земле и мало сил и средств у человека. Высшие существа могут сделать жизнь человека необыкновенно (сверхъестественно) счастливою, могут чудесным образом охранять его от бед и чудесным образом подавать ему блага, могут сообщить ему необыкновенные силы, необыкновенное долголетие. Естественный строй жизни, в котором так много горя и так мало радостей, высшие существа могут преобразовать в строй сверхъестественный, где все будет радость и счастье. Желание осуществления этого идеального строя заставляет религиозного человека смотреть с отрицанием и осуждением на

существующей естественный порядок. Самое избавление от тяжелых условий этого порядка может быть мыслимо в двух формах: или то, что этот мир „ради избранных“ будет преобразовываться (отчасти или в целом) по образцу мира невидимого, или что избранные могут быть переселяемы из этого мира и становиться гражданами мира невидимого. Афина устроила благополучие Одиссея на земле, Самас – Напистим был живым переселен к богам. Но признавая бытие невидимого мира и взаимодействие между ним и миром видимым, религии вообще учат, что обитатели мира видимого со временем станут обитателями мира невидимого. Смерть рассматривается, как дверь, через которую человек переступает из одного мира в другой. В этом новом мире каждого ожидает та или иная судьба сообразно с его делами в мире старом. При таком воззрении, понятно, интересы настоящего отрицаются во имя будущего.

Все свои утверждения и надежды религия основывает не на умозрениях, не на логических доводах, а на откровении. Описания высшего мира (невидимого для обыкновенных смертных), блаженных островов в религиях предлагаются или по свидетельству очевидцев, чудесным образом попавших в мир богов, или на основании видений и сообщений богов. Способы взаимоотношения между людьми и духами или богами определяются также не соображениями людей, а велениями высших существ. Если комета, наклон лунного серпа к горизонту указывают человеку на то, что произойдет с ним в непосредственном будущем то это устроено по воле богов, а не по желанию людей. Если боги или дух в ответ на какие-либо заклинания неизбежно приходят на зов, то это потому, что такой порядок установлен свыше. Точно также не людьми измышлены правила, по которым можно вопрошать богов (в гаданиях). Все это обыкновенным людям сообщили необыкновенные мудрецы, а последних наставили боги. Правила, определяющие отношения человека к высшим существам, к себе равным и низшим, законы поведения и общежития, все в своей основе и в своих принципах - определено свыше.

История знает попытки философским путем прийти к этой практической стороне религии. Неоплатоническая философия представляет собою такую попытку, предпринятую умиравшим классическим миром. Плотин, Ямвлих и особенно Прокл не ограничивались учением о высшем мире, но и дали правила, как вступать в теснейшее единение с Божеством (в экстазе). Некоторые средневековые арабские философы (Альгацали) повторили эту попытку. Но эти доктрины были и слишком отвлеченны и слишком произвольны, их относительный успех обуславливался тем, что они вступили в союз с положительными

религиями (государственной греческой и исламом), и поскольку они эмансипировались от этого союза, они становились исключительно системами метафизических спекуляций. С другой стороны, в истории возникали религиозные учения, которые пытались, если не совсем уничтожить, то радикально изменить практическую сторону религии. Были попытки ограничить отношения человека к высшему миру исполнением обязанностей по отношению к миру земному, определенных свыше. Такова доктрина Конфуция. От богов должно держаться подальше; к умершим предкам должно относиться так, как будто они существуют, не решая, однако вопроса – существуют ли они действительно? Не знаящим ничего о жизни нельзя разгадать тайны смерти. За такими сентенциями о небе следовал ряд правил доброго поведения на земле. Подобным, но в другом роде является учение Будды (Шакия-уни). Должно уничтожить в своей душе всякое желание, аже желание быть, и тогда человека не может одолеть никакой бог и никакой демон. На том пути, по которому человек придет к этой цели, ему не нужны помощь и содействие никаких высших сил. Так, Конфуций – радости земной жизни и Будда – покой небытия хотели найти, поступая по законам определенным свыше, но не прибегая к помощи никаких высших сил. Это были попытки сохранить религию, перерезав её жизненный нерв, но не удалось. В конфуцианстве и особенно в буддизме (которые в Китае иногда являются в смешанном виде) обращение к помощи высших сил теперь практикуется широко.

Возникает вопрос – исследователю истории религий можно и оставить в стороне обсуждение того: общение видимого мира с миром невидимым, утверждаемое религиями, есть ли акт или только обманчивая греза? На вопрос так поставленный многие отвечают утвердительным образом.

Задача научного исследования, говорят, состоит в том, чтобы выяснить генезис верований и культов, предоставляя совести каждого решать по своему есть ли что-нибудь отвечающее этим верованиям или нет? С этим взглядом нельзя согласиться. Идеальная задача научного исследования состоит в выяснении факторов, создающих явление, в данном случае – в выяснении факторов верований и культов. Магомет имел видения. К нему являлся архангел Гавриил и сообщал ему откровения. Эти явления будут иметь в наших глазах совершенно различный характер, смотря по тому, признаем ли мы их галлюцинациями или нет. И те исследователи, которые вопросы о реальной основе веры предоставили совести каждого, на самом деле бесповоротно в большинстве случаев решили, что эта реальная основа есть заблуждение.

Три фактора выдвигаются преимущественно, как обуславливавшие создание религий: стремление людей к персонификации, чувство зависимости и стремление искать расположения того, от чего зависишь. Стремление к персонификации заставляет за физическими явлениями видеть духовных деятелей. Каждое явление человек рассматривает, как следствие другого, и по прекращении одного явления ждет другого. Человек думает о будущем, и будущее своею неизвестностью страшит его. Факторами, которые создадут это будущее, человек считал одушевленных существ подобных ему по своим свойствам, но гораздо более могущественных. К ним человек и стал обращать и свой страх и свое заискивание. Особенно чувство страха овладевало человеком в случае поразительных и редких явлений и событий и особенно он усиливал свое заискивание, выражая его в форме поклонения, почитания, жертвы, когда его постигала сильная нужда. Получается, таким образом, что незнание причин, невежество рождает страх, а страх рождает богов. Насколько человек может объяснить явление из причины, настолько оно теряет для него свою ужасающую силу. Знание причины явления дает возможность избежать его, предупредить, воспользоваться им, если оно благоприятно, или наконец, сознательно уступить его силе. В таких случаях не предполагается действия сверхъестественных факторов, и чем более расширяется круг человеческих знаний, тем более суживается та территория, в области которой предполагается действие Божества. Боги существуют лишь в промежутках и пробелах человеческого знания. Стремление к персонификации рисует людям богов сообразно с условиями времени, места, воспитания, среды. Представления эскимоса о богах так же отличаются от представлений индуса, как природа полярного севера отличается от тропической Индии. Каждый народ считает свои верования истиной, а верования других суевериями. Но в сущности все религии суть суеверия. Все религии естественны. Такова преобладающая точка зрения в исследовании религий. Но эта точка зрения не может быть ни оправдана, ни проведена последовательно. Говорят о тенденции к персонификации, но на самом деле не только люди, а, пожалуй, и все одушевленные существа резко различают живое от не живого. Бесплезность системы огородных пугал доказывает последнее. Даже тогда, когда не одушевленная вещь производит поразительные явления, животные не одушевляют ее. Птица подлетит к ружью, но спешит улететь от человека с ружьем. Если одна мышь попала в ловушку, другую можно не скоро заманить туда. Не видно, чтобы эти другие стали считать ловушку одушевленным существом: около ловушки они ходят свободно. В

их поведении невидно мистического ужаса, но совершенно похоже на то обыкновенное человеческое благоразумие, руководясь которым, никто не ставит головы под обух. И человек и животное могут смешать неживое с живым, но все заставляет утверждать, что все они считают камни и деревья существами неодушевленными. У всех, далее, есть идея физических причин. Свое неумение объяснить явление и сверхъестественный характер явлений люди различают. Откуда же идея сверхъестественного мира и твердая уверенность в его существовании? Раз существует эта идея, сравнительно легко объяснять и различные формы религий и различные типы суеверий, но вопрос о происхождении религиозной идеи не может быть оставлен и лучше, конечно, сознаться в неумении его решить, чем предлагать мнимые и ошибочные объяснения. Говорят о чувстве зависимости, как религиозном факторе, но откуда, это чувство зависимости от высшей силы? Незнание причин явлений и неумение приспособиться к среде создают чувство беспомощности. Утопающий человек не олицетворяет воду, как злого духа, но чувствует себя беспомощным в борьбе с этой стихией. Если древние египтяне почитали божество Нила, то они его не отождествляли с Нилом. Нил был орудием, через которое божество посылало им благодеяния или карало их. Здесь была идея зависимости от высшей силы, управлявшей Нилом. Физически мир сам по себе человек никогда не почитал, мир представлялся ему стихийным началом, действующим слепо и бессознательно, себя человек противопоставлял миру, как „мыслящий тростник“ Паскаля. Человек ничтожен пред миром, но он понимает свое ничтожество, а мир не знает о своей силе. Но рядом с этим миром человек представляет себе другой мир, который не только могущественен, но и мыслит лучше человека. Точка зрения, согласно которой все религии естественны и представляют собою неправильное истолкование человеком своих стремлений и внешних фактов, не объясняя основных проблем религии, не может быть и проведена последовательно. Религия посвящает целый ряд чувств – благоговения перед величием высших сил, благодарности к этим силам за их благодеяния, страха перед возможностью своим поведением оскорбить их и навлечь их праведный гнев, затем религия утверждает чувство собственного недостойнства – сознания своего ничтожества и своей греховности, но с другой стороны, связывая человека по происхождению с высшими силами, религия утверждает его в мысли, что он должен вести себя сообразно с своим высоким происхождением. Признание всех религий естественными все эти религиозные чувствования должно рассматривать, как психопатологические, и все нормы, которым

диктуются религиями, как нечто совершенно случайное, не имеющее Божественной санкции. Все это должно быть признано не только не заслуживающим уважения, но даже и ненормальным. Между тем и люди, отрицающие религию, не могут отказать в уважении многим проявлениям религиозного чувства. Честные правила Конфуция, высокая мораль буддизма, забота о посмертном оправдании египтянина, все это всем людям внушает уважение и историки рационалисты в большинстве случаев вовсе не бесстрастно, а с чувством искреннего почтения знакомят читателей с этими проявлениями благородного подъема человеческого духа. С другой стороны, если всем этим движениям

человеческого сердца, этим смутным порывам к непостигнутому благу отказать в праве на законное существование, то тогда равно должно будет отказать в праве на существование всему тому, что считается добрым и хорошим на земле. Добро есть совокупность случайных норм, которых не было вчера и которые завтра сменятся новыми: в таком случае речь о служении добру должна звучать иронией, а вера в добро является суеверием. Истины не должно искать и бесполезно говорить об уважении к ней. Как чего-то объективно-высшего, истины не существует; как система законов вселенной, она не может быть познана человечеством по недостатку времени, которым оно располагает, и по недостатку духовных сил, которые оно имеет. Красота совершенно условна и не имеет в себе элементов объективности. Что-же остается? На каком базисе утвердится человечество, какими нормами оно будет регулировать свое поведение, каким идеалам станет служить оно, если отвергнет мысль о религии? У него ничего не останется кроме безнадежной мудрости последовательного материализма. „Станем есть и пить; ибо завтра умрем“ (1 Коринф. 15:32; ср. Ис. 22:13). Но предаться всецело служению этой заповеди может животное, а не человек. Вот почему мы и говорим, что точка зрения, отрицающая сверхъестественное (религиозное), не может быть проведена последовательно.

Но говорят все религии нельзя признать сверхъестественными, почему же какой либо одной должно быть оказано предпочтение? Почему Амон - Ра и Бэл должны быть отвергнуты, а Иегова – признан? Многим это возражение представляется очень убедительным и они, не желая обижать ни Амона, ни Брамму, ни Зевса, равно отвергают всех. Не трудно вскрыть несостоятельность этого рассуждения. Из того, что существует много теорий, истолковывающих какое либо физическое явление, не следует, что они все истинны, или что они все ложны. Последнее может быть, но может быть также и то, что одна из них истинна. В приведенном примере мы

имеем истолковываемый факт (физическое явление) и истолкования. Истолкования явления мы можем отрицать все, но когда мы будем отрицать все религии, то мы, как было показано, наталкиваемся на целый ряд затруднений, оказываемся принужденными противоречить самим себе на словах и на деле и отрезаем себе путь к пониманию вообще религии. Как мы можем объяснить существование поддельных перстней, если нет и не было истинного? Фальшивые монеты представляют собою только подделку под настоящую. Должна существовать настоящая. Если существуют ложные религии, то должна существовать и истинная. Происхождение первых также легко понять с этой точки зрения, как происхождение фальшивых монет. Легче сделать фальшивую монету, чем заработать подлинную. Так и в области религии. Легче, чем исполнять заповеди возвещенные свыше, заменить их своими – самостоятельными; легче, чем ждать действительного знамения с неба, успокоить себя предположением, что пролетевшая птица дала уже благоприятное знамение. Различие заключается только в том, что фальшивые монеты делаются сознательно, а ложные (естественные) религии создаются бессознательно.

В ниже предлагаемом исследовании будет речь только о естественных религиях. Религия Ветхаго и Новаго завета, как откровенная и, следовательно, сверхъестественная, выделяется нами. Это выделение многие рассматривают, как антинаучное и несостоятельное. Нельзя согласиться с этими многими. Как бы не искажали, какие бы фантастические черты не приписывали первоиудейству и первохристианству, они всегда будут оставаться безусловно противоположными в своем существе другим религиям. Еврейский монотеизм, к какой бы поздней эре не относили его начало, и искупление человечества Богочеловеком, этнографическое единство и нравственная солидарность человечества, это – такие положения, которых не знает ни одна религия, кроме Библейской, и поэтому естественно и законно религию в своем существе отличающуюся от других рассматривать особо. И нам представляется несомненным, что попытки смешать религию Ветхаго и Новаго завета с другими религиями в общем курсе доселе является крайне неудачным. Не у всех историков хватает решительности довести дело до конца. Так Шантепи де ла Соссэй во втором издании своей истории религий ввели статью об израильтянах, но почему то однако не стал трактовать о христианстве. Более смелые и менее сведущие писатели, наприм., Мензис попытались израильскую и христианскую религию представить, как заслуживающую столько же внимания, сколько

и другие религии. Но для того, чтобы низвести эти религии до уровня финикийских или сирийских верований, во 1) нужны доказательства, во 2) нужно забыть то, что мы знаем об израильтянах и христианстве, так как мы знаем о них несравненно больше, чем о всех прочих религиях вместе. В каждой стране дети изучавшие историю своей страны особо от общей истории, и все понимают, что это разумно и законно. Каким же образом христианский мир может признать неразумным и незаконным особое и преимущественное изучение христианства – того начала, на котором утверждалось нравственное воспитание предков теперешнего культурного мира. История должна оказывать больше внимания более важным историческим факторам. Но конечно ни религия инков, ни религия ассирийян и египтян не могут являться в глазах историков таким могущественным рычагом, изучение действия которого могло бы осветить европейскую историю. Могучее влияние Библии на европейские умы бесспорно. О существовании египетской „книги мертвых“ европейцы узнали очень недавно, и это новое знание пока ничего не прибавило к пониманию хода судеб в истории культурного мира. Мы полагаем, что выделение ветхозаветной и новозаветной религии из общей истории религий в особые предметы есть не только потребность христианской религиозной веры, но есть и научное требование, согласно которому более крупные и важные явления должны быть предметом особенного внимания.

Элементы откровенной религии несомненно проникали в религии естественные. Некоторые исследователи даже склонны все естественные религии рассматривать, как постепенные отклонения от истинной, при чем обыкновенно пытаются в древнейших религиозных формах находить следы первоначального монотеизма (Ленорман, Пиэрэ). Поскольку нам представляются зависимыми естественные религии от сверхъестественной, мы будем касаться последней. Но признавая, что откровение было дано для всего человечества¹, мы лично находим, что влияние его на религиозные верования различных культурных народов является очень незначительным, по крайней мере с научной точки зрения. Исключение представляет ислам, много заимствовавший из Библии, и иудаизм, на глазах истории превратившийся из сверхъестественной религии в естественную.

Историки религий обыкновенно пытаются классифицировать религии. Так дело идет со времени Гегеля. В некоторых курсах религии и излагаются сообразно с принятыми автором классификациями². Но ни одна из доселе предложенных классификаций не может быть признана удачною, и все они упускают из вида многое и существенное. Все

классификации исходят из того начала, что каждая религия есть в сущности нечто неподвижное и неизменное, что присущие ей в известный исторический момент характерные черты, отличающие ее от других религий, представляют её неотъемлемую принадлежность. Этот взгляд совершенно ошибочен. Каждая историческая религия проходила много фаз в своем развитии и у различных общин получала совершенно различную окраску. То, что теперь называется ересями, расколами, сектами существовало всегда в роде человеческого. Такие выражения, как „египетская религия“, „греческая религия“ имеют в сущности собирательный характер, ими обозначаются верования группы племен и верования ряда эпох. Эти верования носят общее имя, потому что те кому они принадлежали, объединяются в географическом и этнографическом единстве, но здесь далеко нельзя говорить о единстве догматов, культа и правил морали. Грек из школы Ямвлиха и Прокла в своих верованиях имел гораздо больше общего с брамином школы веданта, чем с греком, разделявшим верования Гомера или Гезиода. Буддизм в той общей схеме, в которой он известен всему образованному миру, является как-бы религиозным нигилизмом. Он не признает никакого богопочтения и дает только ряд правил, осуществление которых уничтожает желание жизни и освобождает от бытия. Но в тех исторически сложившихся формах буддизма, которые существуют в Тибете, Японии, Китае, широко развито почитание богов и святых, вера в чудеса, надежда на будущее блаженство. Общим между этими формами буддизма и буддизмом Шакиамуни или современным цейлонским оказывается только имя. Как-же можно в какой бы то ни было классификации противопоставлять буддизм – название целого ряда религий – исламу – тоже собирательному названию целой системы сект? В исламе существовали секты весьма приближавшиеся к браманистическим и буддийским. Классификация религий непременно предполагает собою односторонность в религиях. Один народ стал почитать одно, другой – другое; один усмотрел спасение в том то, другой – в другом. Но такая односторонность на самом деле возможна только в отдельном человеке, а не в целом народе. Если для удовлетворения религиозных потребностей кому-либо достаточно почитать солнце, то его брат легко может прийти к мысли, что должно почитать еще и луну, а сын усмотрит нечто Божественное и во всем звездном небе. При изучении религий в них поражает не различие, а сходство. Самые странные формы верований и культа оказываются повторяющимися в далеко лежащих одна от другой странах. Общины, совершенно подобные буддийским бикшу (в роде наших монахов), оказывались, существовали в Перу до Колумба, и нет

никаких оснований утверждать существование исторической связи между теми и другими. Характерным признаком египетской религии считают почитание животных, но, ведь, и Индия знает почитание коров и обезьян. У современных буддистов существуют молитвенные мельницы. Ветер накатывает на колесо молитву и это в глазах буддиста так-же спасительно, как и произнесение молитвы. Теперь оказалось, что совершенно подобные же молитвенные мельницы существовали в Египте. Нет нужды искать здесь исторической связи. Эти тождественные явления – результат единства духовной природы индуса и египтянина. Божество требует молитвы. Молиться нужно в определенных формах и как можно чаще. Важна механическая сторона дела. Самому молиться постоянно невозможно. Нужно придумать что-нибудь, чтобы заменяло мою молитву. Ее может заменить или молитва другого лица, или действие механического прибора. Последнее наиболее удобно и просто, отсюда – молитвенные мельницы. Можно показать, что каждое из приведенных нами положений формулировалось и утверждалось у различных народов и в различных религиях. Человек ограничен, и вследствие этого оказывается ограниченной и его продуктивность в создании религиозных идей и культов. Изучение религии в их исторических судьбах показывает, что они не только сходны между собою вообще по содержанию, но что в самом процессе их исторического развития существует поразительный параллелизм. Возникает новая религия, сначала в новой общине замечается подъем духа, затем этот подъем исчезает, и является формализм, дух сменяется буквою. Создается и разрастается предание, которое потом со стороны некоторой части последователей вызывает против себя протест. Начинается борьба консервативного и либерального направления, религия дробится на секты, причем в некоторых из таковых исчезает самое существо религии. Понятны факторы сообщающие такой ход процессу. Как требования истинной религии людям нравственно слабым и страдающим умственным сомнением представляются ярмом неудобноносимым и они заменяют их самоизмышленными представлениями и требованиями; так и ярмо религий ложных одним представляется удобным, а другим нет, и вследствие этого происходит его постоянная переработка. Фантазия, мысль, совесть, все заставляет человека постоянно перестраивать свое религиозное мирозерцание. Сравнительное изучение этого процесса перестраивания представляет много поучительного. Мы видим здесь, как умственное бессилие и нравственная немощь, не принимая Божественного откровения, истощаются и погибают в бессильных попытках удовлетворить

требованиям своей духовной природы при помощи самостоятельного творчества.

Но изучение этого процесса должно идти вслед за обозрением истории религии, а не предшествовать ему. Сначала нужно изучить отдельные религии, а потом уже производить между ними сравнение. Мы изложим религиозные учения в их хронологической преемственности и затем в заключение попытаемся дать феноменологию религий. Такой план по видимому обязывал бы нас начать историю с исследования верований доисторических людей, но мы не станем говорить в предлагаемом исследовании ни об этих ископаемых людях, ни об их ископаемых религиях. По поводу этих палеонтологических людей можно строить только догадки, а мы хотели бы в предлагаемом трактате устанавливать выводы, стоя более или менее на фактической почве. Прежде всего относительно тех общин, ископаемые следы которых найдены, в большинстве случаев даже неизвестно, когда они жили (наприм., робенгаузцы) – до возникновения халдейских государств и Египта, или может быть эти дикари влачили свое жалкое существование, когда в Египте уже строились пирамиды и в Вавилоне дворцы. Затем, в сущности все то, что можно сказать об их религиозности, сводится к следующему. В их жилищах находят предметы, которые не имеют ни утилитарного, ни эстетического характера, таковы – просверленные зубы, некоторые раковины (наприм., белемнитов). Аналогия заставляет предполагать, что эти предметы имели мистическое значение, они служили талисманами, может быть по ним производились гадания. Затем ископаемые люди заботились о погребении своих покойников и клали вместе с ними в могилу те предметы, которые нужны человеку в житейском обиходе. Мы знаем, что теперь такой способ погребения имеет в своей основе веру в загробную жизнь подобную земной. Такую веру мы должны предполагать и у тех палеонтологических людей, погребальницы которых открываются в настоящие дни. Но это в сущности и все, что можно сказать о религиозных верованиях людей, которых не знала история и которых открыла палеонтологическая антропология³. Правда здесь развертывается широкое поле для предположений, при чем руководительным началом являются аналогии между бытом ископаемых людей и современных дикарей. Многие курсы по истории религий и открываются рассуждениями о верованиях дикарей и затем уже авторы переходят к Ассирии, Вавилону, Египту. Этот способ изложения имеет своим источником убеждение, что современный дикарь, это – первобытный человек остановившийся в своем развитии. Но история должна писаться не

на основании убеждений, а на основании положительных данных. Дикари и их верования должны быть рассматриваемы в тех хронологических рамках, в которых они найдены. Может быть современные дикари – неудачные потомки культурных народов, оставившие свою родину и потерявшие культуру на новых местах поселения. Может быть такими неудачными эмигрантами были и ископаемые люди Европы и Америки. Может быть современные дикари – деградировавший первобытный тип. Во всяком случае ни один натуралист не станет отождествлять современные папоротники с ископаемыми папоротниками силурийской эпохи. Современные папоротник или хвощ, хотя они и представляют низине типы растений, могут быть истолкованы лишь из современных геологических условий, точно также готтентот или сингалез должны быть объясняемы из условий настоящего времени. Вот почему мы будем говорить о верованиях дикарей там, где их действительно встречает история, а не станем на основании предвзятой теории видеть в их верованиях первичные религиозные формы.

Древнейшие культуры и вместе с тем древнейшие естественные религии возникли и развились в бассейнах великих рек Тигра, Евфрата и Нила и в смежных странах. Это религии ассиро-вавилонян, египтян, хеттеев, финикийцев, Сирии и вообще народов передней Азии. Возникновение их неизвестно современной науке, история встречает их уже ложившимися и сформировавшимися. Мы знаем конец истории этих народов, но не знаем его начала. Семито-хамитические культуры оканчивают свое существование, когда на историческую сцену выступают арийские расы, когда наступает новый период в истории человечества. Являются религии Зороастра, Конфуция, браманизм, буддизм, возникают греческая, римская, религии других римских народов – кельтов, германцев, славян. Возникают и многие гибнут. Это происходит в период между VII в. до Р. Х. и VI по Р. Х. (уничтожение афинской школы Юстинианом). Распространяющееся христианство уничтожает постепенно естественные религии там, где в народах обнаруживается тяготение к сверхъестественному откровению. А там, где такое тяготение было слабо, окончательно сформировываются и кристаллизуются языческие системы, чтобы затем уже без значительных изменений существовать столетия (в Китае, Индии). В VII в. возникает ислам – синкретистическая и оппортунистическая религия. Ислам, это – компромисс между сверхъестественной и естественными религиями. К нему и примыкают народы, для которых были непонятны святость и величие христианства и была ясна ложь язычества. В это время формируется юдаизм

постепенно заменявший в своих верованиях ветхозаветное откровение самоизмышленной традицией (Рим. 10:3). Время от VII в. по настоящие дни мы рассматриваем, как третий период религиозной истории человечества. Все народы в этот период постепенно становятся предметом этнографического и исторического изучения. Начинают изучаться верования дикарей. В конце XV в. открывается западный мир, который, оказывается, также, как и восточный, не мог жить без религии и почитал Божество способами аналогичными тем, которые употреблялись для выражения Богопочитания на старом материке. Нельзя сказать, чтобы верования и культ низших племен были выяснены с достаточной обстоятельностью и подробностью, точно также и по отношению к религиям прежних культурных народов не выяснено много важного и существенного, но во всяком случае имеющийся материал по истории религии теперь уже удобно можно представлять в систематическом изложении.

Курсы по истории религии могут преследовать различные цели. Они могут иметь цель историческую. Религия есть исторический факт и исторический фактор, и как результат исторических условий и как причина исторических явлений, она должна быть изучаема историками. Борьба жрецов с фараонами в Египте, браманов с кшатриями в Индии имели религиозную основу и важные исторические последствия. Сообразно с тем, какую религию принимает та или другая страна, её история принимает тот или другой характер. Затем, курсы по истории религии могут иметь цель психологическую. Религия есть психологическая проблема: содержание верований, формы религиозности, оттенки этих форм представляют великий интерес и для психологии народов и для психологии человечества. Предлагаемый трактат безусловно не имеет в виду первой цели (исторической) и лишь отчасти вторую (психологическую). Исследование оттенков верований, психологической основы отдельных религиозных спекуляций и действий не входит в прямую задачу трактата. Мы имеем в виду воспользоваться историей религий, как апологетическим доводом. Мы хотим раскрыть следующие положения: 1) что невозможно для человечества жить без религии и 2) что невозможно для человека самому создать религию, которая удовлетворяла бы человечество. Отсюда следует вывод, что человечество имеет нужду в религии откровенной, и этому выводу, верим и утверждаем мы, соответствует факт действительного существования на земле таковой религии. Для установления таковых положений нам, конечно, нужны будут и исторические факты и психологические соображения. Но нами

двигает интерес не исторический и не психологический, а религиозный. Дальнейший труд разделяется на четыре части: 1). религии древнейших культурных народов; 2) религии эпохи VII до Р. Х. – VI по Р. Х.; 3) религии с VII по Р. Х. до настоящего времени; 4) феноменология религии. В трех первых частях будут главным образом исторические факты, в последней – преимущественно психологические соображения. В бессильных попытках наполнить небо образами созданными собственным воображением и в невозможности обойтись без таких попыток мы хотели бы найти доказательство того, что человечество должно искать – не имеется ли, не дано ли людям уже благовестия с неба, усвоение и жизненное осуществление которого есть единственное условие счастья? Мы хотели бы показать, что только в положительном результате такого искания может найти оправдание и смысл существование человечества, и только на нем может утверждаться вера в светлое будущее. Таков наш план и такова наша задача.

1. Ассиро-вавилонская религия⁴

1.

Пространство, на котором в течение тысячелетий протекала история Вавилонии и Ассирии, представляет собою площадь заключенную между 30–35° сев. шир. и 40–46° восточ. долг. В древнейшую эпоху геологическое строение этой местности было значительно иным, чем в настоящее время. Теперь Евфрат и Тигр несколько южнее 31° параллели соединяются в одно общее русло – Шат-Эль-араб, которое изливается под 30° в Персидский залив. Если-бы мы захотели воспользоваться этой современной географической картою, мы не поняли бы многого из государственной и религиозной жизни древних вавилонян. Каким образом бог Еа мог выходить днем из моря, чтобы учить жителей Ериду религии и культурной жизни, когда Ериду отстоит более, чем на 100 верст от моря? Каким образом Самас Напистим, Ной Халдеи, живший в Сурипак, мог постоянно опасаться моря, когда море от Сурипака находится в таком же расстоянии, как и от Ериду? Дело в том, что Персидский залив или, как он тогда назывался, *Nar Marratum* – в том геологическом и историческом прошлом поднимался гораздо севернее, он доходил до 31° параллели⁵, где Евфрат и Тигр изливались в него – каждая река – отдельно. Бассейн Евфрата и Тигр тогда отличался большим плодородием. Эпоха возникновения здесь городов и Культуры нам неизвестна. Насколько история заходит в древность, она встречает здесь сложившиеся определенные и сложные верования государства, письменность, живопись, постройки. Древнейшие города в южной Вавилонии (Вавилония называлась Кардуниас) в бассейне Евфрата. (Евфрат назывался Буратту) суть Нунки или Урудугга (позднейшая форма – Ериду), Сиргулла (теперь Цергул), Урук (Ерех Библии Быт. 10:10, теперь Варка), Ур, (откуда вышел Аврам), Ларса (Библ. Елассар Быт. 10:12). В средней Вавилонии Нибур (теперь Ниффер и Низин (Пзин), в северно – вавилонской области были Агади (Аккад Быт. 10:10) с противоположащими – Сиппар, Киш, Кута, Барсип (Борсиппа) и Гшигалла (называвшийся также Тинтир и Кадингирра) – позднейший Вавилон (Кадингирра==семитическому Баб – или==ворота бога). В области Ассирии на Тигре (Тигр назывался Идиклат) тогда были Ассур и Ниневия, называвшаяся Ханна-Ки (место богини Ханна == Истарь, ср. Быт. 4:17). С запада вавилонско-ассирийские государства находились в постоянном соприкосновении с Сирией и Палестиной (Сирия называлась Марту)

отчасти с Аравией (Маган), к востоку от Тигра соседями, с которыми много приходилось считаться вавилонянам, были еламитяне.

Обыкновенно представляют, что древнейшее поселение Ассири-Вавилонии или, иначе, Халдеи было не семитического происхождения. Здесь жили какие то племена, которые назывались сумирами на юге и аккадянами на севере. Затем пришли семиты, подчинили их себе и сами подчинились их верованиям и культуре. Но в настоящее время Галеви и вслед за ним Гепард и Поньон во Франции и Делич с некоторыми своими учениками в Германии утверждают, что суммирийцы и аккадяне-те-же семиты, только писавшие иным образом (аллография), чем писали в позднейшую эпоху. По этой теории, оказывается, таким образом, что мы имеем здесь дело не с различными народами и языками, а различными эпохами. Галеви представил много остроумных соображений в защиту этой теории, но думаем, на основании указаний Библии, можно прийти к некоторому среднему мнению, отчасти примиряющему воззрения Галеви с его противниками. По Библии древнейший герой Вавилонии Нимрод (==Издубар==Гильгам клино-образных надписей) был кушитом (Быт. 10:9–10), таким образом уже в глубокой древности в Халдеи было кушитское население. Некоторые предполагают, что ему могли предшествовать семиты, и во всяком случае несомненно, что позднее семиты явились в Халдее. Но дело в том, что этот процесс колонизации и завоеваний совершался в то время, когда и кушиты и семиты были близки между собою. Отсюда между ними то родство и сходство, которые может быть привели Галеви к его гипотезе.

В истории Вавилонии и Ассирии можно отметить следующие периоды. Сначала на севере и юге существовало много независимых государств, некоторые стремились к гегемонии над другими. Из северновавилонских царей этого периода славнейшими являются Саргон и его сын Нарамзин (изображение последнего есть древнейший памятник ассири-вавилонского барельефного искусства), на юге в этот период сохранилось много надписей от царя Гудеа. Его надписи свидетельствуют, что вместе с заботами о просвещении (он изображается с циркулем) он отличался глубокой религиозностью. Эпоху в вавилонской истории представляет Гаммураби, современник Авраама (Гашмурапалту, Амрафель Быт. 14:1). Он первый соединил северную и южную Вавилонию под своею властью и с этих пор Вавилон стал главным городом, что, как увидим, имело важные последствия и внесло многие изменения в вавилонскую религию. После динасы и Гаммураби в Вавилонии наступает

господство касситов (еламитов), продолжавшееся пять столетий. В это время на Тигре постепенно возрастает ассирийская монархия, которая все шире и шире распространяет свою власть и могущество, и дело кончается тем, что она подчиняет себе и Вавилон. Имея тот же религиозный пантеон, как и Вавилония, Ассирия ставит богов в иные взаимоотношения, приписывает им иной дух и характер. Ассирийцы, это – римляне востока. Ассирия была гораздо более воинственна, но менее культурна и иначе религиозна, чем Вавилон. В VIII в. до Р. Х., мы видим, Ассирия совершает походы на Палестину и овладевает израильским царством. Но из этого времени она быстро клонится к падению. Вавилония побеждает своих врагов – еламитов, освобождается от вассальной зависимости от Ассирии, возникает ново-вавилонское царство, и ассирийская монархия становится его добычей и жертвой. Ниневия, погибает. Это – последний период вавилонской истории (VII–VI в. до Р. Х.). В религиозном отношении он характеризуется заботами о восстановлении древнего религиозного почитания, древних культов и храмов. Особенно в этом направлении много делает Набонид – последний монарх Вавилонии. При нем Вавилон (когда в нем был принц Валтасар) был взят персами. Вавилонская монархия погибла навсегда. Постепенно вымерли и почитатели вавилонской религии. Обыкновенно историю востока и историю религии начинают с трактата о Египте, а не с Ассирии-Вавилонии, основываясь на том, что Египет древнее царств возникших на Тигре и Ефрате. Но мы разделяем мнение тех, которые ставят египетскую монархию в зависимость по происхождению и культуре от Азии. Библия представляет нам довольно ясно Азию колыбелью человечества. Таким образом поселенцы Африки должны быть колонистами из Азии. Это, конечно, не исключает того, что эти колонисты вышли раньше, чем на родине их предков, могли создать благоустроенные государства, культуру, и что потом от них могли совершаться обратные переселенческие движения на прародину (укажем на аналогичный случай с галатами), но исследования последних лет заставляют утверждать, что последних фактов не было и что зависимость древнейшей египетской культуры от вавилонской подтверждается многими данными. Вот соображения Маргана по этому предмету, которые мы дополняем некоторыми соображениями Гоммеля. 1) древне-египетский язык принадлежал к хамитической ветви, которую можно считать развившеюся из одного общего корня с языком древнейших семитов; 2) Египет и Месопотамия представляли единственные центры древнейшей письменности; трудно допустить, чтобы эти два центра возникли независимо один от другого.

Целый ряд египетских письменных знаков, каковы иероглифы для понятия „жизнь, брат, раб, левая сторона, небесная барка, делать, ночь, пастбище, небесный океан“ согласуются по своей фигуре с вавилонскими знаками того же значения; 3) появление вместе с египтянами меди и бронзы указывает на Азию, где этот металл впервые стал обрабатываться, тогда как в Африке, к югу от Египта, не найдено никаких следов медного и бронзового века; 4) древнейшие египетские статуи Ра-Хотена и Нофри, алебастровые львы из раскопок в Саккаре, львы и собаки из слоновой кости, найденные в некрополе Негады, мебель с ножками в виде ног быков, некоторые виды каменных сосудов, самая мастаба Негады с зубчатым абрисом её стен, все это указывает на Месопотамию и на страны, с ней соседние; 5) пользование кирпичем-сырцом для постройки гробниц и зданий также указывает на вавилонское влияние: в Вавилонии кирпич был единственным строительным материалом, но в Египте – масса строительного камня, и если, тем не менее, мы видим постройки из кирпича, то это свидетельствует о технике, занесенной извне, и всего вероятнее, из Месопотамии. Древнейшие вавилонские храмы, имевшие семь ступеней и служившие также местами погребений, это – первообраз для египетских семиступенных пирамид. 6) Меры длины (локоть) у древних египтян соответствовали найденными в Телло, в низменности Евфрата. Это доказали Леман, основываясь на измерениях по длине секундного маятника. Это же должно сказать о мерах веса. Египетский фунт произошел из вавилонского. Египетская астрономия стоит в зависимости от халдейской; 7) употребление цилиндров с печатями трудно объяснить иначе как культурным влиянием Месопотамии; 8) с появлением египтян появляются в долине Нила козы, овцы и крупный рогатый скот, родина которых в Азии; 9) в древнейших египетских гробницах находим ячмень, пшеницу, лен, виноград (вино в амфорах), все эти растения родом из Передней Азии; 10) следы трупосожжения в древнейших гробницах фараонов находят себе параллели в некрополях El-Hibba и Surgull, древнейших центров Вавилонии, в которых были произведены раскопки Кольдевеем; и самая египетская почва носит не азиатский, а африканский характер⁶.

Если эти соображения справедливы, то тогда естественно и египетская религия должна стоять в зависимости от вавилонской по своему содержанию. На этом сильно настаивает Гоммель (50 – 59 стр. его истории). Со многими из его доводов нельзя не согласиться. Но во всяком случае, очевидно, что египетская религия должна быть рассматриваема и наследуема после вавилонской. Мы так и поступим. Однако должно

оговориться, что хотя египетская культура возникла и после вавилонской, несомненно она возникла очень скоро вслед за нею. Начало Египта, как и начало Ассирио-Вавилонии, неизвестны. До времени Авраама и Нильское государство и государства Тигра и Евфрата пережили уже многое, но до этого времени нельзя установить более или менее правдоподобной хронологии. Основания, на которых делаются хронологические расчеты для этого темного периода, очень шатки. Позволительно думать, что этот период не был особенно продолжительным (полагаем, что это отчасти доказывается свежестью вавилонских преданий о потопе, Гильгаме), но в течение его уже вполне в основных чертах сложились содержание и формы ассирио-вавилонской и египетской религии. Обратимся к рассмотрению первой.

2.

Двойственный ряд верований представляет нам ассириовавилонская религия. С одной стороны, в самой глубокой древности мы встречаем ряд текстов, излагающих абстрактное, метафизическое учение о богах, как устроителях и владыках вселенной. Боги представляются стоящими в соподчинение и все существующее – боги и мир представляют собою одну систему. Вверху всего Илю (бог по превосходству), внизу земля с её обитателями. Но рядом с этой стройной системой тексты нам говорят о существовании бесчисленного количества демонов и добрых духов, из которых первые постоянно причиняют человеку зло, а вторые защищают человека от бед. Благополучие человека, оказывается, обуславливается не служением богам, а умением справляться с духами. Для последней цели существуют магические тексты, заговоры, чародеи, заклинатели. Оказывается, далее, что все события жизни отдельного человека, как и государства, как и жизни народов, предвозвещаются различными знаменами – астрономическими, календарными, действиями птиц и животных, физическими явлениями, снами, и благополучие человека и знание своей последующей судьбы обуславливается умением различать и читать эти знаменья. Так, с одной стороны мы имеем довольно возвышенные спекуляции с другой – крайне грубые суеверия. Это подало повод к созданию такой теории. Вера в духов и чародейство, это, полагают, остаток первобытного анимизма, пережиток, сохранившийся в позднейших верованиях; вера в богов, это – теория выработанная рефлексивным мышлением (Iastrow). Другие, напротив, в учении о верховном принципе Илю видят остаток первобытного откровения, а в пантеоне богов и сонмищах духов позднейшие наслоения (Eonormant). Но

нет никакой нужды разрывать эти два религиозно-психологические факта. Совершенно понятно и естественно совместное существование веры в Бога и признание бытия духов. Первые страницы первой священной книги затверждают оба эти факта. Мышление легко может допустить их. Только дело в том, что образ Бога слишком абстрактен, возвышен и далек от человека, а духи оказываются существующими около него. Поэтому воображение некультурного человека скоро и легко может впутать все явления его жизни вмешательством духов и в тоже время забыть о существе, которое имеет безусловную власть над духами. Напротив, мысль развитого человека от ближайшего направляется к отдаленнейшему, к высочайшему. Образы духов бледнеют ступеньками и исчезают перед образами богов. Вера в приметы и заклинания уступает место вере в разумное провидение. Уже Гудеа боролся с суевериями.

Имена богов в вавилонском пантеоне вообще сумерийского происхождения. Гоммель высказывает догадку, что семиты, приняв от сумерийцев религию, культуру, письмо, пользовались потом сумерийским языком, как священным, и новые теологические и мифологические образы и понятия, созданные уже ими, называли сумерийскими терминами. Позволительно думать, не оспаривая гипотезы о священном языке и аллографии, что сумерийцы и семиты создали религию в общих основных чертах раньше, чем явились в месопотамской низменности и создали ее сообща, т. е. раньше, чем обособились в различные племена и разошлись между собою. На самом деле, если бы семиты явились вслед за сумерийцами с своею религией, то они могли бы смешать свои верования с сумерийскими и создать синкретическую религию, как это было у многих народов, наприим., у римлян, но трудно допустить, чтобы они могли заменить свою религию чужою. Затем семиты в начале своего расселения по бассейну Тигра и Евфрата образовали много самостоятельных независимых одно от другого государств, однако вера и культ этих государств оказываются одинаковыми. Правда, один город выдвигает на первый план одного бога, другой – другого, но это – обычный факт во всех религиях. Однако так как и другие боги стоят рядом около наиболее почитаемого, то поэтому впоследствии, когда маленькие государства объединились, и вместе с тем должно было произойти объединение верований и культов, оказалось сравнительно легким делом – оставляя в стороне некоторые противоречия и несогласованность – объединить богов в общей системе. Поэтому естественно думать, что сумерийцы и ассирио-вавилоняне раньше, чем они разошлись и образовали серию царств, уже создали общие и основные элементы своей религии.

Ассиро-вавилонские верования должны быть названы пандемонистическими и политеистическими. Пандемонистическими, потому что по представлению вавилонян и ассириян мир наполнен духами. Вавилоняне и ассирияне знали много злых духов. Таковы *утушу*, *шеду*, *алю*, *галлю*, *екимму*. Последние – нечто в роде ночного вампира. Таковы *лилю* ночной дух, женская форма *лимиту*. Эти демоны пьют ночью кровь из своих жертв. *Акакхацу* – захватывающий в плен, *рабизу* – подстерегающий в засаде, *лабарту* – утеснитель, *лабазу* губитель, *Намтар* – демоны чумы, *Асхашу* – демон западной болезни. Некоторые из демонов жили в воздухе и управляли злыми ветрами. Особенно ужасен был демон юго-западного ветра. Вид его таков. Туловище и ноги до колен собачьи, далее орлиные лапы, руки человечесьи, но с когтями: четыре крыла, из них два опущены книзу, два поднимаются около головы; лицо представляет собою что-то в роде человеческой маски, большие круглые глаза, густые брови, провалившиеся щеки, короткие губы, открывающийся ряд ужасных зубов, плоский череп, козы рога. Хвост у демона был скорпионий. Обыкновенно этот демон жил в пустынях Аравии, но в некоторые месяцы он внезапно выходил. Выходя, он нес с собою ядовитые испарения, которые образовывались в болотах под воздействием солнечного жара и, развеивая эти испарения по полям, он поражал страшными ударами не только людей и животных, но и жатвы, травы и деревья. Были демоны лихорадки и безумия, которые действовали бесшумно, коварно и обманом. Самый страшный из них Мальдетет. Злым демонам противопоставлялись добрые гении. Как были злые, как были и добрые *утукку*, *алю*, *галлю*, *екимму*. Их, как и злых демонов представляли чудовищеобразными, но эта чудовищеобразность имела другой характер. Их представляли в образе крылатых львов, в образе людей с львиною головою, в виде быков с человеческою головою. Крылатые быки с человеческими головами (ламасси) постоянно изображались на воротах дворцов, как охранители. Между добрыми и злыми духами шла постоянная борьба. Последние постоянно преследовали человека своею враждою. «Там вверху слышен их вой, внизу – они на стороже. Они – великие черви, которых произвело небо, могущественные, клик которых проходит по городу, которые изливают потоками воду с неба сыны рожденные из лона земли. Они обвиваются вокруг высоких колонн, вокруг широких бревен, как венцы, они ходят из дома в дом, потому что дверь не останавливает их, засов их не задерживает, но они проскальзывают, как змея под дверь, они проникают, как воздух в отверстия, и они удаляют супругу из объятий супруга, они отнимают дитя от колен родителей, они увлекают безумного

из его обильного дома. Их угрожающей голос преследует его в след. Их злоба обращается и на животных. Они заставляют улетать ворона, они выживают ласточку из его гнезда, они заставляют убежать быка, заставляют убежать ягненка. Они злые демоны, ткущие козни“. Самые смелые из демонов не побоялись даже некогда при удобном случае напасть на богов света. Они сделали попытку низвергнуть их и воцариться на их месте. Они неожиданно вторглись на небо, низвергли Синь, бога луны, и Шамаса – бога солнца, Раммана – бога грозы и бурь, прогнали Истарь – богиню планеты Венеры и Ану – верховного бога с их тронов. Вся тварь оказалась бы в их руках, если бы боги Бел и Нуску, Еа и Мардук не вмешались бы в последний момент. В битве на земле они низвергли демонов, последние никогда не могли оправиться от нанесенного им поражения. Боги создали для борьбы с ними благодетельных гениев – Игиги, которыми управляют пять небесных Анунна. Земные (злые) Анунна и Ануннаки признали своими вождями семь сыновей Бела, имеющих тела львиные, тигра и змей. „Шестой из них был бурным ветром, не повинующимся ни богу, ни царю, седьмой – бурей, злым все сокрушающим вихрем. Семь, семь в пустоте водной бездны их семь и разрушителей неба их семь. Они величаются в глубине бездны, во дворце, они – не мужчины и не женщины, они – проносящийся вихрь. Они не женятся, не рожают детей, они не знают ни сострадания, ни милости, не слушают ни молитв, ни прошений. Как дикие лошади, они рождены в горах, они – враги Еа, они могущественны среди богов, они злы, они злы, и их семь, семь, еще семь суть они“. Дети мрака и темной воды, Ануннаки имеют для себя величайшего врага в огне. Свет огня везде обращает их в бегство и сокрушает их могущество. „Гибель (бог огня), герой прославленный в стране; храбрый, сын бездны, прославленный в стране, Гибиль, твой светлый, блестящий огонь, когда он светит во мраке, определяет жребий всему тому, что имеет имя.; Медь и олово ты смешиваешь их; золото и серебро – ты расплавляешь их. Сподвижник богини Ниннаси ты, ты выставлющий свою грудь против ночного врага. Сделай, чтобы человек, сын его бога имел свои члены светлыми; сделай, чтобы он был, светел, как небо, чтобы он блистал, как земля, чтобы он светел, как внутренность неба, чтобы злое слово бежало от него“.

Мир для месопотамского поселенца представлялся наполненным демонами, все равно как для бедуина пустынное пространство представляется наполненным джинами. Но если духи и окружают и теснят отовсюду человека, они однако не единственная власть в мире. Есть нечто высшее. Это – боги. Владыки древнего города Лагаша обращали свои

обеты и молитвы к богам – Нингирсу (Ниниб) мужественному бойцу Инлил (Бела), Нинурсаге (Белтис) – богине земной горы, к Нинзиа – владыке судеб, к царю Нинагаль, к Инцу (Синь – бог луны), к Иннана (Истарь) – царице войн, к Пасаг, Галалиму, Дунигагана, Нинигарь Нинишида. Все эти названия перечисляются на статуе Гудеа, находящейся в Лувре. Гудеа воздвигал им храмы во всех городах, на которые простиралась его власть, и он употреблял на эти благочестивые постройки государственные доходы и военную добычу. „Гудеа, наместник Лагаша (т. е. наместники бога, которому принадлежит Лагаш), построивши храм Ининну для Нингирсу, он построил драгоценность, дом, украшенный скульптурою, какого никогда еще не воздвигал Нингирсу ни один наместник. Он написал свое имя, он сделал все, что нужно, и он верно исполнил все повеления данные устами Нингирсу“. Вот как торжественно праздновалось освящение этих храмов. „В течение семи дней не обмалачивали зерна, и раба была равна своей госпоже, раб шел рядом с своим господином и в моем городе слабый покоился вместе с сильным“. Гудеа усердно заботился о том, чтобы ничто нечистое не оскверняло святости священных мест.

Халдейский пантеон был очень велик. Насчитывали семь славнейших и высочайших богов (боги солнца, луны и пяти планет известных древним – Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна), пятьдесят великих богов неба и земли, триста духов неба, шестьсот духов земли. Каждый из них на земле имели своих наместников или представителей, которые во имя его получали почести от людей и которые возвещали людям его волю. Боги являлись во сне и возвещали будущее. О пророческих снах упоминается на одной из статуй Теллоха. Много существовало прорицателей, провидящих будущее – сабру. Эти сабру в текстах Гудеа называются теми, которые возвещают вести от богов. В истории одного Ассурбанипала рассказывается, что один сабру возвестил царю общую победу над врагами, другой предсказал, что он победит еламитян, третий видел во сне гибель царя еламитского. Дух бога овладевал сабру и он возвещал своими устами его волю. Но это был сравнительно редкий способ откровения. Чаще откровения подавались при посредстве каких-нибудь материальных предметов. Особенно для этой цели служили статуи богов, которые или помещались в храмах или воздвигались на вершинах цигу мирать. Заклинательные формулы показывают, что эти статуи в некотором роде служили местом жилища тех богов, которых они изображали (имя бога обыкновенно писалось или на пьедестале или на одежде статуи). Раз к этим статуям обращались с вопросами по установленным ритуальным

формулам, то они должны были отвечать. Об этом говорят тексты Гудеа. Он воздвиг свою собственную статую в храме Теллоха, и по его представлению она вдохновенная статуею божества должна была говорить. Цари имели право и обычай сами непосредственно вопрошать статуи. Обыкновенно ночью они являлись в святилище и задавали вопросы, на которые статуи им отвечали. Так богиня Истар обещала Ассурбанипалу свою помощь против еламитского царя – Пумана. Теперь многие полагают, что в этих явлениях мы имеем дело с фактами чревовещания. Жрецы научались и владели искусством чревовещания, сущность которого сводится к тому, чтобы делать слушателя жертвою звуковой иллюзии. Наш орган слуха сам по себе во многих случаях не может определять, откуда идет звук. Это определяется при помощи других органов чувств, и ошибки в этих определениях очень возможны и часты. В Библии много говорится о чревовещателях и в одном месте у пр. Исаии (XXIX, 4) дается даже характерное описание того, как чревовещатели говорят. Звуки глухого и низкого голоса всегда кажутся выходящими как бы из глубины, из земли. Очень может быть, что у некоторых говорящих статуей были искусственно двигающиеся челюсти. Лишь только начинали откуда-то из глубины раздаваться звуки, челюсти приходили в движение. Характер звуков и движение челюстей естественно создавали иллюзию, что голос выходит из глубины статуи⁷. Но чаще прорицания получались иным образом. Простыми смертными не представлялось самим вопрошать богов и божество обыкновенно открывало свою волю и возвещало будущее не ясною членораздельною речью, а неопределенными звуками исходившими из самых различных предметов. Проводниками откровения были метеориты-камни падавшие с неба, некоторые виды оружия (делавшиеся с гранитной головкой и с деревянной рукояткой) наприм., топор по образцу топора Рамана (Раман бог грозы и бурь), копья сделанные по образцу волшебного дротика Гильгама (дротик Гильгама по одному приказанию своего властелина без прикосновения к нему поражал врагов и возвращался обратно), некоторые деревья, напр., дерево Ериду (Масперо присоединяется к мнению Иенсена полагающего, что прорицатель спрятавшийся в дереве жрец). Неопределенные звуки исходившие из предметов истолковывали жрецы. Предметы, чрез которые давались прорицания, становились объектами религиозного почитания. Камни воздвигались на алтари, пророчествовавшее оружие вносилось во святилища. Статуи, храмы и все, что в них находилось, были предметами общегосударственного почитания. Но кроме этого в каждой семье были свои семейные святыни, семейные боги. Им в семействах возносились

молитвы пред их изображениями, стоявшими у домашнего очага совершались возлияния. Они защищали хозяина и его семью против козней злых духов.

Всякое несчастье древний халдей был склонен трактовать как результат козней и происков демонов. Так они смотрели и на болезни. Геродот говорил что у вавилонян не было врачей. Они рассказывали, что там существовал обычай выносить больных на площадь, и что каждый проходящий должен был подходить к больному и обязан был, если мог, дать совет, как лечить больного. Теперь несомненно, что халдеи имели не мало верных сведений относительно болезней и их лечения, однако в деле избавления от болезней главным образом по видимому возлагали надежды на магию и заклинания. Много найдено теперь плиток и амулетов содержащих заклинания от болезней. В средневековой магии было обычным такое заклинание: „шика, шика, беша, беша!“ Теперь оказывается, что это слова чисто ассирийские и имеют значение: „прочь, прочь, злой, злой!“ Обыкновенно больные и одержимые бесами обращались к солнечному богу Мардуку с мольбою об исцелении, и литургические формулы обыкновенно представляют дело таки. „Мардук взглянул на него (на больного), он пошел в дом к своему отцу Еа, (Еа живет в морской глубине) и он сказал: Мой отец! то и то случилось, и я не знаю, силою чего тот человек может стать здоров. Еа отвечал своему сыну Мардуку: мой сын! чего бы не знал ты, что я еще мог бы тебе сказать? Мардук! чего бы еще не знал ты, что я мог бы сказать тебе далее? Что знаю я, то знаешь также и ты. Иди туда (к больному) мой сын Мардук“ Иногда больной от Еа и Мардука получает повеление обратиться к Гибиллю, богу огня. „Для избавления от того, что очаровало меня и что околдовало меня, я по приказанию Еа и Мардука обращаюсь к Богу огня“. Найдены заклинательные формулы, в которых призываются все трое Еа, Мардук, и Гибиль. „Ваше волшебство, которым вы очаровали меня, разрешит заклинатель Еа. Ваше колдовство разрушит Мардук, заклинатель между богами, сын Еа, определитель! Я свяжу вас, я свяжу вас оковами, я передам вас богу огня сжигающему, уничтожающему, связывающему, который владычествует над чародейством“⁸. Вот один заклинательный гимн: О Боже мухтабарру мутану (милосердый, дающий жизнь людям), скорый помощник, славный разрушающий очарование, блестящий, поднимающий дух в людях, я, шамаш шамукин, служитель своего бога, твой служитель стонет, вздыхает, он удручен, великая скорбь, лихорадка, поражение и утеснение от твоей божественности, гибельная болезнь, злое настроение объемлют мое тело, злая болезнь, утеснение обитают во мне, прикованный

к ложу скорбей, я взываю к тебе, к богу ведомому и неведомому, я совершал грехи, я возбуждал мятежи, меня объемлет страх, я боюсь взгляда твоего божества, твоего величия, да будут слезы моих рыданий тебе приятными, да истощится гнев твоего сердца, твое возвращение есть благо твое утешение светоносно. Да будет неизмеримым твое милосердие, пусть оно низойдет к твоему служителю Шамаш-Шамукин – силою твоих песен, я прославлю твое божество“. Талисманы, особенные камни, носившиеся на груди, амулеты на шее постоянно носились для избавления от колдовства. Но когда злomu духу удастся причинить зло человеку, то самому человеку трудно противостоять злой силе. Самое благоразумное обратиться к заклинателям-жрецам. Они совершали обряды очищения и заклинания по установленному ритуалу. Здесь употребление действительно помогающих средств (мазей, целебных трав) соединялось с грубосуеверными обрядами. Найдено два больших ассирийских сборника, называющихся „сожжение“ и трактующих о заклинаниях, соединявшихся с сожжением, разных предметов – трав, плодов, семян, козьей и овечьей шерсти, гибель которых на огне символизирует гибель колдовства. Бесноватых связывали волшебным шнуром, который потом развязывался, чем символизировалось уничтожение силы державшей больного. Делались изображения, злых духов, поразивших больного, и уничтожались. Употребляли обряды очищения посредством воды Тигра и Евфрата и некоторых масел. Посредством заклинаний изгоняли демонов из больного в пустыню.

Борясь со злом посредством заклинаний, узнавая будущее посредством оракулов и вещей снов, житель Месопотамии должен был еще постоянно считаться со всевозможными приметами и предзнаменованиями, которые надвигались на него отовсюду и к которым он должен был приспособляться. Великая важность придавалась астрономическим явлениям. Наблюдения за ними и донесение о них царю с соответствующими пророческими комментариями, а иногда и без таких комментариев, когда по видимому значение явления было известным, было обязанностью жрецов. Вот некоторые из подобных сообщений. „Месяц и луна светили ровно (во время весеннего равноденствия), все будет в обилии, царь страны будет царствовать долгое время“.

„Солнце и луна явились. Царь страны явит мудрость. В четырнадцатый день солнце и луна явились вместе. Верность будет царствовать в стране. Боги Вавилонии склонились благоприятно. Армия будет действовать согласно с желаниями царя. Скот будет пастись в безопасности“. „В пятнадцатый день солнце и луна были вместе.

Могущественный враг поднимает свое оружие на страну. Враг стремится сокрушить великие ворота города; звезда Ану явилась блестящею, враг будет опустошать“. „Луна явилась не во время. Жатва будет плохую. В двенадцатый день луна была видна вместе с солнцем. Вопреки вычисленному времени луна и солнце явились вместе. Могущественный враг опустошит страну. Царь Вавилонии принужден будет подчиниться врагу. В двенадцатый день луна с солнцем были видимы, в двенадцатый день были видимы. Великое горе для Вавилонии. Это благоприятный знак для Елама и западной страны, но несомненно неблагоприятный для Вавилонии“. „Царю, моему господину, его служитель Истарь иддинабаль, глава наблюдателей звезд в Арбеле. Да будет Набу, Мардук и арбачская Истарь благосклонны к царю, моему господину. В двадцатьдевятый день мы бодрствовали. Поле наблюдения покрылось (облаками) Луны мы не видали (т. е. лунного затмения)“. „Если звезда великого льва“ потемнеет, это благоприятный знак для страны. Если звезда „царя“ потемнеет, умрет хранитель (?) дворца“. Каждое небесное явление имело в глазах халдея значение для земли. О всех непосредственно – будущих земных событиях написано на небе в настоящее время. Но если небо предсказывает будущее, то другие указания руководят человека, как ему должно поступать в будущем. Таким указателем прежде всего является календарь⁹. Здесь мы находим и разделение дней на благоприятные и неблагоприятные и более точные и подробные определения свойства их. „Первый день второго Элула, посвященный Ану и Белу, благоприятный день. Когда луна в этом месяце явится на небе, царь многих народов принесет его дар – серну и плоды, принесет его дар Шамасу владыке стран, и Синь, великому Богу. Он принесет жертву, и его молитва богу будет принята“. Точно также называются благоприятными второй, третий, шестой день (каждый день посвящается особым божествам). Но седьмой день называется злым“. Седьмой день моление Мардуку и Сарпаниту, благоприятный день (Jastrow предполагает вполне согласно с последующим текстом, что должно читать: да будет благоприятным днем, но на самом деле он злой день). Пастырь многих народов пусть не ест изжаренного на огне, пусть не ест никакой пищи приготовленной на огне. Телесные одежды пусть не переменяются, пусть он не переодевается. Жертв пусть он не приносит. Царь пусть не выезжает на колеснице, пусть не посылает к жрецу спрашивать оракула во святом святых. Врач пусть не ходит в комнату больных. День этот неудобен для совершения заклания. Ночью пред Мардуком и Истарь царь пусть принесет его дар. Тогда он принесет его жертву, чтобы его молитва была принята“. Относительно каждого дня в

календаре давались мистические и руководящие указания. Вот, напри-
м., что говорится в халдейском календаре относительно нескольких дней
второго месяца (Ийяр-апрель-май). „21 день – враждебность; 22 день
благоприятный суд, призывание заклинаний; 23 день – сердце не хорошо;
24 день – веселие сердца; 25 день – жена пусть не приближается, сердце не
хорошо; 26 день – тайна“. Очень много предзнаменований извлекалось из
факта родов. „Если женщина родила двойню – мальчика и девочку, это –
не благоприятное знамение; страна не пострадает, но дом, в котором
родились дети, будет умален“. „Если женщина родит ребенка с львиною
головою (т. е. подобною львиной), могущественный царь будет править в
стране“. „Если женщина родит ребенка с двумя глазами на левой стороне,
то признаки, что боги гневаются на страну, и что страна будет
опустошена“. „Если женщина родит младенца с тремя глазами на левой и
с одним на правой стороне, боги наполнят страну трупами“. Сходство
младенца с тем или другим животным, отступление того или другого
органа от нормальных размеров, уродства (их должно быть бывало
множество, судя по текстам о предзнаменованиях), все в некоторой
степени открывало пред человеком завесу будущего. „Если собака
оценится в стаде (в помещении для стада), оружие будет уничтожать
жизнь, и царь не будет торжествовать“. „Если у овцы родится пять ягнят,
это признаки опустошения страны, владелец ягнят умрет и его дом
разрушится“. „Если кобыла ожеребится двойнею, одно рождение
мужское и другое – женское и каждое будет иметь только по одному
глазу, враг будет торжествовать и опустошит Вавилонию“. Извлекались
предзнаменования из действий животных. „Если желтая собака забежит во
дворец, это признаки губельной судьбы дворца“. „Если белая собака
забежит в храм, утверждение этого храма будет твердо“. „Если птичка
бросит кусок мяса или еще чего-нибудь внутрь дома, владелец его будет
пользоваться обширным счастьем“. „Бык бодающий вола в городе, не
благоприятное предзнаменование для города, но бык забежавший в чьи-
нибудь владения, благоприятное предзнаменование для владельца“. Предзнаменования давались в снах. „Если рыба окажется на голове
человека, этот человек будет могуществен“. „Если соль окажется на голове
человека, его дом будет покровительствуем“. Телесные особенности
указывали на судьбу имеющую постигнуть человека. „Если правая сторона
груди коричневая, это – роковой (?) знак“. „Если левая сторона груди
бледна, болезнь будет жестокою“. Так все и везде несло предзнаменования
халдею. Вместе с этим везде темные силы стремились сделать его
жертвою своей злобы. Но все это не повергало его в отчаяние, не склоняло

к мысли, что жизнь есть зло, и что он только несчастная игрушка в руках жестоких сил, действующих в мире. Целая система верований и убеждений склоняла его к совершенно противоположным выводам. Он был убежден, что ему даны средства – в заговорах, в заклинаниях, в содействии добрых духов для борьбы со злом. Он твердо верил далее, что страна, в которой он жил, нация, к которой принадлежал, наиболее угодны богам. Он верил, что боги могущественнее духов злобы. Он не считал богов безусловно благими и безупречными в нравственном отношении, но он был твердо убежден, что жрецы сумеют приспособиться к их неровному характеру и расположить их к его родине, к его дому, к нему самому. Без сомнения, простой житель халдеи был гораздо более сведущ по части предзнаменований, получаемых от рождения двойни, и по части заговоров, чем в области богословских спекуляций в первом случае он более или менее знал, что значит то или другое и что нужно делать, во втором случае он верил в знания жрецов. Так, происходило и происходит не в одной халдее. Только по мере развития человечества суеверия масс и вера высших классов все более и более расходятся между собою. Но в древности между ними не было ни такой резкой грани, ни такого противоречия. И затем должно прибавить, что суеверия тогда были гораздо более согласованы между собою, чем верования.

3.

Если бы кто-нибудь попытался составить представление о каком-либо халдейском божестве на основании всех текстов говорящих о нем, то он встретился бы с невообразимую путаницею. Бог оказался бы имеющим целую серию различных образов возвышающимся почти до единого бога вселенной и нисходящего до роли правителя какою-либо стихией или небольшою странюю. На одной статуе Небо в Ассирии написано: „человек, который потом придет сюда, почитай Небо и не почитай никакого другого бога“ (в храме ассирийского царя Рамманирари III), а в Уре Небо считался даже не в разряде главных, а принадлежал к второстепенному рангу богов. Житель Вавилона обращался к Мардуку с такою молитвою: „когда является твое могущество, что противостоит ему? Твое слово верховное определение на небе и на земле. Оно раздается на море – и море отступает, оно раздается на равнине, и поля облакаются в глубокий траур. Оно звучит на высоких водах Евфрата и управляет половодьем. О владыка! ты властелин – что может тебе противиться? Мардук – ты верховный глава среди Богов, которые имеют имя“. Обыкновенно каждый из богов имел двойную роль. В каком-либо из городов он почитался как главный и

наделялся всеми божескими атрибутами и затем во всей стране он почитался, как бог того или иного – иногда очень невысокого – ранга. Город Урук почитал Ану, Нипур почитал Енлил – Бела, Ериду – бога Еа. Ану собственно бог неба, Бел – бог земли, Еа – бог вод. Синь, бог луны, царствовал в двух великих городах – в Уре на крайнем юге и в Харране на крайнем северо-западе. Бог солнца – Шамас царствовал в Ларсаме и в одном из городов Сиппара, другие солнечные боги царствовали – Нергал – в Куте, Цамама – в Киме, Наниб вместе с Белом в Нипуре, Мардук – в Вавилоне. Отношения между этими божествами не всегда были мирными. Они соперничали, как и города, которыми они управляли, они строили козни один другому, вступали даже в войны. Вместо того, чтобы совместно бороться против злых демонов, которые угрожали их господству и, следовательно, всему порядку вещей, они вступали с ними в союзы и употребляли их для борьбы друг с другом.

Таким образом, боги в халдейской религии как бы исключали взаимно друг друга, но с другой стороны боги этой религии рассматривались в системе, как одна иерархия. Шесть главных богов располагались в следующем порядке: Ану, Бел, Еа, Синь, Шамас, Рамман. Эту шестерицу разделяли на две триады, из которых первая заключала трех первых, а вторая – трех последних богов. Ану (ана – небо) бог неба, владычествующей над неизмеримым сводом, поднимающимся над нашими главами. Этот свод светел днем, по нем движется солнце, ночью он темен и усеян бесчисленными звездами и созвездиями. Ану – дух, одушевляющий твердь и управляющий ею; его резиденция находится на севере у полюса, и дорога, которую он обыкновенно выбирает для того, чтобы надзирать над своею областью, представляет собою земную эклиптику. Он живет в светлых областях мира, в безопасности от ветров и бурь, в атмосфере всегда чистой и в свете всегда ясном. Боги средних пространств и боги земли бегут к небу Ану, когда им угрожает опасность (как, наприм., во время потопа), но они не осмеливаются проникать в его глубины, оно открывается лишь в редких случаях для некоторых царей и героев. Живущих так далеко от людей на недостижимых вершинах Ану подобен этим вершинам по своему спокойствию и неподвижности. Если ему нужно произвести суд или совершить какое либо действие, он обыкновенно возлагает исполнение на Бела – Мардука, Еа, Раммана. Низшие гении служат исполнителями его воли. „Их семь вестников Ану, их царя. Они из города в город гонят грозовой ветер, они являются южным ветром, который могущественно носится по небу. Они суть быстрый бури, наводящий мрак среди ясного дня. Они бродят здесь и там вместе с злым

ветром и с ужасною бурей“. Ану отпускает всех богов по своей воле, затем он призывает их опять; затем для того, чтобы пользоваться ими как орудиями, он ослабляет их личность, обращает их в ничто, поглощает в себя. Они смешиваются с ним, и их имена становятся только новыми названиями его. В первые дни творения Ану является как Лакму, Урам и Ниниб, воинственное солнце Нипура, это тот же Ану. Орел Алала, которого Истарь опьянила своими ласками, есть Ану. При таком понимании божества Ану оказывается, что он не есть просто первый и высший между богами, но что он есть единственный бог, и что различные имена богов, это – наименования различных проявлений единого Ану.

Бел, Бел древний – владыка земли, на которой живут люди и в лоне которой они погребаются после смерти, в вавилонском пантеоне стоит рядом с Ану. Он однако не принимает того величавого образа, который имеет Ану, и справедливо полагают что представление о нем, совсем бы потускнело, если бы он не слился в Вавилоне с национальным богом Вавилона Мардуком. Бел-Мардук или Бел-Меродах стал главным богом Вавилона, но Вавилон со времени Гаммураби, т. е. с эпохи Авраама, стал главным городом для поселений Евфрата. Вместе с этим и Мардук стал главным богом Вавилона. Мардук собственно бог восходящего солнца, несущего миру победу над мраком, несущего тепло, урожай. Вместе с тем он и бог весеннего солнца, „который любит воскресение мертвых“. У вавилонян был праздник Цакмуку или Акиту, на этом празднике чувствовалась победа весеннего солнца над холодом и мраком; впоследствии вавилонские жрецы превратили этот праздник в прославление торжества Мардука над другими богами. Вавилонские жрецы позаботились, чтобы и в других городах на празднике Цакмуку Мардук занял первенствующую роль хотя, эти города имели свои солнечные божества. Мардука наделили атрибутами всемогущего бога. Некоторые (Иеремиас) полагают, что халдейская космогония составлена вавилонскими жрецами с целью возвышения Мардука. Этого нельзя признать справедливым. Из космогонии в конце концов не видно, чтобы Мардук был творцом мира. Его роль не везде и не всегда ясна. Но вот, что можно утверждать. Вавилонские жрецы переработали космогонию с целью возвышения Мардука, и это им удалось. В космогонии представлялась домирная борьба какого то бога (Бела?) с Тиамат (бездной). На место Бела или иного бога был поставлен Мардук. Под образом чудовищного животного Тиамат, источник греха, склоняет человека нарушить поставления Еа. Боги вооружаются против Тиамат, но только Мардуку удается победить и низвергнуть Тиамат в бездну. Мардук,

сын Еа, но он усвоит себе все атрибуты Бела и Еа и сохраняет роль величайшего бога, до времени окончательного падения Вавилона. Временное владычество Ассирии над Вавилонией мало повлияло на изменение его положения. А в период нововавилонского царства он почитался еще более, чем в древнейшем Вавилоне.

Еа – бог вод третий бог первой триады. Он представлял собою бездонную бездну, темные воды океана, в которых некогда скрывались семена всех вещей и из которых вышел мир. Еа до творения заключал в своем лоне семена всего, он заранее знал, что выйдет из этих семян. Ему приписывается знание всего прошедшего, настоящего и будущего. В нем почитали высшую мудрость, владыку заклинаний и чар, которые управляют людьми и богами. Никакая сила не могла преодолеть его силы, никакой голос не мог возвыситься над его голосом, но лишь только он открывал свои уста, чтобы возвещать свои определения, его воля становилась законом и никто не осмеливался ему противоречить. Если являлась какая-либо опасность, против которой другие боги чувствовали себя бессильными, они обращались тогда за помощью к нему, и он никогда не отказывал. Он спас от потопа Самас – напистина, он ежедневно избавляет своих почитателей от болезней и от демонов, которые производят эти болезни. Обыкновенно людям он помогает чрез своего сына Мардука. Он был горшечником и он вылепил людей из глины равнин. Кузнецы и ювелиры приписывали искусство делать ковкими и обрабатывать металлы. Делатели тканей, те, которые обрабатывали камни, садовники, земледельцы, матросы видели в Еа – учредителя их занятий и их покровителя. Писцы вели свое искусство от его несравнимого искусства и лекаря и знахари заклинали духов только его именем, силою молитв, которым он их научил. С этими указаниями текстов хорошо согласуется то, что говорить об Еа Бероз, которого он называет не Еа, а Оаннес. Оаннес выходил из Эритрейского моря (Персидского залива) на Халдейскую равнину, чтобы просвещать людей, живших подобно скотам без нравственности и без законов. Он проходил посреди людей, никогда не принимая пищи, уча их письму наукам и всем полезным искусствам: искусству строить города, воздвигать храмы. Он учил людей геометрии, законами, умению сеять и возделывать, вообще всему тому, что составляет культуру (solo==возделываю) так, что после него ничего не было изобретено. По захождению солнца Оаннес удалялся в море и проводил там ночь, так как был амфибией (Оаннес имел тело рыбы, но над головою рыбы человеческую голову и из рыбьего хвоста выходили человеческие ноги). Оаннес написал книгу о происхождении мира и о правилах

цивилизаций которые и оставил людьми.

Такова первая триада. Образы богов принадлежащих к ней в сущности стоят высоко над миром и связываются с ним только искусственно и случайно. Ану собственно не ниспускается до мира, Бел сближается с миром посредством слияния с Мардуком, который если с одной стороны спасает культ Бела, то с другой все таки унижает величие бога. Еа в своей первоначальной роли является высочайшим разумом и ведением и с миром связывается посредством своего сына Мардука и только то обстоятельство, что разум требуется постоянно, а у халдеев по их собственному сознанию его по видимому было мало, создало сказания о непосредственном научении людей всему чрез Еа. Вторая триада стоит несравненно ближе к человечеству. Ее составляют Син – бог луны, Шамас – бог солнца, Рамман – бог грозы и бурь. Правильность в движениях солнца и луны, закономерность и периодичность физических явлений естественно подсказывали мысль, что деятельность этих богов стоит в зависимости от какой то высшей воли. Их и признавали не самобытными и не само определяющими. Син признавался сыном Бела, Шамас сыном Сини, Рамман сыном Ану. Первое место во второй триаде занимал Син. Ур, где преимущественно почитался Син, имел преобладающее значение в южной Халдее. Син носил в Уре имя Уруки (сначала Урки) или блестящий. Наннар и его жрецы стремились отождествить его с Ану. „Владыка, князь богов, который один превыше всего на небе и на земле, отец Наннар, владыка небесного воинства, князь богов. Отец Наннар, владыка, великий Ану, князь богов, отец Наннар владыка, бог –луна, отец Наннар, владыка Ура, князь богов. Владыка! твое божество, как глубокие небеса и широкое море распространяют почтительный ужас.

Господин земли, который определил на ней пределы городов, назначил им их имена, отец, производитель богов и людей, устраивающий их жилища и созидающий все, что есть доброго. Тот, кто провозглашает царство, кто дает высший скипетр, кто определяет жребий отдаленных дней. Владыка непоколебимый, сердце которого широко, бог, которого никто не может назвать, члены которого крепки, и колена которого не покоятся никогда, кто открывает путь богам своим братьям. Кто приближается из глубины небес, кто открывает ворота неба, проливая свет на страны людей. Отец который родил, Владыка, отдающий свои повеления небу и земле, воли которого никто не нарушает. В небе кто сияет? Ты, ты один. На земле, кто блещит? Ты, ты один. Ты! твоя воля возвещается на небесах, и небесные архангелы повергают пред тобою свои лица. Ты! твоя воля возвещается на земле, и архангелы земли колеблют

почву. Ты! твоё повеление раздаётся в вышине, как ветер во мраке, и оно заставляет землю производить растения. Ты! твоё повеление едва изрекается на земле, и уже растительность произошла. Ты! твоё повеление распространяется на обитаемых местах и вершинах и умножает живые существа. Ты! твоё повеление даёт бытие истине и справедливости, оно утверждает истину между людьми. Ты! твоё повеление, это – широкие небеса и земля, которую они покрывают которых не забывает никто... Владыка! на небесах твоё господство, на земле твоё владычество, между богами твоими братьями ты не имеешь соперника. Царь царей, который не имеет судьи над собою, с которым никакой бог неравен по божеству, благоприятствуй городу Уру, о Боже, благоприятствуй ему. Пусть счастливая супруга могла бы умолить тебя о мире, пусть счастливый супруг, о владыка, мог бы умолить тебя, о мире, пусть небесные архангелы, о владыка, могли бы умолить тебя о мире, пусть архангелы земли могли бы умолить тебя о мире!“ Но подобные величественные гимны раздавались только в Уре и Харране. В других местах Син был просто богом луны, а на звание его митры агу часто обозначало просто луну.

Второе божество триады Баббар Шамас (Баббар – сумирийское, Шамас – семитическое название), бог солнца, свет богов, его отцов, блестящий отпрыск Син. Ночью Шамас пребывал на север за металлическими воротами. Утром рассвет открывал ему ворота на востоке, он поднимался весь в пламени, с булавою в руке и он катился на колеснице по горам окружающим мир. Через шесть часов он достигал высочайшего предельного пункта на юге и затем начинал спускаться к западу, постепенно ослабляя свой свет, и на запад он удалялся в свое жилище до следующего утра. Он совершал свое путешествие, сопровождаемый двумя оруженосцами на колеснице запряженной мужественными онаграми, колена которых никогда не уставали. Блестящий солнечный диск, который мы видим с земли, это одно из колес его колесницы. Шамас распространял с собою благодетельный свет. „Солнце, ты утверждаешься на основании небес, ты открываешь засовы, заграждающие блестящие небеса, ты открываешь ворота небес. О солнце! ты поднимаешь свою голову над землю, ты распростираешь над землю блестящий свод небес, Духи мрака убегают при твоём приближении или бросаются в их потаенные пещеры, ибо „он (Шамас) разрушает злое, уничтожает гибельные знамения и предзнаменования, силу злых снов, он обращает зло во благо и он влечет к гибели те страны и тех людей, которые занимаются черной магией“. В тоже время он льет на землю

широкими волнами истину и справедливость, он – высокий судья, перед которым все склоняется, его права не ограничиваются, его приговоры никогда не отвергаются.

Третьим лицом второй триады первоначально была богиня Истар (планета Венера). Такою, наприим., вторая триада является в надписи на колонне Салманассара II-го. Тексты говорят: в прошедшие дни.... Ея поручил Сину, Шамасу и Истар управлять небесною твердью. С Ану, он разделил между ними управление небесным воинством, между этими тремя богами, их детьми, и он заставил их непрестанно трудиться“. Полагают, что, когда образовался специальный цикл планетных божеств, Истар была переведена в этот цикл, а во вторую триаду на её место поставили Раммана. В Раммане соединяются черты многих древних духов атмосферы и атмосферных явлений. Его стали представлять как бога грома (он изображался с топором), гроз (с грозowymi стрелами) и бурь. Как бог стихий, он характеризуется силою и изображается с бычачьими рогами. Масперо замечает, что его помещение на третьем месте во второй триаде было неудачным, и что это по видимому сознавали и сами халдейские богословы. Рамман – бог стихий и первоэлементов и, как таковой, он скорее примыкает к первой триаде, чем ко второй. Иногда его и ставят во второй триаде на первом месте. Истар была совершенно на своем месте во второй триаде, которая с нею имела чисто астрономический характер. Но для Истар нашлось другое место, а богов триад халдейские богословы нашли весьма приличным женить, для чего, конечно, нужно было, чтобы они все были мужского пола, а Истар считалась женским божеством. Супруга Ану была названа Анат, супруга Бела – Белит, это – довольно бесцветные образы, отражающее в себе кое-что из величия и власти супругов. Жена Ея называлась Дамкина, владычица почвы, она олицетворяла землю оплодотворяемую водою. Нингал, жена Син, была тоже по видимому пассивной стороной своего супруга. Но жена Шамаса А или Сиррида, имела некоторую самостоятельность. Она была раньше самостоятельным женским божеством и уже впоследствии стала женою солнца (формы имени А, Аа, Аи пытались сблизить с Иа ô, Яхве, но теперь это сближение безусловно отвергнуто) У Шамаса, впрочем, оказывается целый гарем. Его женами назывались „великая“ Гула, утренняя звезда Анунит, дочь Син „сострадательная“ Сала (Сала+умму==мать создали имя Саламбо, которым некоторые называли вавилонскую Афродиту). Все это древние божества, из каковых только Нана сохранила полную самостоятельность, как госпожа Ериду. Отчасти сохранила самостоятельность Анунит – Было два города Сиппара, и один

из них почитали Шамас, а другой – Анунит (Sippara sha Shamash, Sippara sha Anounitoum). Сала представлялась иногда женою Мардука, она (богиня нив) называется и женою Раммана. Если принять у каждого бога триад по одной жене, то, получится, что величайших божеств было двенадцать.

За великими богами следуют планетные боги. Мардук был богом планеты Юпитер, но мы видели, что судьба назначила ему более высокую роль, и он возвысился над всеми вавилонскими богами. Богинею планеты Венеры была Истар. У Истар было два рода качеств: все равно, как и Венера, она является то вечернею, то утреннею звездой. В вечерней звезде символизировалась богиня любви, которая направляет мужчину к женщине и которая влечет одно существо к другому. Утренняя звезда символизировала холодную и жестокую богиню войн, возбуждающую в людях желание битвы. Истар являлась то девственною и целомудренною, то сладострастною и развратною. Она и благодетельна и жестока, и миролюбива и воинственна, Истар принимает еще имя Астарет или Астарты – богини плодоносной природы и питающей земли. Ниниб (Сатурн) в древности, почитался солнечным богом, но впоследствии его не отождествляли с солнцем, хотя продолжали ему приписывать некоторые свойства солнечного бога. О нем говорится, что он освещает глубины океана и посылает лучезарный свет на ночное небо; он представляется правящим судьей, владеющим стихиями, имеющими власть над областью мертвых. Рядом с Ниниб стоит Нергал (Марс). Как и Ниниб, это – бог солнца. Но солнце, есть светило не только благодетельное и распространяющее жизнь, а иссушающее, сжигающее и убивающее. Нергал и владел этими губительными свойствами. Поэтому он является богом войны, моровой язвы и богом мертвых. Некоторые (Иеремиас) сближают Нергала с божеством огня – Гибилем (Гибил – молния). Но нельзя принять этого сближения. У обоих божеств общее только то, что они владеют силою сожигающего огня, но Нергал владеет вообще убивающим огнем, а Гибиль, как мы уже видели, владеет светящим и сожигающим огнем страшным только для злых. Как посланники богов, Гибиль приближается к Нуску – хранителю жертвенных приношений, вестнику храма, обетований и милостей. Последним из планетных богов является Небо (Меркурий) сын Мардука, он почитался, особенно в Борсиппе. Его характер натуралистический. От него ставили в зависимость рост злаков и общие воды. Он – бог хранитель, руководитель и прорицатель (Небо== Набу==Нави). Планетные боги, как и боги триад, вели брачную жизнь. В качестве планетного бога, Мардук имел женой Царпанит. Ниниб имел супругою Бау, дочь Ану, также Гулу, царицу

врачей. Нергал является принимающим почитание от верных то с супругою Лау, то с Есхарра такую же воинственной и также неизменно побеждающею в сражениях, как и он. Небо, сын Мардука и Царпанит, имел супругою Тасмит – богиню литературы, а иногда его супругою называется и Истар. Нужно заметить, что мужа и жены не редко перемешиваются в вавилонском пантеоне. Истинным возлюбленным Истар был Думмуци==Таммуз (Таммуз название четвертого месяца==июнь–июль), супруг её юности. Это бог весеннего солнца, весенней растительности, юный бог погибающий от действия враждебных сил (летнего зноя) и попадающей в царство мертвых. Но так как он есть владыка жизни, то он разрывает узы смерти и, покинув царство смерти, одевает землю растениями. В текстах о Таммузе есть два неясных пункта: о причине его смерти (по видимому его погубила Истар, наслаждавшаяся смертью своих любовников) и о том, каким образом он (пребывающий в царстве мертвых) производить жизнь на земле. Пять планетных богов с своими супругами составляют число 10. Так, в вавилонской религии получается два совета богов – один из 12 членов, другой из 10. Древность придавала Великое значение цифрам, и каждый из богов обозначался тоже числом. Числа для богов триад представляли собою нисходящую арифметическую прогрессию с знаменателем 10. Ану==60, Бел==50, Еа==40, Син==30, Шамас==20, Рамман 10 (и иногда 6). Числа планетных богов не представляют правильного ряда Ниниб==50, Мардук==25 (?), Истар==15, Нергал==12, Небо==10. Из других божеств, не входящих в состав великих советов, преимущественное значение имела богиня Алату. Она была богиней подземного царства. Ближайшее отношение к ней имел Нергал, но он в сущности только приготовлял ей добычу, а она бесконтрольно властвовала над этою добычею в своей темной области. – Аралу, которую одни помещали под землю, а другие предполагали на крайнем востоке или севере. Алату изображалась с телом женщины – нескладно сложенным и косматым. Лицо у ней было каррикатурно львиное, она имела крылья и лапы хищной птицы, в каждой руке она держала по змею. Они представляли собою, так сказать, живые дротики которые поражали и отравляли людей. У ней было два детеныша–львенка, которых она кормила грудью. Она постоянно объезжает свое царство – царство теней. Из этого царства нет возврата, сами боги могут проникнуть к Алату лишь под условием потерять бессмертие.

Божества судьбы – фатума – неизвестно в вавилонской религии, но есть в ней миф о птице Цу, который показывает, что идея судьбы или рока не была чужда жителям Месопотамии. Все в мире, даже по видимому

самые ничтожные события совершаются по заранее составленным вычислениям и данным определениям свыше. Каждое утро боги (совет двенадцати) собираются на востоке около ворот солнца и рассуждают о событиях наступающего дня. Мудрый Еа представляет им жребии, которые должны исполниться, потом он приказывает переписать их в комнате судеб на таблицы, который Шамас или Мардук несет с ним и разбрасывает по дороге. Если бы кто отнял у Еа эти роковые таблицы, тот сделался бы господином мира в тот день. Это несчастье случилось однажды в начале веков. Цу, птица бурь, которая живет с своею женою и детьми на горе Сабу под покровительством Бела и которая с этой горы летает по полям для грабежа, возмела честолюбие сравняться с высшими богами. Ранним утром она проникла в комнату жребиев, прежде чем поднялось солнце. Она заметила там царские инсигнии Бела – „митру его владычества, одежду его божества, таблицы судьбы его божества, Цу заметила их. Она заметила отца богов, бога связующего небо с землею, и желание господства овладело ее сердцем..... Я захвачу таблицы судеб богов, я, и предсказания всех богов, я возьму их, я возсяду на трон, я буду посылать определения, я буду управлять сонмом всех игиги (небесных духов противоположных Ануннаки). И сердцу Цу составило план. Цу притаилась в глубине залы ожидая наступления дня. Когда Бел разлил свои блестящие воды, когда он поместился на троне и возложил на себя корону, птица Цу выхватила роковую таблицу из его руки, она захватила владычество и власть давать определения. Бог Цу, он улетел и спрятался в горе. Тогда Бел вскричал воспламененный гневом и огни его гнева стали опустошать мир. Ану открыл уста, он сказал, он сказал богам своим детям: кто победит бога Цу? тот сделает свое имя великим во всей стране“. После этого призвали Раммана, и Ану предложил ему отнять у Цу роковые таблицы, Рамман заявил Ану, своему отцу, что теперь его (Раммана) могущество в сравнении с силою Цу ничто иное, как глина. Призывали с таким же предложением Бару, сына Истар. Тот тоже отказался от всякой попытки. Наконец Шамас принял предложение, победил Цу и привел пленником пред Еа.

4.

Религия жителей бассейна Тигра и Евфрата носит имя ассирово-вавилонской; справедливее ее было бы назвать вавилонско-ассирийской. Древневавилонская монархия и господство её религии гораздо древнее ассирийского. Торжество Ассирии было сравнительно поздним и недолгим (главным образом VIII в. до Р. Х.). В эту эпоху выступают и

заявляют о себе миру и особенности ассирийской религии. Но с падением Ассирии погибает и её бог Асур и все, что в их религиозных представлениях и действиях было особенного сравнительно с вавилонянами. И ассирияне и вавилоняне несомненно имеют общее происхождение, язык ассириян рассматривается, как наречие незначительно отличавшееся от вавилонского. Пантеон вавилонян, оказывается, почитался и в Ассирии, но кроме вавилонских богов Ассирия имела своего, которого считала высочайшим – Асура и в отношении к богам, которые почитались вавилонянами, сравнительно с последними вносила некоторые особенности. Очень может быть, что имя Асур происходит от Ansar – название творческого начала в вавилонской истории творения, – от которого произошла высшая триада богов (Тиле). В еврейском и ассирийском языках корень a-sh-g означает – быть милостивым, благословенным, оказывать счастье, это сближают с тем обстоятельством, что имя Асур иногда писалось идеографически, как „добрый бог“, но это звуковое сближение, а не историческое. Название города Асура, который был древнейшей столицей Ассирии, надо полагать, произошло от имени бога, затем, когда территория ассириян расширялась, они все, что оказывалось в их власти, называли Ассириею, т. е. областью бога Асура. Город Асур был забыт, столицами Ассирии становились Нина (Ниневия), Калху (Келах), Дур-Саррукин, но бог Асур во всех столицах почитался неизменно. Замечательно, что нет древних изображений Асура. Позднейшее его эмблематическое изображение (полагают, заимствованное от изображения египетского солнечного диска, и в свою очередь, несомненно послужившее моделью для персидского Агура-Мазды) таково: бог с натянутым луком или с вытянутой стрелой, с обеих сторон у него крылья, снизу птичий хвост. В Асуре не было элементов солнечного бога или бога природы. Он называется отцом и царем богов. Об Ану в одной надписи Асурбанипала говорится, что он получил жизнь от Асура, но прежде всего он отец и покровитель ассирийского народа – Бел Ассирии и, как таковой, управляет Ассирией с своей супругой Белит. Он ревнует за Ассирию, враги Ассирии – его враги. Вот почему войны войнолюбивых ассириян были в их глазах делом весьма богоугодным, бесчеловечная жестокость на войне принимала у них характер религиозного подвига, так как эта жестокость карала тех, кто не признает и не почитает Асура. Почитание Асура не было связано преимущественно с каким либо пунктом Ассирии, как Мардука в Вавилонии. На войне и на охоте главных любимых занятиях ассириян несли перед войском или перед царем изображение Асура на знамени. В ассирийских списках богов

Асур неизменно ставился выше всего, и о его отце или матери нигде нет речи. Точно также о нем неизвестно никакого мифа. Он называется повелителем всех богов, построившим небо Ану и основания земли, называется „творцом самого себя“, (на знаменательность этого имени обратили внимание; подобное название усвоится еще Син, но там оно содержит лишь то указание, что бог луны сам есть причина фаз луны) Ассирийские цари трактовали себя обыкновенно, как заместников (патеши) на земле бога Асура.

Особенное значение имел в Ассирии бог Рамман (имя значит гремющий, жгучий), на него здесь были перенесены некоторые черты арамейского бога Барку или Бирку (бог молнии). Он является богом ветра, бури, дождя, грома и молнии. В надписях он призывается преимущественно, как свидетель проклятий. Отчасти по своим свойствам он бог наводящий ужас, отчасти бог благословений, так как от него зависит плодородие, и его супруга Сала мыслилась здесь, как некоторое земное производящее божество, богиня-мать. Ассирийские жрецы стремились поднять и возвысить в Ассирии Культ Небо. Небо был богом оракулов (nabû–nabî) и богом откровения (iIu tasmêti), а оракулы и откровения обыкновенно монополизировались жрецами. Небо почитался в Борсиппе, но жрецы, заботясь о своем возвышении, стремились распространить его культ и вместе ограничить и даже совсем уничтожить другие культы. Они задались смелою мыслью сделать Небо единым богом Ассирии. Это произошло около 807 г. пред Р. Х. в правление Рамманирари III, когда направление делам при дворе давала (по видимому его мать, по рождению вавилонская принцесса) царица Саммурамат. В Калахе был построен роскошный храм Небо, и штатдгальтер Калаха поставил вместе с другими в честь царя и царицы, патроном которых был Небо, восемь статуй этого бога с надписью, что нужно надеяться только на Небо и не нужно надеяться ни на какого другого бога (буквально надпись приведена нами выше). Цель намеченная ассирийскими жрецами не была достигнута, как не была достигнута цель совершенно подобной религиозной реформы предпринятой только не жрецами, а против жрецов в Египте. Цели ассирийских жрецов сумели достигнуть жрецы Индии (брамины). Богиня Истар представлялась в Ассирии, как дочь Асура. Богиня Ниневии Нина в надписях Гудеи (Ниневия очень древний город) представляется тождественной с Истар. Впоследствии Истар особенно почиталась в Кидмуру, Ниневии и Арбеле. В ниневийских и арбельских представлениях её были по видимому различия. Но вообще в Ассирии Истар, не переставая быть богинею утренней звезды, является богиней войны и охоты. Одна

ассирийская молитва представляет ее облеченною в одежду из пламени. Она давала ассирийским царям и войскам драгоценные указания относительно сражений, и цари воздвигали ей памятники и надписи, в которых называли ее перворожденною неба и земли, богинею совершенного мужества, женою, которая любит царя и его священство и т. д. Системы богов по видимому не знала ассирийская религия. Ассирийские цари признавали всех богов вавилонского пантеона и все их культы, но при определении взаимоотношения этих богов обнаруживается нечто странное. Истар на одной из надписей Асурбанипала называется дочерью Асура и затем дочерью каждого из богов первой вавилонской триады. Перемешиваются имена Ану, Бела, Апсу и Мардука. Эти имена являются для пишущего только, как бы словесными титулами, которыми он хочет назвать высочайшего. Бел, Мардук для него не *numina*, а только *nomina*.

Можно указать еще несколько божеств, которые получают несколько иной вид в Ассирии, чем в Вавилонии. Таков Дагон: он является в надписях то богом земледелия, то богом земли, то богом, в честь которого Асурназирбал называет ворота своих дворцов его призывают вместе с Ану. Дибарра (предположительное чтение) – демон чумы – в ассирийских представлениях иногда приобретает все функции бога Нергал. Может быть, впрочем, последующие изыскания сгладят еще и некоторые из установленных ныне различий между некоторыми ассирийскими и вавилонскими божествами. Вавилоняне, ведь, как мы видели, не стеснялись приписывать своим божествам противоречивые черты. Некоторые второстепенные ассирийские божества – не говорим об Асуре – не упоминаются в вавилонских надписях (Кади, Шанитка?), некоторые в хронологической последовательности сначала являются в Ассирии, а затем в Вавилонии. Вместе с падением Ассирии исчезли в ассиро-вавилонской религии все специально ассирийские особенности.

5.

Представления ассиро-вавилонян о взаимоотношении богов и людей выразились в их повествованиях о теогонии, космогонии и истории первых времен мира. Существуют различные, несогласованные между собою версии этих повествований, в которых заметно выступают то вавилонские, то ассирийские тенденции. В общих чертах теогонический космогонический и перво-исторический процесс представляется в ассиро-вавилонской религии в следующем виде.

В начала не было ни неба, ни земли. Существовали Адсу (океан) и

муммутмат (бездна). – От них произошли Лукму; и Лакаму, которые в свою очередь произвели Ашстара, (ср.– ассирийского Асура) и Кисару. От этих родились Ану, Енлил (Бел) и Еа. Эти боги, удвоились, и у них явились супруги, с которыми они и продолжали процесс размножения, в результате которого и появился весь пантеон, богов Ану и Анату рождают Изу, Истар и Раммана. Бел и Белтис имеют детей Сина, Белит Рабиту, Адараили Сандана, Рабтума, Нергаля и Ласа. Еа и Дамкина производят Мардука и Царпанит. Син и Белит рожают Шамаса. Мардук и Царпанит – Небо и Тасмиту. От них происходят легионы низших богов, гениев, духов... Появляющиеся боги все более, и более ограничивались областью владения Тиамат. Видя это, Тиамат решила, вступить богами в борьбу. Она стала тогда творить, новый ряд созданий – ужасных чудовищ, быков с человеческими головами, лошадей с собачьими мордами, собак с рыбьими хвостами. Тиамат дала своим созданиям страшное оружие, подчинила их начальству Кингу, своего супруга, и послала на борьбу с богами. Кингу и одиннадцать чудовищ, которыми он управляет, имеют близкое отношение к знакам зодиака. Великие боги отказались вступить в борьбу с Тиамат (в ассирийских текстах вообще представляется, что богов посылает Асур). Мардук, соглашается бороться с Тиамат, за это ему дается верховенство над богами (вавилонская тенденция). Создав себе страшную армию (ветры, духи), вооружась страшным оружием (молнии, громовой топор).

Мардук напал на Тиамат, убил ее, захватил в плен Кингу, разбил его армию. Затем из трупа Тиамат Мардук создал вселенную. Он разрубил её труп на двое, вверху он распростер одну половину, которая стала небом, внизу другую, которая стала землею. Земля представлялась в Халдеи в виде опрокинутой кверху дном лодки, но лодки непродолговатой, какие существуют у нас, а круглой, какие и теперь употребляются на Евфрате. Верхняя поверхность её представляет собою собственно то, что мы называем землей (Ki). Обитаемая земля (ki-a) называется еще калама – собрание стран. Внутренняя пустота земли (внутренность лодки) есть земная бездна (ge), которою управляют гении земли, там был помещен ад или жилище мертвых (курну-де-араллю). Центральный пункт её есть надир. В этой области солнце теперь совершает свои ночные путешествия сквозь мрачную страну теней. Над землею находится небесный свод, на котором утверждены неподвижные звезды, этот свод вращается вокруг северо-восточной горы (непосредственное наблюдение: все небесные светила ежедневно обращаются вокруг полярной звезды, находящейся, вы северо-восточной части неба от Месопотамии) Корсак Курра. Небесный купол был утвержден Мардуком на земле (позднее халдейская астрономия

возвысилась до представления сферического неба), на востоке и на западе в нем были устроены ворота (для восхода, и захода солнца). Океан окружал землю. Зенит мира был над землею аккадской (это – центр земли), но ось мира была, как сказано, к северо-востоку от неё. От Карсак Курра земля семью концентрическими уступами или этажами спускалась к океану. Мардук определил четыре кардинальные точки света (страны), установил движение вселенной, установил год, засветил луну, повелел ей в начале месяца светить вечером, показывая рога диска (буквально: царскую шапочку украшенную рогами), в половине месяца быть полною и т. д. Четыре планеты он поручил четырем богам, себе оставив Юпитер. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. В этом деле приняли участие и другие боги. Но первые опыты творения были неудачны. Новосозданные твари не могли выносить, ни света, ни воздуха. Тогда Бел разрубил себе голову, его божественная кровь была примешана к материалу творения и сообщила тогда созданным животным и людям способность сопротивляться действию стихий. Люди сначала жили в диком состоянии. Бог Еа научил их, религии и культуре (см. выше). Тогда наступит для них долгий период благополучной жизни. По Берозу в этот период мира в Вавилоне царствовали Алорос (10 сар, сарос – 3600годам, нер – 600годам, сосс – 60 годам), Алапарос (3 сара), Амиларос (13 сар), Амменон (12 сар), Амелагорос (18 сар), Давос (10 сар), Еведоранхос (18 сар), Амемпсинос (10 сар), Обарт (8 сар), Ксизустрос. При некоторых из этих царей, все равно как и пред началом культурной жизни из Эритрейского моря выходили божественные существа, наставляющие людей подробно в том, в чем Еа наставил их кратко. При Ксизустросе произошел всемирный потоп. В клинообразных надписях он называется Газизадрай и Самас Напистимом. Еа предупредил его, что боги наведут на людей за то, что они развратились всемирный потоп, и наставил его, как он может спастись От потопа с своею семьей в ковчеге. Самас Напистим жил в Сурипаке, городе у Персидского залива, он выстроил здесь ковчег, нагрузил его – припасами, вошел в него с семьей и слугами. Волны потопа понесли ковчег к северу, где его задержала гора Ницир. – Чтобы узнать стал ли сбывать потоп Самас-Напистим высылал из ковчеге голубя, который вернулся, и ворона который не вернулся. Затем, когда земля обсохла, он принес богам благодарственную жертву. Бел, узнав о спасении Самас-Напистима, сначала разгневался, но потом он сам даровал Самасу и его жене бессмертие. Боги определили, что никогда более потоп не будет наведен на землю. От Самас-Напистима и его спутников произошло слепопотопное человечество. В Вавилоне (по Берозу) начинается ряд

последопотопных династий. Первые цари как и допотопные, характеризуются фантастическим долголетием, но долгожизнейность последующих подходит к обыкновенной человеческой норме. Нечестие, видно, опять очень скоро прокрадывается в человечество, и Нера, владыка чумы; поражает за непочитание авторитета Ану, сынов Вавилона и других городов. К этому периоду относится попытка героя Етаны, которому покровительствовал Шамас, подняться на солнце на орле. Они поднялись до неба Ану, но так как орел стремился все выше, то дело кончилось тем, что они оба упали в бездну. Счастливее судьба другого героя – Гильгама (ранее предположительно читали: Издубар). Поэма о его подвигах содержит двенадцать эпизодов, как год двенадцать месяцев. Гильгаму покровительствует Шамас (может быть его отец?) и он считается сыном богини Аруру (может быть форма Белтис). Еламитяне подчинили вавилонян. Город Истар-Урук осажден. Боги не могут оказать помощи, в виде мух они летают по дорогам. Тогда героем освободителем является Гильгам. Побеждая еламитян, он в тоже время покоряет сердца жительниц Урука. „Он не оставляет дочери для матери, девушки для воина, жены для супруга“. Жители молят Истар избавить их от Гильгама, Истар обращается к богине Аруру. Та творит из глины волосатое чудовище Еабани, отчасти похожего на быка и отчасти на человека и посылает против Гильгама, но Еабани дружится с Гильгамом. Вместе они побеждают еламитского завоевателя царя Кумба. Тогда Истар влюбилась в Гильгама. Могущественная Истар обратилась к нему и сказала: „приди, Гильгам, будь моим супругом“. Гильгам решительно отверг это предложение. В своем ответе Гильгам напоминает ей, как она поступала с своими прежними возлюбленными: подобно некоторым самкам пауков, она, насладившись с ними, убивала их. „Таммуз, супруге твоей юности, ты осудила его плакать из года в год. Алала, могучий коршун, ты любила его, но потом ты поразила его и сломала его крылья. Он был в лесу и кричал: о мои крылья. Ты любила пестраго льва... потом ты приказала разорвать его тело. Ты любила пастуха Табулу и ты... обратила его в леопарда“. Разгневанная Истар обращается с просьбой к Ану отомстить за нее. Ану создает небесного быка, который должен сокрушить Гильгама, но Еабани и Гильгам его убивают. Рога убитого быка были посвящены Шамасу. Истар поразила Гильгама проказой с головы до ног. Вместе с Еабани, – тогда герой отправляется на край света искать источников юности и дерева жизни. Еабани посылаются гибельные предзнаменования, не смотря на них он отправляется с Гильгамом. В битве около Нирура Еабани получает смертельную рану и умирает после двенадцатидневной агонии.

Гильгам скорбит о потерянном друге и вместе с тем проникается решимостью приобрести себе бессмертие, чтобы не погибнуть, как он. В поисках за этим бессмертием он отправляется в далекие страны, он хочет найти своего предка Самас-Нанистима, которому боги даровали бессмертие. Он приходит к горам Машу, где страшные люди-скорпионы стерегут мертвую воду. Ужас охватывает Гильгама при их виде. Муж-скорпион сказал жене: „тот, который пришел к нам, его тело отмечено богами“ (проказой). Жена-скорпион ответила ему: „по своему духу он бог, по своей смертной оболочке человек“. Гильгам видит, что люди-скорпионы не желают ему зла, он рассказывает им о своих приключениях и бедствиях. Они говорят ему, что его ожидают страшные опасности, но однако соглашаются отпереть ему ворота, ведущие через глубокий мрак к мертвым водам и к блаженным островам, Гильгам смело отправляется в дорогу, после долгого странствования во мраке, он приходит к морю и видит роскошный сад богов, о котором раньше ему рассказывали люди-скорпионы. Он молить Сабиту, царицу морей, позволить ему переправиться по морю. Та долго отказывается, наконец направляет его к Арад-Еа, матросу Самас-Напистима. Тот везет Гильгама. Через сорок дней он достигает области мертвой воды, а затем и блаженных островов, где живет Самас-Напистим, предок Гильгама. Самас-Напистим бессмертен он рассказал Тильгаму, как он получил бессмертие (история потопа), но он не может дать бессмертия Гильгаму. „Когда духи приветствуют человека при рождении, тогда гении земли, великие боги, Машиту – устроительница жребия, все вместе определяют его участь, назначают ему смерть и жизнь, но дни его смерти остаются ему неизвестными“. Но Самас-Напистим желает избавить Гильгама от проказы, он погружает Гильгама в глубокий сон, продолжавшийся шесть дней и семь ночей. Он говорит с своею женою о Гильгаме, дает Гильгаму волшебную пищу и затем, когда Гильгам пробуждается, отправляет его с Арад-Еа к очистительному источнику, откуда Гильгам возвращается к Напистиму совершенно исцеленный от проказы. Жена сказала Напистиму: „Гильгам пришел, он утешен, он исцелен, что дашь ты ему теперь, когда он возвращается в свою страну?“ Самас-Напистим указал ему растение подобное боярышнику по своему цвету, и иглы которого кололи, как ехидна. „Если ты схватишь это растение не уколовшись, сорвешь ветвь и унесешь с собою, оно сохранить тебе вечную юность“. Гильгам сорвал ветвь. На возвратном пути с Арад-Еа он рисовал радужные картины, как он принесет ветвь в Урук, вырастит его, и его имя будет: старец делается юным через него, и как питаясь им он – Гильгам – возвратит себе юность. Но он мечтал так, забыв о богах,

завистливая душа которых не терпит, чтобы люди участвовали в их жребии. На первой остановке, где он увидел горшки с свежей водою и стал пить из них, змей похитил у него растение. Глубоко скорбел Гильгам, но его скорбь была безрезультатною. Он возвратился в Урук, здесь, устроил похоронное торжество для Еабани. Он молил разных богов об избавлении Еабани от смерти, и наконец бог мертвых Нергал раскрывает гроб, поднимает землю и выводит дух Еабани, который и является Гильгаму. Гильгам спрашивает об участи мертвых. Оказывается, благополучие умершего стоит в зависимости от заботь о нем живых. Участь убитого воина торжественно погребенного после сражения изображается так. „Он распростерт на ложе покоя, пьющий светлую воду... Ты видел его? Я видел его. Его отец и мать поддерживают ему голову и его жена склонилась над ним рыдая. Но тот, тело которого осталось забытыми на ноле. – Ты видел его? Я видел его, его душа не имеет покоя на земле. Тот, о душе которого никто не заботится. Ты видел его? Я видел его. То, что на дне чаши, остатки обеда, что выкидывают на улицу, вот что он имеет пищею“. На этом разговоре оканчивается поэма о Гильгаме.

Подобно тому, как Гильгам потерял средство сохранять вечную молодость, другой ассиро-вавилонский герой упустил случай стать бессмертным. Это – Адапа: он сын Еа, однако не бог (легенда о нем найдена в тель-ель амарнских таблицах). Однажды, когда он ловил рыбу, на него налетел южный ветер Шуту (демон ветра) и опрокинул его. Разгневанный Адапа сломал ему крылья. Южный ветер перестал дуть. Когда Ану узнал об этом, он потребовал, чтобы к нему был приведен тот, кто сломал крылья Шуту. Еа дал совет Адапе облечься в траурное платье и в таком виде явиться пред Ану, при чем объяснять всем, что он носит траур, потому что с земли исчезли два бога. (Вследствие того, что перестал дуть южный ветер, растения перестают цвести; боги Таммуз (Думмуци) и Гизцида уходят на небо). Далее Еа сказал: Ану предложить тебе пищу, не ешь, питье не пей. Это будут пища и питье смерти. Адапа строго последовали совету отца.» На небе они прежде всего увидели Таммуза и Гиздиду и своим трауром и речами расположили их к себе. Затем он расположил к себе и Ану. Ану представилась тогда такая димгема: всякий смертный, увидевший внутренность неба, должен быть или жестоко наказан или приобщен к бессмертным. Без колебания он решается дать Адапе бессмертие и предлагает ему пищу и питье бессмертия. Помня заповедь Еа, Адапа отказывается от предложенных пищи и питья и таким образом теряет случай стать бессмертным.

Таков теогонический, космогонический и религиозно-исторический

эпос Халдеи.

6.

С духами человек считался в заговоре, там он и умолял и заклинал, но божества почитались в определенном культе. Много храмов существовало в Ассирии и Вавилонии. Строительное искусство стояло высоко в области Тигра и Евфрата. Но в Ассирии главные архитектурные постройки, это – дворцы, а не храмы. Храмы гораздо меньше дворцов. В Вавилонии дворец стоит как бы рядом с храмом, но все таки храм не преобладает перед дворцом. В ограниченных размерах храмов нужно видеть выражение не меньшей религиозности, но другой тип религиозности. Храм назначался не для людей, а для божества, и если, с одной стороны, никакое помещение не может вместить бога, то с другой, его статуя может быть заключена в очень небольшом здании. Если в постройку храма хотят вложить идею величия и неизмеримости божества, тогда естественно стремятся воздвигать храмы, как можно грандиознее. Но в форме ассирио-вавилонских храмов просвечивает другая мысль. Они символизировали вселенную. Раскопки в Ассирио-Вавилонии открыли ряд зданий, которые представляют этажные башни. Они назывались циггурат (соответствует еврейскому *bamoth*). Строились они таким образом: на призматическое основание ставилась призма с меньшим основанием, на эту призму призма еще с меньшей площадью в основании и т. д. Издали такая постройка могла казаться подобною конусу или пирамиде, но на самом деле это была система призм (обыкновенно параллелепипедов), поставленных одна на другую. Часто число этажей (призме) равнялось семи. Циггурат символизировали собою Тору земли. Семиэтажность символизировала семь поднимающихся одна над другою частей, из которых по халдейским представлениям состояла земля. Комнаты различных этажей соответствовали различным частям вселенной, в вавилонском храме Мардука были даже комнаты судьбы, символизировавшие то место на востоке, где некогда Цу похитил жребий богов. Было два главных типа этажных храмов: с квадратным основанием, причем каждый последующий этаж (призма) воздвигался по середине предыдущего и с прямоугольным основанием, в таких вход был с одной из узких сторон прямоугольника, а здание храма было воздвигается на противоположном узком конце. Были еще храмы вторичного типа маленькие, одно-этажные, представлявшие иногда из себя всего лишь одну залу, в нише которой помещалась статуя бога. Описание вавилонского храма, соответствующее Циггурат дал ещё Геродот (1, 181–3), но теперешнее описание суть опыты реставраций на

очень скудных основаниях, так как не откопано храмов, которые сохранились бы в значительной части и не найдено описаний, которые могли бы восполнить отсутствие памятников. О многих откопанных развалинах с достоверностью нельзя решить – представляют ли они собою храмы или здания какого-либо другого характера (такое впечатление выносится из книги Perrot et Chipiez–Hist, de l’art dans l’antiquite T. II, хотя сами авторы и настаивают на правдивости своих реставраций). Перед храмами (на том основании, представлявшим собою по русской терминологии первый этаж и имевшими обыкновенно у циггурат высоту не меньшую или даже большую, чем окружающие здания) помещались алтари для жертвоприношений. Они обыкновенно делались из того же материала, как и храмы (из кирпича). Около алтаря помещались кувшинообразные вазы для омовений. Помещался еще бассейн называвшийся апсу==море, океан, и символизировавший по видимому довременное апсу из которого вышли боги и мир. В храмах была декоративная живопись (не всегда даже религиозного содержания), колонны, статуи богов. В храме помещалась лодка того бога, которому был, посвящен храм. В лодке носили изображение бога во время праздников. Как Циггурат носили наименования от тех богов, которым были посвящены, так подобным образом именовались и лодки. Лодка бога Син называлась лодкой света. Священнослужителей и священнослужительниц было, очень много. Сами цари особенно в Ассирии рассматривались, как заместники Божества, но если это с одной стороны сообщало некоторыми образом теократический строй стране то, с другой, ослабляло могущество жрецов. Общее наименование жрецов было *шангу* – тот, кто правит жертвой, или тот, кто привязан к Богу (Maspero, Iensen), Первое понимание значения указывает на одну из обязанностей жрецов – приносит жертвы, но это не было их единственною обязанностью. Были жрецы машмашу, – чародеи, Калю –обуздатели демонов, лагарю (синоним Калю) макхкху – провидцы, сурру (значение слова неизвестно) шаплу – вопрошавшие оракулов, мусхелю –вызыватели мертвых, асхипу или исхипу заклинатели (ср. Второзак.XVIII, 10–11), рамку и низакку – совершители возлияний, мунамбу – плакальщики, лаяларю – стенальщики, наспилакки – носители топора (какого-либо бога? Раммана? в контрактах упоминаются носители копья Мардука). Жрецы исполняли обязанности писцов – дупсару и судей – даиану. Без сомнения были и еще классы жрецов, как с другой стороны естественно предположить, что один и тот же жрец мог исполнять обязанности, исполнителей которых называли различными именами. При храмах были

певцы, служители, казначеи, всегда был главный жрец – ишшакку. Во главе всех жрецов стоял шангам-макку верховный жрец. Жрецы должны были быть свободны от физических недостатков. Они представляли собою наследственную касту. Высказывают догадку (Jastrow), что жрецы делились может быть на „смены“ или чреды. Ночь у вавилонян делилась на три стражи, полагаюсь, что настолько же делился и день, и что это астрономическое деление могло послужить основанием и для деления жрецов. Кроме жрецов в Ассирио-Вавилонии был многочисленный класс жриц. Уже Гудеа упоминает о плакальщицах. Были женщины заклинательницы, пророчицы, музыкантши. Особенную роль играли жрицы храма Истар в Ерехе и вероятно в других местах, где были храмы этой богини. Жрицы Истар назывались Кадидишиту (святые) или истаритум (посвященный Истар), из различных наименований их видно, что они делились на классы совершенно подобные классам жрецов. Считают возможным, что при священных церемониях допускались непристойные обряды, но не видно, чтобы непристойное служение было постоянным и действительным культом богини. По Геродоту, вавилонские женщины обязаны были раз в жизни принести в жертву свое целомудрие богине Афродите (Милитте, Истар). Они являлись в храм богини и там отдавались приходившим туда иностранцам. Лишь только иностранец бросит на колена женщине серебряную монету (все равно какой ценности) и скажет: да сделает тебя Милитта счастливой, женщина обязана отдаться этому человеку и затем она может возвратиться – к себе. Она принесла достаточную жертву богине. Понятно, что красивые женщины имели возможность скоро возвратиться, но тем, которые не обладали красотой, по словам Геродота, приходилось ждать целые годы прежде, чем кто-либо давал им возможность удовлетворить богиню. (Герод. 1, 196). Слова Геродота стоят в согласии с свидетельствами о чувственных культах Азии, со многими чертами Истар, но однако образ Истар и образ даже каких бы то ни было богинь плодородия не исчерпывается обожествлением половой производительности, и несомненно везде у жриц было более высокое служение. Памятники однако показывают, что в начале истории значение жриц стояло выше и что затем они постепенно оттеснялись на задний план жрецами.

Центральным пунктом Ассирио-вавилонского культа, как обычно в религиях, была жертва. Два рода жертв существовало в Ассирио-вавилонии: животные и растительные. В списке жертвенных приношений Гудеа перечисляет: быков, баранов, козлов, ягнят, рыб, птиц (именно орлов, журавлей и др.), также == финики, молоко, овощи. Из других источников

видно, что еще приносились в жертву серны, финиковое вино, коровье масло, сливки, мед, чеснок, зерна, травы, масла (растительные и животные), пряные корни, ладан. Жертва рассматривалась, как обед в честь бога, которому она приносилась, в этом обеде по смыслу жертвы должны принимать участие совершающей приношение, совершающий жертву и божество. Некоторые несъедобные части сжигались в честь бога, кровь закалаемых животных, рассматривавшаяся, как особенно принадлежащая богам, выливалась на алтарь. Приносимые в жертву животные должны быть без недостатков. Свиньи, собаки в жертву не приносились, некоторые животные в Ассирии-вавилонии рассматривались, как наиболее удобные для принесения в жертву (удобно было богам и то, чтобы, их наперед хорошо откармливали), наоборот, другие трактовались, как нечистые. Следов человеческих жертвоприношений в Ассирии и Вавилонии не найдено. Побуждений для принесения жертв представлялось бесчисленное множество. Желает ли кто спросить оракула, он приносит жертву (доставляет материал для жертвы жрецам). Основывают ли храм, воздвигают ли дворец, проводят канал, или предпринимают иное общественное дело, пред началом его непременно совершают жертвоприношение. С приношением жертвенных животных соединялись возлияния масла, вина, меда. Возлияния совершали на двери домов, на оружие, на камни. Ассирийские цари делали возлияния над животными, которых убивали на охоте. На одном древнем памятнике представлено, что возлияние богине – вероятно А или Малькату, солнечному божеству – делает совершенно нагой человек. Некоторые хотят видеть здесь отзвук древнейшего обычая, по которому люди, являясь пред божеством, должны снимать с себя все, каковой обычай смягчен был потом повелением снимать только обувь. Кроме жертвоприношений по случаям, совершались определенные жертвоприношения в установленные сроки. Такие жертвоприношения назывались Саттуку и шну. Установление их, видно, шло с древнейших времен, потому что цари в своих надписях всегда говорят о них, как о традиционных обычаях, а не как о нововведениях. В больших храмах совершались каждый день утренние и вечерние (при восходе луны) жертвоприношения, но в храмах небогатых, полагают, жертвоприношения совершались только в определенные дни – различные для различных храмов. Торжественные жертвенные церемонии происходили, когда богам посвящали статуи. Об одном случае поставления такой статуи повествует книга пр. Даниила (III, 1–7). В честь богов ставились колонны, им посвящались различные предметы из золота, серебра, драгоценных камней, дорогих строительных материалов,

предметы нужные для святилищ, одежды для статуй богов. Эти одежды менялись сообразно различным празднествами. У жрецов также были установленные и при различных обстоятельствах менявшиеся одежды. Посвящали богам оружие, военную добычу. На таблицах, или кружках из лапис – лазури, агата, бирюзы, золота, серебра, меди, сурьмы писались посвящения. „Еа, своему владыке Белзир, сын Еабака, да сохранит его жизнь сделал это и представил“. „(Белу, своему владыке) Нази-Муратташ, сын Куригальцу, да услышит он его прошения, да будет благоприятен к его мольбам, да будет принимать его призывы, да продлит его дни, сделал это и представил“. Часто находят глиняные конусы, представляющее собою предметы посвященные богам. Таковы конусы Гудеи с посвятительными надписями, обращенными к Нингирсу. Склонялись к тому, чтобы видеть в этих конусах фаллический символ, но многие (наприм. Iastrow) решительно оспаривают зло. Характер острых конусов указывает на то, что они втыкались или в землю или в стены. Найдена масса медных статуэток, которые снабжены подобными же остриями или соединены с конусами, имеющими таковое. Очевидно эти статуэтки прикреплялись к какому-либо месту. Одни думают, что они представляли собою охрану от демонов, другие, что они посвящались богам. Представляется бесспорным, что они служили и той и другой цели. Употреблялись для тех же целей и глиняные статуэтки богов и богинь. Конусы и статуэтки имелись не только в храмах, но и в домах. Посвящение богам богатых приношений царей совершались с большою торжественностью. Ассирийские цари и пленных богов приносили в дар своим богам. Начатки плодов также посвящались божествам. Доходы храмов и жрецов в Ассирио-Вавилонии вообще слагались из обязательных и добровольных приношений. Шли от угодий подаренных храмам. Получались от продажи священных предметов (идольских статуэток и т. п.), выделявавшихся при храмах.

Частные случаи подавали повод к празднествам, усиленным молениям, обильным жертвам, но кроме этого с древнейших времен, у ассириян и вавилонян был выработан определенный богослужебный ритуал. Видно, что у них некоторые дни имели особенное значение (7-ой несчастный – ?, 14, 19, 21, 28); каждый месяц у них был посвящен особому богу и были особые дни для чествования богов или для богослужебного празднования великих событий. Богослужебные календари ассириян и вавилонян, будучи сходными в общем и существенном, имели однако местный характер. Праздники назывались изинну и еще ташиту (радость, наслаждение). Важнейшим праздником с глубокой древности был по

видимому Цакмуку или акиту – день нового года. О нем говорится в надписях Гудеи. В то время он соединялся с чествованием Нингирсу, богини плодородия Бау, Ниниба. Праздновалась победа весеннего солнца над убивающим холодом зимы. С возвышением Вавилона праздник Цакмуку стал праздником Мардука, хотя Мардуку собственно был посвящен восьмой месяц (арахсамна == сентябрь – октябрь), а не Нисан, в который праздновался Цакмуку. Замечательной особенностью этого праздника было то, что на него в Вавилоне сносились статуи богов из различных мест. В восьмой и одиннадцатый день праздника изображения богов приносили в комнаты жребиев мардукова храма. Там совершалось символическое представление собрания богов в Абшу-Кенна (на востоке) Мардук восседал на своем троне, а боги стояли, почтительно склонившись перед ним, ожидая когда он определит судьбу людей на наступающий год. В числе богов прибывавших на праздник Мардука в Вавилон всегда являлся сын Мардука Небо. Но в эпоху политических неурядиц и войн случалось, что праздник Цакмуку совсем не праздновался. Это обозначалось следующей формулой: „Небо не приходил в Вавилон, Мардук не выходил“ (т. е. не был выносим на лодке в торжественной процессии). Громадную популярностью пользовался праздник Таммуза (четвертый месяц–Таммуз==июнь–июль). Праздновалось освобождение Таммуза из области мертвых. Празднование распадалось на два момента противоположного характера: скорбный по случаю гибели Таммуза, жрицы –Истар участвовали в нем в качестве плакальщиц (см. Иезек. 8:14, Захар. 12: 10–11), и радостные по случаю возвращения Таммуза. Клинообразные тексты сообщают о существовании еще целого ряда торжественных праздников. Так в двенадцатый день месяца Ияра (апрель–май) совершались торжественные празднества в Ассирии в честь богини исцелений Гулы. Во весь этот месяц совершались религиозные путешествия в Вавилонии. В Калахе ежегодно устраивались торжественные праздники в честь Ниниба в Элуле (Август – Сентябрь) и Шабате (Январь – Февраль) 25-ый день Сивана (май–июнь) был посвящен со времени Асурбанипала вавилонской Белит. В Сиппаре Набубалиддин в девятом столетии пожертвовал в храм Шамаса богатые одежды для ношения в шесть дней года: 7-ое Нисана, 10-ое Ияра, 3-ье Элула, 7-ое Тисри (сентябрь–октябрь), 15-ое Арахшамна и 15-ое Адара (февраль – март). Полагают, что это были там дни праздников в честь Шамаса, и что в эти дни в пожертвованных одеждах статуи Шамаса и других божеств носили в процессиях в лодках. Все это были празднества солнечного характера. О празднованиях в честь луны известно очень мало. Месяцы в

вавилонском календаре посвящались божествам в следующем порядке: 1) Нисан–Ану и Белу, 2) Ияр–Еа, господину человечества, 3) Сиван–Син, 4) Таммуз–Нинибу, 5) Аб–Нин–Гициде, 6) Элул–Истар 7) Тисри–Шамасу, 8) Аракшамна– Мардуку, 9) Кислев–Нергал, 10) Тебет–Папсукал (вероятно эпитет Небо) 11) Шабат–Рамману, 12) Адар управлялся семью злыми духами. Несомненно под ассирийским влиянием (вставлявшийся от времени до времени для уравнивания лунного года с солнечным) Веадар был посвящен Асуру. Вставлявшийся иногда вместо Веадара второй Элул был посвящен, как и Нисан, Ану и Белу. В Ассирии месяцем Асура был собственно Элул, а Истар представляли месяц Аб. Некоторые (Menant, Iastrow) исследователи настаивают на том, что кроме почитания божеств и духов у вавилонян существовало почитание священных деревьев. На вавилонских цилиндрах часто встречаются изображения тычины или условные изображения дерева, около иных нарисованы лица в позах выражающих поклонение божеству. Полагают, что это остаток существовавшего в глубокой древности культа деревьев, аналогичного поклонению ашерам в Финиши. Говорят, что в народе до позднейшего времени сохранился этот культ и что эти рисунки служат выражением народных верований. Но, ведь, несомненно, что рисовал их не народ, и если в ту эпоху, когда их рисовали, почитание деревьев существовало только в низших классах, то тогда эти рисунки должны выражать собою какую-ту иную мысль и какие то иные представления, чем просто факта дендролатрии. Какие эти мысли и какие представления, мы не знаем.

Культ всегда состоит из жертвы и молитвы. Жертва выражает в действиях то, что молитва выражает в словах. От ассиро-вавилонян сохранилось много гимнов, в которых восхваляются боги (некоторые, наприм., гимн Син нами приведены), просительных молитв и покаянных псалмов. Вот образцы молитв: „Нин каррак (сиппарская Гула) возвышенная богиня, призри с милостью на дело моих рук. Милосердие с твоих уст, да снизойдет с твоих уст; долгую жизнь, могущество, здоровье и радость ниспошли мне, как дар“. „Дальше дни, долгие годы, могучее оружие, долгую жизнь, многие дни славы, господство над царями даруй владыке, царю, который принес этот дар своим богам. Даруй его царству жителей в великом бесчисленном множестве! Да принадлежит ему владычество над царями, господство над народами, пусть достигнет он великой старости“. Вот гимн Шамасу. „Ты дал праведный закон человечеству, вечно справедлив ты на небе, верен твой суд о всем, что в мире. Ты знаешь, что право и что неправо. Шамас! ты утвердил правду на их (?) выях. Что несправедливо – то ты уничтожил (?) Шамас сотрудинок

Ану и Бела – ты; Шамас! высший владыка неба и земли – ты“. В покаянных псалмах содержится раскаяние в совершенных грехах и мольба об их прощении. „Грехи, которые совершил я, прости. Несправедливости, который я творил, пусть развеет ветер. Разорви мои многочисленные прегрешения, как одежду. О мой бог! мои грехи в семью семь времен (содеянные) прости мне. Моя богиня! мои грехи в семью семь времен (содеянные) прости мне. Ведомый или неведомый бог! мои грехи в семью семь времен (содеянные), прости мне мои грехи. Ведомая или неведомая богиня! мои грехи в семью семь времен (содеянные) прости мне мои грехи. Прости мне мои грехи, и я смиренно преклонюсь пред тобою. Да будет сердце твое милостиво (довольно), как сердце матери, которая родила дитя. Да будет сердце твое милостиво, как сердце матери, которая родила дитя, как сердце отца, у которого родился ребенок“. „Кто не страшится бога своего, тот срезывается как тростник. Кто не почитает Истар, тот изнемогает телесно. Как звезда ночи (при рассвете) теряет он свой блеск. Он исчезает, как влага ночи. О. Бел! много моих прегрешений, велики грехи мои. Бел в гневе своего сердца покрыл меня позором. Бог в строгости своего сердца осилил меня. Истар сошла на меня, послала мне тяжкое горе. Я упал на землю, никто не поддержал меня за руку. Я громко закричал, никто не услышал меня“. Подобно флейте, подобно голубю, подобно стонущему тростнику, подобно лани “призывает бога молящийся. Он питается плачем: слезы подобные дождевым облакам служат ему питьем. Долго ли еще будет гневаться бог? Когда он скажет наконец: да успокоится твое сердце?“ Вот начало гимна к Истар Асурназирбала. „Производительница, царица неба, славная владычица. Ты, которая жительствоуешь в Е-баббари, которая распространила мою славу. Царица богов, которой передана власть над великими богами Владычица Ниневии:.. Дочь Сина, сестра-близнец Шамаса, правящая всеми царствами. Та, которая издает определения, богиня вселенной. Владычица неба и земли, которая принимает молитвы, слышит прошения, принимает мольбы. Милосердая богиня, любящая справедливость!“ Покаянные молитвы и гимны нередко приближаются к заклинательным формулам, но совершенно несправедливо смотрят на дело те, которые склонны во всех дошедших до нас молитвенных текстах видеть заклинательные формулы. Заклинательные формулы всегда передаются по традиции, происхождение их бывает или покрыто мраком, или объясняется каким либо сверхъестественным откровением, тогда как время и обстоятельства происхождения многих гимнов указываются точно. Между тем никто самоизмышленным молитвам не придает магической силы, составители

молитв все свои надежды возлагают на их нравственное содержание. Конечно в последствии такие молитвы могли приобретать значение заговора. Может быть молитвы в которых обращаются к богу или богине – ведомым или неведомым, представляют приближение к заговору. В этих молитвах слышится незнание того, откуда пришла беда и где от нее искать помощи. В этом слышится как бы беспомощность, но с другой стороны, в молитве слышится надежда, что её форма, хотя молящийся и не знает, к кому с нею обращается, должна привлечь милость того, кто нужен молящемуся. Под одну молитвою имеется надпись: „таблица для всякого бога“. Бели здесь хотят видеть развитие верований в магию и заклинания, то с другой стороны здесь видно сознание, что требования по отношению к человечеству у всех богов одни и те-же – раскаяние во грехах и усердное богопочтение.

7.

Должно исполнять обязанности к богу и ближнему. Должно почитать богов, обращаться к ним с молитвами, приносить жертвы, давать и исполнять обеты. Требования культа должны быть исполняемы с точностью, нельзя воздавать к небу нечистые руки и нельзя приносить на алтарь больное животное. Нельзя неправильно удерживать пленника, обманывать, нарушать семейное соглашение, нельзя истреблять тварей с злыми целями. Не должно говорить доброе и питать злобу. Тот, кто нарушает эти вечные нормы правды, подпадает гневу богов и терпит бедствия. Часто сам нарушивший нормы и совершивший грех мог и не заметить этого, но он немедленно подпадал божественной каре. „О мой бог! мои грехи без числа, велики мои злодеяния. О моя богиня... Я совершал преступления и я не знаю их, я совершил грех и я не знаю его. Я питался преступлениями и я не знаю их. Я не исполнял обязанностей и я не знал этого. Господь в гневе своего сердца поразил меня“....., Владыка! не отвергни раба твоего и если он низринулся в стремительные бездны, протяни ему руку свою; грехи которые он совершил, имей к ним сострадание, злодеяния, которые он сделал, развеи их ветром, и мои многочисленные преступления, разорви их, как одежду“. Эти грустные покаянные мольбы просят однако не о вечном спасении, а о временном благополучии. Пока вавилонянин или ассириянин был жив, он думал о земных радостях, а не о небесном блаженстве. По его этике благополучия на земле заслуживал только религиозный и нравственный человек. Но вместе с тем в ассиро-вавилонской религии решительно утверждалось, что земная смерть не есть конец всего, что есть загробная область, существует

царство мертвых. Выше было приведено сообщение о явлении Гильгаму Еабани, который говорил, что особенно печальна за гробом участь непогребенных. Как же заботились о погребении своих покойников ассиро-вавилоняне? Скульпторы Ниневии и Вавилона не изображали погребальных церемоний на барельефах дворцов. В развалинах Ниневии и Ассирии не нашли никаких гробов. Исследователи Корсабада и Куянджика не нашли никакого следа ниневийских усыпальниц. Возникает вопрос, что делали с умершими ассирияне и делали ли они с ними что-нибудь? Заметим, что вера в существование загробной жизни прежде всего выражается в погребении мертвецов. Полагают, что ассирияне отправляли своих мертвецов в Халдею. Бассейн южной Халдеи покрыт гробами. Каждый холм от Нифера и Мугейра до слияния Тигра и Евфрата представляет собою кладбище, где погребались и накапливались трупы в течение веков. Высказывают предположение, что ниневитяне и вавилоняне рассматривали бассейн Халдеи, как священную землю, землю их предков, их прародину, и что по этому вследствие религиозного и сыновнего почтения они переносили останки дорогих и любимых мертвецов к предкам их расы. Ассирияне, жившие по верховьям Тигра, помещали в лодки останки любезных им покойников и, доверив их волнам реки, с плачем сопровождали до места их последнего успокоения. Этот обычай объясняет и отсутствие гробов в Ассирии и поразительное собрание усыпальниц в Халдеи. „Трудно, говорит Лофтус, дать точное понятие о виде некрополя Варка, так многочисленны там лежа смерти, теснящие одно другое. Зритель не верит глазам. Вероятно в мире нет другого места, которое в этом отношении можно бы было сравнить с Варка. В течении многих веков Варка была ассиро-вавилонским *santo*“. Самый обряд погребения совершался в Халдеи довольно скоро. Покойника убирали профессиональные плакальщицы, подкрашивали его, подрисовывали глаза, одевали по праздничному, возлагали украшения. В тоже время посредством жертв (воды, ладана, пирогов) на маленьком алтаре около покойника отгоняли злых духов и молили о благоволении добрых. Гробы делались тесные и узкие. Это были или большие глиняные горшки, в которых труп помещался в положении присевшего на корточках, или два соединенные глиняные цилиндра, или построенный из кирпича гроб имел фигуру дома. Часто трупы сжигали. Иногда сжигание сводилось только к обугливанью, а иногда от покойника оставалась кучка пепла. Такие гробы находят в Вавилонии, но вообще число гробов встречающихся здесь чрезвычайно мало, что и думают объяснить тем, что покойников сплавливали по реке на юг (эту гипотезу развил Лофтус; ее принимают

Ленорман, Мейер и для позднейших эпох Гоммель). Царей в Вавилоне хоронили в старых дворцах, которые уже не служили жилищем для живых. С покойниками клали различные предметы: одежду, пищу, драгоценности, копья, сосуды. То, что оставалось не умершего в умершем, его душа – называлась екимму. Покойники могли охранять своих живых потомков от злых влияний, но если покойники подвергались забвению со стороны своих родственников, то они являлись страшными мстителями. Души, принадлежащие непогребенным телам, блуждают по земле, по городам и по деревням, проникают ночью в дома, внушают ужасные сны, всячески вредят живым. Только магия может защитить человека от этих озлобленных душ.

Но хотя жилищем умерших называется гроб, хотя они представляются блуждающими по земле, но у них есть особая область, особое царство теней – место их истинного пребывания – Аралу, страна, куда не проникает свет и откуда никто не возвращается. Определения эти не вполне точны. Предлагаемые в клинообразных текстах описания Аралу возможны лишь под условием, что туда проникает свет, а некоторые повествования показывают, что оттуда возможно и возвращение. В Аралу в конце концов отправлялись или были отправляемы души умерших. Свободное странствование на земле было их уделом только в первое время после смерти. Область Аралу предполагали находящейся на крайнем севере, крайнем востоке, или под земною корою. Ее представляли себе под видом громадной крепости, окруженной – когда ее предполагали под землей – водами океана, которые скрывают основания земли. Как ад Данта, подземная крепость ассиро- халдеев окружена семью стенами по образцу семипланетных сфер. Владыками Аралу или ада являются Нергал и Алату. Алату властвовала над адом всегда, но Нергал, по повествованию тель эль – амарнских таблиц, сделался владыкою ада следующим образом. Боги выбрали Нергала своим предводителем. Сопровождаемый четырнадцатью товарищами имена которых: лихорадка, огненное сердце, посылатель молний, Нергал прибывает к воротам подземного мира и требует, чтобы он были впущен. Наштар-демон чумы возвещает Алату о прибытии Нергала. Алату принимает Нергала. При описании его вступления в ад говорится о четырнадцати (дважды семь) воротах ада. Алату говорит Нергалю: „ты должен быть моим супругом и я твоею женою, таблицы мудрости я положу в твои руки, ты будешь господином, а я – госпожой“. Брак заключается. Впоследствии в подземном мире оказываются еще новые божества: Таммуз, Енмешара (божество растительности), Нингицида (солнечное божество) Гирра,

Белили (сестра Таммуза), Иркалла (Иеремиас считает ее другим именем Алату). В историческом процессе развития представлений о высшем мире богов немногие образы оттеснили на задний план прочих. Как Мардук в Вавилоне, Асур в Ассирии, так Нергал и Алату неизмеримо возвысились над прочими божествами, которые стали являться около них, как исполнители их велений и начертаний. Ассиро-вавилонский эпос владеет мифом о нисхождении Истар в ад для освобождения „возлюбленного своей юности“, Таммуза. Воспоминанию этого мифа был посвящен праздник Таммуза. Истар прибывает к воротам ада и требует от привратника, чтобы он отпер ей. Тот сначала отказывается, но страшные угрозы Истар произвести великие бедствия в мире заставляют его открыть ей вход. Истар входит в ад согласно обычаям древних. Нагим человек является в мир и нагим должен выйти из него. Перед каждой дверью Истар постепенно снимает с себя корону, украшения, платье и, пройдя седьмую дверь, совершенно обнаженная является пред Алату. Богиня ада приходит в страшное смущение. Истар хотела отнять у Алату Таммуза, но вместо этого ей самой пришлось испытать адские мучения. Но пока Истар мучится в аду, земля тоже облачается трауром смерти; с богиней любви с земли исчезла любовь, брак: бык не обращается к корове, осел к ослице, хозяин к рабыне. И род животных и род человеческий должен бы был прекратиться. Великие боги потребовали возвращения Истар, но Истар соглашалась возвратиться лишь под условием воскресения Таммуза. Боги соединились у Алату, оросили Таммуза живою водою, заставили пить, и он ожил. В песнях на праздник Таммуза пелись увещания ко всем тем, которые оплакивают своих покойников, чтобы они твердо хранили память Таммуза, исполняли обряды, положенные в честь его, праздновали установленные ему празднества. В день Таммуза совершались жертвоприношения за умерших, пелись и игрались скорбные песни об умерших. Значит, предполагалось, что эти священнодействия могут облегчить участь усопших.

В других религиозных текстах находятся указания, что праведные не вечно ведут жизнь скорбей и лишений в Арале. Мы встречаем речи о блаженных, пьющих священное питье на своих ложах (по всей вероятности, это – вода жизни или живая вода, о которой говорят другие тексты и книги мандаитов); они обитают в жилище счастья и жизни. Блаженную жизнь вели на горе серебра и, судя по поэме о Самас Напистиме, словам Еабани к Гильгаму и другим данным, эта жизнь была по своему характеру совершенно подобна земной. Загробное счастье имело совершенно вид земного благополучия. Вот, как изображается

судьба праведника в двух отрывках религиозного гимна. „Омой свои руки, очисти свои руки. Боги, твои старине, омоют твои руки, очистят тебе руки, вкушай чистую воду из чистых бассейнов, пей чистую воду из чистых сосудов, приготовляйся насладиться миром праведника... Анат, великая супруга Ану, Ба держал тебя в своих священных руках. Еа перенес тебя в место святости, перенес тебя своими священными руками Он, перенес тебя туда, где мед и жир. Он лил в твой рот магическую воду, и сила воды открыла твои уста“.

Эти эсхатологические представления заключают в себе не мало противоречивых и невыясненных элементов. Немало противоречий, как было показано выше, заключается и в космологических и богословских представлениях халдеев и ассирийян. Эти противоречия зависят не от того, что в предлагаемом очерке излагаются совместно верования ряда эпох, и дается общая характеристика местных культов. Противоречивые элементы часто можно найти в одном и том же гимне и тем более в различных религиозных надписях, принадлежащих одному лицу и приуроченных к одному месту. Воображение, развивающее краткие религиозные тезисы и повествования в сложные и фантастические картины, никогда не останавливается пред тем, что образы, созданные им вчера, не совместимы с теми, которые оно рисует сегодня. Вот, почему представляется несомненным, что и новые открытия и новые тексты, которые будут находить и прочитывать, не примирят найденных противоречий, но несомненно они устранять многие неясности и дадут возможность воссоздать и вековечно устойчивые и зыбучие и постоянно меняющиеся элементы ассиро-вавилонской религии, они дадут более или менее полную картину той религиозной действительности, современное восстановление которой производится лишь на основании немногих клочков найденных и разобранных учеными доселе. Насколько далеко пойдет дело восстановления, насколько удастся науке в будущем узнать прошедшее, об этом и бесполезно и невозможно гадать теперь. Но вот, что представляется несомненным. Сквозь всю сеть противоречий и пестроту образов, которые представляет религия ассирийян и вавилонян, уже при свете современного исторического и психологического знания выступают некоторые твердые и незыблемые устои и основы. Из под всех мифологических образов и фантастических наслоений выдвигаются некоторые принципы, применение к жизни которых было противоречиво, но которые в своей сущности были непоколебимы. Это те принципы и те устои, которые лежали в основе верований и представлений и других народов древнего востока, проходивших свое историческое поприще одновременно с

народами Месопотамии. Вот почему представляется наиболее целесообразным говорить об этих религиозных началах после обозрения всех тех совместно существовавших религий, в основе которых они лежали.

2. Египетская религия¹⁰

1.

Узкая полоса земли по обоим берегам Нила между 31°–24° север. широты была ареной, на которой в течение тысячелетий протекала история Египта (Египтяне называли свою землю *кеми* коптское ХНМІ, может быть еврейское хам)? Не совсем ясно геологическое происхождение этой страны, которая обязана находящейся на ней жизни Нилу и, благодаря его отложениям, постоянно растет по направлению к северу, и совсем темно происхождение народа, который создал здесь своеобразную Нильскую культуру и воззрения и верования которого представляют собою много загадочного и для современного человечества.

Может быть население Египта образовалось из нескольких этнографических наслоений, но во всяком случае большинством ученых (Тиле, Гоммель, Ленорман) теперь признается, что то культурное зерно, которое создало в Египте религиозную систему, законы, искусства, зачатка науки, это зерно вышло из Азии. Может быть в Египет приходили и в нем селились эмигранты из различных стран, может быть они приносили с собою свои верования, обычаи, даже знания, но они становились здесь в иерархическом ряду духовным низом. Вожди, руководившие здесь народом, были с востока. Начало египетской истории теряется в непроницаемом мраке. Первым царем, за которым признают исторический характер, является Менес, родом из Тинита, который вел борьбу с тинитскими жрецами и основал Мемфис. Мемфис был посвящен двойнику бога Пта, по египетски *Накартаһ*, отсюда греки образовали слово Египет. По обычной хронологии первая династия, которую начинает Менес, царствовала около 263 лет, вторая около 302, третья – 214 лет. Из царей этой династии замечателен Снофру, сначала нечестивый, хотя и выдающийся монарх, затем кончающий жизнь покаянием и ставший непосредственно после смерти предметом религиозного почитания. От четвертой династии до нас сохранились пирамиды Хеопса (куву), Хефрена (кавра) и Микерина (Менкера) Десять первых династий имели резиденцию в Мемфисе, столицей одиннадцатой становятся Фивы. Первоначально Египет состоял из многих мелких и совершенно самостоятельных государств, которые постепенно соединялись и сливались все в большие и большие политические единицы, но долго, видно, он резко делился в политическом отношении на верхний (южный)

и нижний (северный). По видимому при двенадцатой династии произошло объединение всего Египта, но отзвук старого порядка сохранился в самом титуле царя-фараон верхнего и нижнего Египта. Полагают, что в эпоху двенадцатой династии был в Египте Авраам. В этот фиванский период на Египет совершили нашествие гиксы. Египет подчинился чужеземному владычеству. Египет подпал не только политическому рабству, но отчасти подвергся и религиозному гонению. Такой печальный порядок вещей продолжался до восемнадцатой династии, когда гиксы были выгнаны, и начался блестящий период истории Египта, он не только стал самостоятельным, но и начал подчинять своей власти народы Азии. Египетские войска узнали дорогу на юг и на восток, а вассальные владения Египта заходили далеко от Нила. Религиозная жизнь Египта в этот период, кажется, была горячим ключом. Здесь происходила и борьба верований и культов и борьба жрецов с светской властью. При Аменхотепе IV произошла какая то загадочная религиозная революция. Этот царь воздвиг гонение на традиционных богов Египта, приказал везде на памятниках стирать имя Амона и провозгласить исключительно культ солнца (Атен), которое он почитал под формою светящегося диска. Его дело погибло с его смертью. Старые боги были восстановлены в своих правах, а благодаря завоеваниям, к ним начали присоединяться и боги из завоеванных стран. В этот период (по видимому при девятнадцатой династии) вышли из Египта евреи. Пока египетские монархи – в роде Рамзеса II – проводили жизнь в походах и завоеваниях, жрецы Аммона в Фивах мало по малу приобретали все больший и больший авторитет и кончили тем, что низложили двадцатую династию. Верховный жрец Хри-Хор венчал себя двойною короною и Египет стал чисто теократическим государством. Однако здесь, как и везде, дело служения богам и управления людьми оказалось несоединимым. Чрез столетие жрецы – цари были выгнаны из Фив и принуждены бежать в Эфиопию. После этого династия разных национальностей были в Египте – ливийская, эфиопская. В религиозном отношении все они характеризуются заботами о сохранение национальной религии. Религия исповедуется, но по видимому уже не развивается. В религиозном отношении Египет живет теперь рутинным образом, и так дело ведет до времени Камбиза, когда в Египет вступают персы, и он теряет самостоятельность уже навсегда. Владычество персов затем сменяется владычеством греков и наконец римлян. К египетской религии примешивается много чужеземных элементов, и её старые доктрины под влиянием греческой философии принимают новое освещение. Религия претерпевает существенные изменения. В эту пору является христианство.

Но этот процесс религиозного изменения Египта, процесс преобразования религиозной почвы страны стоит в связи с появлением на исторической сцене арийцев и поэтому будет предметом нашего обсуждения в связи с исследованием арийских религий, а не в отделе трактующем о религиях древнего востока.

2.

С самых древних времен шесть различных типов высших существ были предметом религиозного почитания в Египте: боги, духи, люди умершие и живые, животные, растения и неодушевленные вещи. Раздробленный в политическом отношении Египет не был одним целым и в отношении религиозном. Различные округа знали различных – богов и не только в различных местах на первом плане стояли различные местные боги, но едва-ли можно сомневаться, что в древнейшее время боги, чтившиеся в одних местах, иногда были совсем неизвестны в других. Это – одна из причин существования противоречивых элементов в религии Египта. Другая причина того-же – способность людей на низших ступенях культуры спокойно принимать противоречивые толкования явлений и противоречивые религиозные взгляды. Рефлектирующее мышление обыкновенно стремится сгладить противоречия и внести порядок в то, что является хаосом. Так стремились представить египетскую религию и египетские богословы, но это – уже позднейший момент. Взглянем сначала на египетскую религию, как она является в древнейшую пору, как продукт бессознательного творчества религиозно настроенных мысли и воображения.

В ряду богов древнего Египта особенно выдвигается впереди Ра (значит: солнце). Местом его особенного почитания был Гелиополис (Библейский Он см. Исход 1, 11). Это греческое название есть перевод египетского пи-ра== город солнца. Божество Ра открывается человечеству в солнце. Ежедневно солнце переходит последовательно из жилища мрака или смерти в жилище света и жизни. Благодетельная теплота солнца производит бытие и жизнь. Солнце по отношению к миру является производителем, отцом, оно рождает жизнь, но оно само не рождается. Существовая само собою, оно есть свой собственный производитель. Солнце отражает в себе человеческую жизнь тем, что оно рождается и умирает, чтобы снова родиться. Солнце есть Божество и при том высшее Божество так как оно есть самое блестящее, самое великое из светил. Благодетельным воздействием своим оно оживляет мир, Оно есть самое блестящее творение всемогущего, живое тело, в котором открывается

высший Бог, или его правый глаз вечно открытый на небе, или оно есть сам Бог покрытый полнотой своих атрибутов. Движение солнца по небу, это – плавание по вечно определенному фарватеру. Оно совершается в лодке. Лишь только Ра появляется на восточном горизонте неба, его живые лучи немедленно проникают, оживляют и укрепляют все живое. В глубине своей священной лодки, доброй лодки существующей миллионы лет, закутанный в складки змея Меген, представляющего эмблему его движения, Ра медленно скользит по вечному потоку небесных вод, сопровождаемый целым рядом второстепенных богов, являющихся на изображениях в весьма странных формах. Среди молитв и благоговейных обращений к нему совершает солнце свой путь.

В начале дней Ра, распростершись над хаосом, уничтожила его без усилия, он сказал солнечному светилу: иди ко мне, и солнце, придя к нему, стало светить. По его приказанию блестящий бог Шу насадил растения на земле и разделил воды на два рода масс: одна, распространившись на земле, произвела реки и моря, другая, находящаяся в воздухе, образовала небесный свод – воды высот, по которым плавают звезды и боги. Но устанавливая законы мировой гармонии, устроитель вселенной возбудил против себя злые силы природы. Глава темных сил змей Апап пытался уничтожить божественное дело, завязалась борьба между светлыми и плодоносными богами и между сынами отвержения, врагами света и жизни. Преимущество в этой борьбе оказалось на стороне богов света, но будучи побеждены, сыны мрака доселе не уничтожены, они постоянно угрожают мировому порядку. Чтобы уничтожить их разрушительное действие бог должен, так сказать, ежедневно творить мир снова, Ра изображался в различных видах. Самое общее его изображение, это в виде человека с головою ястреба. Он изображался или стоящим на своей священной лодке, или восседающим на троне. Это второе положение должно было напоминать, что по созданию мира и людей, Ра был первым царем Египта. Относительно этого золотого времени у египтян существовала поговорка: этого не было со дней Ра. Каждые сутки жизнь солнца слагается из двух фаз: его пребывания над горизонтом и под горизонтом. Есть солнце дневное и есть солнце ночное. В порядке хронологическом как небытие предшествует бытию, так мрак предшествует свету, и поэтому солнце ночное существует раньше дневного и по отношению к последнему является его производителем. Солнце ночное или солнце до восхода называлось Тум или Атум, оно рассматривалось, как источник бытия и высочайшее божество. На рисунках Атум изображается человеком (он нарисован голубой краской) в

золотой диадеме с золотым ожерельем, в зеленой тунике и бронзовой кирасе». На других рисунках он представляется выходящим из цветка лотоса, это – указание на восходящее солнце. В различных округах солнце имело различные названия. В Эдфу его, называли Хут и это имя обыкновенно усвоили крылатому солнечному диску, изображение которого обыкновенно помещалось над храмовыми дверями. На погребальных сценах солнце обыкновенно отождествлялось с Нум (божество с головою барана). Изображения в виде грифа (баснословное животное, приближающееся по своему виду к орлу – ягнятнику) указывали на солнце, когда оно имеет наибольшую силу. Дитя в цветке лотоса, это – солнце лишь появляющееся на горизонте. Земными воплощениями Ра являлись бык Мневис и птица Феникс. Бык жил в Гелиополисе, но о фениксе говорила египетская легенда, что эта птица жила где-то далеко в Аравии и только через 500 лет прилетала в Гелиополис, чтобы здесь похоронить труп своего отца. Важнейший храм Ра (дворец владыки) находился в центре Гелиополиса. Храмы воздвигнутые в его честь представляли собою своеобразные четырехугольные постройки с наклоненными стенами. На верху постройки воздвигался обелиск. Вот – один из гимнов обращенных к Ра. „Хвала тебе, о солнце, создатель всех людей. Ты один пребываешь в истине и производишь все существующее – людей и животных. Через твой глаз (видимый, диск солнца) открывается владыка неба и земных миров, господь над всем, отец всех богов, царь высот, предводитель небесных воинств и вождь всех богов. Когда ты плывешь в своей лодке, радость несется по всюду”.

На том высоком троне, который в Гелиополисе назначался для Ра, в Мемфисе восседал бог Пта (Ptah – по египетски, как и по еврейски, открывать). Это не астральный бог, как Ра, и едва ли земной, как думает о нем Масперо. Греки смешивали его с Гефестом, но общего с Гефестом у него лишь то, что он, как и греческий бог – кузнец, дает форму вещам. Поэтому он еще называется Gottonen (дающий форму). Изображался он обыкновенно в виде, человека с бритой головою и закутанный, как мумия. Черты лица на его статуях отделялись всегда чрезвычайно тщательно, он носил имя: бог с прекрасным лицом. Он назывался также господин справедливости, царь миров. В Мемфисе почитали, еще погребального бога Сокара, но Пта скоро поглотил его в себя, стало одно божество Пта-Сокар. Постоянное живое воплощение Пта мемфисцы видели в быке Аписе (слово апис значит вторая жизнь Пта). Апис жил в пристройке примыкающей к главному храму Пта и получал божеские почести. О нем существовали легенды, что телка зачинала его от луча света и что после

она уже не могла иметь детей. Апис был черного цвета с белым трехугольным пятном на лбу, на спине у него должно быть изображение орла или коршуна с раскрытыми крыльями, на языке изображение жука, хвост должен иметь двойные волосы. Острое зрение жрецов усматривало существование этих признаков там, где простой смертный не видел ничего похожего ни на жука, ни на коршуна. Пта имел супругу богиню Сехет. Она изображалась с львиной головой и считалась богиней неба. У них были дети – Имготеп, бог врачевания (греки называли его Эскулапом) и Нофертум.

С именами Ра и Пта связывается только вопрос о религиозном почитании, но с именем фивского Амона соединяются и политические движения. Фивы были маленьким городом в древности, и в сущности не известно – культ ли Амона содействовал их возвышению или, наоборот, город, возвысившись политически, возвысил и почитание своего бога. Не совсем ясно значение слова Амон. Производя его из египетского корня, полагают, что оно значит: скрытый, непроницаемый, тайна, но другие думают, что оно – семитического происхождения (Иерем. XLVI,25) и значит: верный, постоянный, вечный (у финикийцев это имя находится, как прозвище Ваала). Во всяком случае уже в глубокой древности в представлении этого божества был внесен пантеистический характер. Амон представлялся как нечто нераскрытое, неопределенное и что однако создает определенность мира. Он изображался в виде человека, но нередко на место человеческой головы ему приставляли голову копчика, быка, барана. В Лувре есть интересная его бронзовая фигура. Он представлен топчущим девять луков – символ варварских наций. Он называется отцом богов, владыкою тронов земли, владыкою богов, властелином вечности, великим богом живущим во истину. Будучи владыкою земных царств, он отдает их в дар царям Египта. Часто на монументах Амон представляется под формою итифаллическою. Тогда он носит специальное имя „супруги своей матери“. Его супруга Муть (имя значит Мать). Она обыкновенно изображалась в двойной диадеме, как владычица двух областей Египта. Иногда у ней на челе помещается коршун – символ материнства – крылья которого образуют её куафюру. Она обыкновенно одета в длинное платье и держит в руках символ жизни. Муть называлась небесною женою, владычицею всех богов, госпожою ночи. Амон и Муть имели сына Конса. Конс является на изображениях и статуях в двух видах: с человеческой головой с символом луны на голове – он носит имя доброго покровителя, с головою ястреба он обыкновенно именуется – Конс, советник Фиваиды, великий бог преследующей изменников. У египтян было стремление

сливать различные божества в образ одного бога. Мы видели пример этого на Пта-Сокари. Амон в Египте очень рано сливается с Ра. Является Амон – Ра, имеющий все атрибуты высшего божества.

Прежде, когда начинали говорить о религии Египта, говорившими и слушавшими прежде всего предносились образы Озириса и Изиды. История этой несчастной божественной четы подробно в особом наследовании рассказанная Плутархом (46–120 по Р. Х. *De Iside et Osiride*) заучивается детьми при первом знакомстве с всеобщей историей. Значение имени божеств неизвестно. Полагают, что Озирис представлял собою первоначально Нил, а Изида – оплодотворяемую Нилом почву. Но можно сильно сомневаться в справедливости такого взгляда. Озирис был сначала местным богом в Абидосе, по видимому культ его существовал с глубокой древности и в других местах, но в Абидосе он был особенно почитаем. Изида была первоначально покровительницей местечка Буто в Дельте, но затем религиозная мысль египтян соединила образы этих бога и богини и сплела с их именами сложную и трагическую историю. От земли (Кеб или Себ) и неба (Нут) – божественной четы, насильственное разделение которой произведенное Шу образовало мир, родились Озирис, Сети, Изида, Нефтис. Озирис женился на Изиде, Сет на Нефтисе. Озирис пошел по пути добра, Сеть – по пути зла. Озирис совместно с Изидой управлял Египтом. Однажды он отправился в путешествие. Сеть замыслил погубить его, составили с этой целью заговор и приготовил особый ящик. Когда Озирис возвратился из путешествия, Сет пригласил его к себе на пир. На пиру Сет показывает приготовленный им ящик и клянется, что отдаст его тому, чье тело придется по мерке ящика, Тело пришлось по мерке Озириса, но лишь только Озирис вошел в ящик, Сет захлопнул его, запер и бросил в Нил. Нил через танисское русло выбросил ящик в море, и он прибил к финикийскому Библосу. Там выросшая эрика покрыла его своим стволом, а царь Библоса, срубив ее, сделал колонной в своем дворце. Изида долго оплакивавшая и искавшая тело Озириса, наконец узнала его судьбу. Тогда она явилась в Библос, поступила к царю в воспитательницы его сына и затем в награду получила драгоценную для неё колонну с телом Озириса. Высвободив из колонны драгоценный ящик. Изида имела неосторожность поставить его около городской стены. Здесь нашел его Сет, он рассек тело Озириса на 14 частей и разбросал их по Нилу. Изида разыскивает и находит почти все части Озирисова тела (кроме *fallus*'а, который брошенный Сетом в Нил был съеден рыбами). На месте каждой части она строит гробницу, поэтому большинство египетских номов гордится тем, что в них находится гроб Озириса. Озирис, нисшедший в

Аменти (египетский загробный мир) становится владыкою и судьей мертвых. Он является своему сыну Гору и завещает ему наказывать Сета. Начинается борьба. Гор побеждает Сета и отдает его Изиде, но к досаде Гора богиня отпускает пленника на свободу. Как божество благодетельное по преимуществу, Озирис назывался уннофриу, оннофрис. Замечательны изображения Озириса, которые по видимому являются древнейшими. Это – идолы или фетиши Диду (Диду – местность в дельте, где почитался Озирис). Это – своеобразная колонна. Представим себе стол утверждающийся на колонне, поставим на него другой стол, на другой третий. Четыре таких стола поставленные один на другой и представят собою вдоль Диду. Пытались здесь видеть указания на четыре алтаря и четыре стороны света, но вообще доселе не дано удовлетворительного объяснения этого символического изображения, ни значения слова Диду. Впоследствии из колонны представляющей собою основание четырех коротких столов начали выделять грубое изображение Озириса. Так, кажется, сначала почитали символ Озириса, а потом символ сменился его изображением. Затем Озирис представлялся в виде царя сидящего на троне с атрибутами царской власти, изображался в виде мумии, изображался с головою барана. Египетская тенденция сливать божества соединили его с Пта-Сокар, и получился Пта-Сокар-Озирис. Как таковой, Озирис изображался с головою ястреба, на которой находился солнечный диск. Супруга Озириса Изиды изображалась или в виде коровы или в виде жены (сидящей на троне), над диадемой которой поднимались рога коровы. Древнейшая мифология представляет Изиду самостоятельной богиней. Без любовника и мужа она зачинает Гору и только потом, когда счастливые обстоятельства соединяют ее с Озирисом, Гор усыновляется последним. Мифы рассказывают, что божественные свойства и власть Изиды приобрела некоторою хитростью. Она создала змею, которая уязвила Ра, и не соглашалась исцелить его и удалить из него яд, доколе он не откроет ей тайны своего имени и не отдаст Гору своих глаз (глаза Ра: солнце и луна). Почитание Изиды было связано с звездным культом, и её душа представлялась пребывающею на Сириусе.

С именем Гора, сына Изиды, связывается представление о божестве действующем энергично и благодетельно для богов и для человечества. Но образ его двойственен: с одной стороны Гор является тождественным с Ра, богом солнца, с другой он – скромный сын Изиды, которому Себ, отец Озириса, передает в наследство права и власть отца и который хотя и побеждает злого Сета, однако принужден делить с ним власть над Египтом. Египтологи склоняются к предположению, что в глубокой

древности в Египте почитался Гор-ур т. е, Гор древний, старший. Он был богом солнца. Независимо от его культа религиозная фантазия создала образ Гора, сына Изиды, но потом сходство имен и деятельности этих богов слило их в образ одного бога. Образ Гора включает в себе много астральных элементов. Он солнце, являющееся после своего захода на западе снова на востоке, почитались Горусы планет. В нем хотели видеть небесную лазурь и свет. Был Гор обоих горизонтов (*Ἄεραχίς*) может быть намек на тожество солнца. Как планетный бог, Гор изображался с головой ястреба и с звездой над головой. Как Гор обоих горизонтов, он изображался, с солнечным диском, или короной из цветов папируса и иногда с головою барана. Как сын Изиды, а порою и Нефтис, Гор изображался в виде дитяти без одежды с согнутыми колунами и с пальцем положенным на уста. Последнее – символ детства, но греками он был неверно истолкован, как символ молчания. Замечательна встречающаяся в музеях одна группа Гора, в состав которой входит некоторое темное божество – Бес. Бес изображался в виде уродливого человека с атрибутами злого бога войны, с другой стороны он представлялся, как любитель и покровитель музыки, и наконец ему иногда усвоились атрибуты Амона и он тогда являлся с пантеистическими чертами. Фигура этого Беса обыкновенно присутствует на сцене изображающей Гора на крокодилах. Гор – дитя без одежды держит в руках скорпиона, льва, двух змей и газель, он стоит на двух крокодилах повернувших голову. Над ним вырисовывается чудовищно безобразная голова Беса. Трудно понять смысл этой сцены. Из надписей заключают, что Гор в этой форме называется „старец, становящийся юным“. Крокодил не может поворачивать головы, и у египтян крокодил с повернутой головой был символом невозможного. Эту эмблему невозможности Гор топчет своими ногами. Может быть здесь выражается идея о вечно юном божестве торжествующем над временем, темными силами и смертью.

Часто супругой Гора называют богиню Гатор. По видимому она сначала была местным божеством, почитавшимся на синайском полуострове. Здесь при четвертой династии, когда шла усиленная разработка синайских рудников, был широко развит её культ. Гатор считалась дочерью солнца. Греки отождествляли ее с Венерой, и она действительно в пантеоне египетских божеств рассматривалась, как тип красоты, особенно прекрасными считались у ней глаза. Обыкновенно на изображениях над головою помещается иероглиф её имени: бог Гор в наосе (Гатор, собственно Гат–гор–Nathog значит жилище Гора). Другое головное украшение Гатор солнечный диск украшенный двумя рогами и

двумя длинными перьями. Рассматриваемая, как богиня мать, Гатор часто отождествляется с Изидой. Обычно Гатор представлялась в виде коровы, причем корове давались атрибуты богини. Храмы Гатор отличались верхушками своих колонн, которые представляли голову этой богини украшенную коровьими ушами. Как Озирис и Гор, Гатор принадлежала к погребальным божествам. Под образом пятнистой коровы она принимала усопшего, когда он прибывал на запад. В этой роли она часто носила имя Нуб (собственно значит золото) – в фигуральном смысле место, где покоится мумия и где человеческое семя должно принять новую форму для воскресения. Гатор мыслилась, как ночное небо, как небесная мать, в лоне которой душа усопшего возрождается для вечной жизни.

В плеяде божеств группировавшихся около Озириса видное место занимает Тот. Он был советником, так сказать, секретарем Озириса. Затем он помог Изиде в её стараниях оживить Озириса. В одном рассказе он выступает третейским судьей между Гором и Сетом. Тот преимущественно почитался в Гермополисе. Он изображался в виде ибиса или павиана. Первоначально он сближался с луною. Голова Ибиса, представляющая Тота, украшалась двурогим возрастающим диском луны. Иногда Тот-луна представлялся под образом дитяти совершенно обнаженный, вероятно, это – луна в первой четверти. Иногда он изображался, в одежде и взрослыми, имеющими в руке глаз Гора. Это символ полной луны. Как бог-луна, Тот иногда отождествлялся с богом фиванским Консом. Отождествление или смешение богов должно отличать от их слияния. При отождествлении или смешении атрибуты одного бога усвоились другому, причем о первом забывалось, при слиянии особое прошлое каждого из богов и их имена помнились, но представлялось, что особое бытие их вступило в какую то новую пантеистическую фразу, в которой они живут и действуют как одно, хотя по природе своей суть два, а иногда и три. В качестве бога-луны Тот был определителем времен, вел счет дням, месяцами, годам. Он владел таинственными силами, управляющими миром. Тот был господином голоса, владыкою слов и книг, обладателем или изобретателем магических писаний, которым ничто не может сопротивляться ни на небе, ни на земле, нив аду. В народных сказках Египта говорится, например о книге, которую Тот написал собственной рукою и которая её владельца делает равным богам. „Два изречения написано там. Если ты прочитаешь первое, ты своими чарами получишь власть над небом, землею, адом, горами, водами. Ты узнаешь небесных птиц и пресмыкающихся, всех, сколько их есть, ты увидишь рыб бездны, потому что божественная сила заставит их подняться

на поверхность. Если ты прочитаешь второе изречение, то хотя бы ты был в гробе, ты получишь ту форму, в которой жил на земле, ты увидишь солнце поднимающееся на небе и сонм его богов, увидишь луну в той форме, в которой она бывает, когда является. Он изобрел волшебные напевы и музыку, которыми подчинял богов и того, кто умел пользоваться ими, делали властелином мира. Тот представлялся изобретателем письмен, покровителем наук, насадителем культуры, он был культуртрегером в человечестве. Он написал книги руководственные к культуре. Греки сблизили его с своим Гермесом, и неоплатоники называли его Гермес трисмегист (величайший). Замечательно египетское представление о творении мира Тотом. Он совершил его не путем усилий и какой-либо деятельности, а просто заклинанием или даже одним только голосом. Членораздельное слово и голос по воззрениям египтян, которые разделялись и другими народами древности, имеют непреодолимую силу выходя из живых уст, они могут превращаться в осязаемые вещества, в тела одушевленные жизнью, в богов и богинь, которые сами владеют творческой силой. Мы уже приводили призыв Ра к солнцу „иди ко мне” заставивший светить это светило. Но Тот не произносит слов. Одни лишь звуки сошедшие с его уст превращаются в четырех богов, которые управляют четырьмя домами (странами) мира. Таким образом дело творения представлялось прежде всего результатом непосредственной механической деятельности, затем актом словесного повеления, далее результатом воздействия одного божественного голоса. Оставалась по видимому одна ступень – представить творения актом чистой божественной мысли, но до этой идеи не поднялось египетское богословие. Тот с четырьмя созданными им богами образует пять, поэтому Гермополис назывался домом пяти, и владыка города, наследственный жрец при храме Тота назывался „великий из дома пяти“. В близкие отношения к Тоту поставляли иногда богиню правильного счета, меры, правды и справедливости – Маат. В надписях она называется стражем неба.

Вместе с Тотом в суде над умершими всегда принимал участие Анубис (по египетски: Анепу). Он изображался всегда с головою шакала, его обязанностью было сторожить мумии, он был сторожем гробов, но шакалы постоянные гости и, так сказать, пригробные жильцы, отсюда понятна эмблема Ану-Биса. Иногда на изображениях ему дают черную окраску, сильнее тем подчеркивая его траурную роль. Встречаются еще его изображения, где он представляется стреляющим из лука, смысл этих изображений доселе не выяснен.

Как будто в стороне от других божеств и вместе с тем близко к сердцу каждого египтянина стояло божество Нила. Нил (назывался Гапп) представлялся в виде сильного и богатого человека. Иногда его образ раздваивался, особо изображался Нил северного (рисовали голубой краской) и южного (рисовали красной) Египта. Каждому Нилу соответствовала особая богиня. Вот один из гимнов, который пели божеству Нила при чествовании его на праздниках. I. „Привет тебе, о Гапп, который нисходит на эту землю и прибывает, чтоб дать жизнь Египту, ты, который скрываешь свой приход во мраке даже, когда воспевают твое пришествие – прибытие твоих волн разливающихся по плодовым садам созданным Ра и отказывающихся поить пустыню (принадлежащую Сету), разлитие небесных вод. Ты нисходишь, и Себ, бог земли, производит хлебы, Напри, бог зерна, представляет свою жертву, Пта делает счастливыми твоих работников. II. Владыка рыб! лишь только он ниспускается через водопад, птицы перестают погибать на полях. Создатель пшеницы, производитель ячменя, он сохраняет храмы. Если бы его пальцы устали, если бы он стал страдать, тогда миллионы существ стали бы несчастными. Если бы он умалился на небе, тогда сами боги стали бы погибать вместе с людьми. III. Животные безумствуют, и вся земля – великие и малые – подвергается страданию. Если, напротив, люди внимают, когда он поднимается и становится для них Кнуму (богом творцом, производителем). Лишь только он встает, земля ликует от радости, всякое чрево радуется, каждая спина сгибается от смеха, каждый зуб разгрызает. IV. Несущий пропитание, богатый запасами, создатель всего доброго, владыка всех семян, благосклонный к своим избранным – если кто-либо становится другом его, –он дает корм животным, он помогает жертвоприношениям всем богам. Благовоние идущее от него есть наитончайшее. Он захватывает обе страны, и закромы полны, амбары счастливы, и блага бедных преизбыточествуют! V. Он содействует исполнению обетов, не допуская ничего опустить. Он силен для того, чтобы умножать суда. Ему не воздвигают статуй из камней, на него не возлагают двойной короны, его не примечают, ему не платят подати и не приносят жертв, его не воспевают в чародейственных словах, не знают места, где он находится, не находят его усыпальницы силою магических заклинаний. VI. Нет дома, который бы был достаточно широк для тебя. Нет никого, кто бы проник в твое сердце. Пусть поколения твоих детей радуются тобою, ибо ты управляешь, как царь, повеления которого даны для всей земли, который является пред народами полудня и народами севера, которым отерты слезы со всех глаз и который расточает свои

благоденствия. VII. Где была скорбь, там сияет радость, и твое сердце довольно. Крокодил Совку, дитя Нила, скачет от радости, ибо молитвы богов, с которыми обращались к тебе, устроили все: разлив увлажняет поля и делает всех людей бодрыми, один питается от трудов другого без того, чтобы из этого возникло судьбище. IX. Если тыходишь среди пения, то для того, чтобы выйти среди радостей. Танцуют, когда ты выходишь из неизвестности, потому это тяжесть твоих вод есть уничтожение и разрушение (т. е. когда определяются размеры разлива, ибо большой разлив создает опасности и гибель. Текст в этом отделе испорчен, Масперо реставрировал его проблематически). Когда плачут, чтобы получить годовую воду, то видят соединенными жителей Фиваиды с жителями севера. Видят каждого с орудиями его ремесла. Никто не остается позади соседа. Никто не одевается в праздничное платье. Дети Тота, бога богатства, не украшаются драгоценностями, нет девятины (праздничных молений) богов, но все пребывает в мраке. Но лишь только ты ответишь умножением вод, каждый благоухает, X. Установитель истинных благ, желание людей, вот – пленительные слова, которыми ты отвечаешь. Если ты отвечаешь волнам небесного океана человечеству. Напри, бог зерна, представляет свою жертву, все боги почитают тебя, птицы не погибают более на горах. Если бы то, что совершает твоя рука, было золотом или серебряным кирпичем, то ведь не ляписом – лазули питаются, пшеница стоит дороже, чем драгоценные камни. XI. Начали тебе петь на арфе, тебе поют под ритм рук, и поколения детей радуются за тебя, и тебя исполнили похвальными приветствиями, ибо он есть бог того богатства, которое украшает землю, делает счастливыми лодки пред лицом людей, живет сердце непраздных женщин и которое любит умножение стад. XII. Когда ты поднялся в город князя, богатый доволен, бедный чувствует себя хорошо. Всякая вещь прочна и доброго качества. Все травы в пользу его детей. Но если бы ты забыл дать пищу? Счастье оставило бы жилища и земля впала бы в бедствие“.

Число богов египетского пантеона очень обширно. Часто здесь один бог делился на несколько, что можно видеть на примере Нила, – из одного бога образовали двух и затем богатое воображение из Нила создало еще особого бога Кнуму, который в сущности есть тот же Нил, но который представляется уже и с новыми чертами. На рисунках его изображают иногда творящим людей из глины. Впоследствии с Кнумом сблизили еще Дедуна –бога нубийского происхождения. Иногда в различных местах чтили богов совершенно тождественных по своим свойствам, но с различными именами. Таковы, например, Анхур и Шу. Анхур-солнечный

бог (имя значит: вести небо). Шу является с теми же самыми свойствами (полагают, что Шу значит свет). И того и другого бога часто изображали стоящим прямо или на колонах и поддерживающим руками небесный свод и, так сказать, управляющим его движением. Потом их слили в образ Анхур-Шу. Шу часто называют сыном солнца (Ра). Есть один характерный рисунок, на котором он встречается вместе с божествами Себ (земля) и Нут (небо). По египетской космогонии в довременном бытии земля и небо были соединены вместе. По повелению Ра Шу разделил их. Это разделение представляют таким образом. Супруг Себ лежит на земле. Нут поднята Шу таким образом: её ноги находятся у головы Себа, руки у его ног, а тело испещренное звездами поднято к небу. Небо таким образом утверждается на четырех столбах и приводится в движение Шу. С богиней Нут сближают Тефнет, как космогоническое божество (женское дополнение Шу). В древности в нижнем Египте по видимому пользовалась большим почитанием богиня Нейт. Она представлялась как богиня войны и вместе с тем смерти. Первое впрочем отстоять недалеко от второго. Ее сближают с богом Упуат. Она называлась пролагательницей тропинок? Упуат – прокладывателем пути. Упуат изображался под образом шакала и его рано начали смешивать с Анубисом. Богами солнца в Египте были Мин, он же и бог плодородия и по видимому чадородия, Монт – бог солнца в его наибольшей силе, эти божества легко смешивались с Амоном, Ра и Горусом. Своеобразным божеством в верхнем Египте был Себек-бог с головой крокодила. Крокодил почитался его священным животным. Изображения Себека крайне безобразны, по видимому по своим свойствам он приближался к Сету и может быть поэтому Себек был оттеснен Сетом на задний план. Должно назвать еще богиню истины и справедливости – Ма дочь солнца покровительницу детей, тоже дочь солнца – Сельк, богинь Баст и Пахт тождественные с Секхет, бога Гопса с львиной головою, физиономия которого не выяснена, бога Новр-Атум, сына Секхет, одного из судей в подземном трибунале Озириса.

Как и в других странах древности – хотя менее, чем в Халдее, божества Египта связывались с звездами. Мы уже говорили о богах – солнце и луне. Как путешествие солнца по небу было материалом для обширного мифа, так и движение луны и её фазы послужили материалом для обширных мифологических сказаний. Луна, это – глаз Гора, который в его движении по небу охраняют Ибис и Павлиан и который преследуют крокодил, гиппопотам и свинья. Особенно в половине месяца, когда луна становилась полною, ей грозили страшные опасности и усилиями её врагов всегда достигалось, что с этого момента она начинала терять свой

блеск и уменьшаться и только доведенная до крайнего истощения начинала возрастать. Затмения объяснялись тем, что луну проглатывала свинья, которая однако по требованию богов принуждена была выбрасывать ее обратно раньше, чем успевала ее переварить. Почитались созвездия (Наприм., большой медведицы под названием бедра быка eg-Ridl). Почиталось созвездие Ориона, Сируаса и планеты. Юпитер именовался Упсетатоди, Сатурн–Кахири, Меркурий–Совку, Марс–Досхири, Бону, птица–Венера. Последняя имела два образа. Как вечерняя звезда, одиноко и раньше других появлявшаяся на небе, она называлась Уаити; как утренняя звезда, она называлась Тиу-нутири – божество приветствующее солнце пред его восходом и возвещающее живым существам приближение дня. Почитание планет было связано с культом Горуса (старшего).

3.

Как ни был однако обширен египетский пантеон, он не удовлетворял древнего египтянина. Египетские боги были и далеко и высоко от человечества. Не смотря на тот мифологический покров, в который закутывали их фигуры и на те реальные формы, в которых их изображали, они оставались слишком абстрактными и отдаленными, и потому египтяне в своем домашнем обиходе чувствовали нужду в более близких существах в духах. Нет никаких сомнений, что громадное количество духов и демонов по представлению египтянина жило около него и беспрестанно вмешивалось в его жизнь. Это открывается из того, что для самых частных случаев, оказывается, у египтян существовали особые высшие покровители или враги. Так кроме богини Гатор тексты говорят о множестве Гатор-фей, являвшихся при рождении ребенка и предрекавших его судьбу. Семь таких Гатор присутствуют, как помощницы повивальной бабки при разрешении царицы от бремени. Были, наприм., божества жатвы – Непер и Неперт, фея рождения – Мешент, покровительница грудных младенцев богиня Раннут. Были абстрактные божества, наприм., богиня истины. Можно думать, что и абстрактные понятия олицетворялись у египтян, как в римской религии, и для надзора за каждым частным случаем назначались высшие существа. Для охранения внутренностей умершего человека египетское богословие назначало четырех гетев – Амсет, Гапп, Тиу – мотев и Кебах – сенув. Но к сожалению этот демонистический элемент египетской религии доселе совершенно не выяснен. Иероглифические тексты не говорят или почти не говорят о нем, они занимаются ученым богословием жрецов, а не народными верованиями, хотя – в этом едва-ли можно сомневаться –

многие из этих верований разделяли и жрецы.

Почитались у египтян и умершие, так божественным почитанием пользовался Тозортрос – царь третьей династии. Он представляется медиком и автором медицинских трактатов, усовершенствователем письма и техники. Как врач, он приближается по своим свойствам к Имготепу, сыну Пта, и греки отождествляли его с Эскулапом. Мы уже говорили, что царю Снофру непосредственно после его смерти стали воздавать божеские почести. Этот культ продолжался целые столетия и существовали до эпохи птоломеев. Менкери приказал воздавать божеские почести своей усопшей дочери –ребенку, и сам он удостоился божественного почитания от своего народа. На крышке его гроба (саркофаг его отправленный в Англию потонул вместе с кораблем у берегов Португалии, сохранилась только крышка) имеется следующая надпись. „О, Озирис! царь обоих Египтов, Манкери (умерший, как увидим далее, соединялся в одно с Озирисом), вечно живущий, рожденный небом, выношенный во чреве богини Нут, потомок Себа, твоя мать Нут, как бездна небес, простирает над тобою свои объятия. Она сделает тебя богом, погрузив в ничтожество твоих врагов, о, царь Менкери, вечно живущий!“ Кроме почитания умерших царей в Египте по видимому существовало нечто в роде культа живых цезарей. Цари по египетской религиозности дарственной теории рассматривались, как потомки Ра и наместники его на земле. Имея божественное происхождение, они должны были иметь и божественные свойства. Царям усвоили эпитет „доброе бога“. Усиртесен III, завоевав Нубию, установил обычай провозглашать египетского царя местным богом покоренной страны. Замечательно, что этот культ привился. Способствовало этому, может быть то, что он построил много полезных сооружений. Его культ в Семнехе существовал более тысячи лет вместе с культом Дедуна. Аменхотеп III воздвиг себе храм в Солебе в Нубии, а своей жене в Седеинге. Этот фараон построил себе дворец, получивший у греков название лабиринта. По смерти Аменхотепа дворец был превращен в храм, однако не только не установилось культа Аменхотепа, но даже самое имя его было забыто.

Отличительной особенностью египетской религии считается почитание животных. Оно удивляло древних греков (Геродот, Истор. 11, 65–76; Дюдор, Библиот. 1, 83–90; Страбон, периегез. XVII, 38–40; Плутарх, об Изиде и Озирисе 71–77) и оно служит еще и теперь между учеными предметом недоумений, споров и пререканий. Должно различать несколько видов почитания животных у египтян. Прежде всего, мы видим, у них почитались индивидуальные особи. Важнейшие из них Апис

Мемфийский – воплощение Ита. Ему, жившему в часовне, воздавались божественные почести до самой его смерти, если он не жил более 25 лет. 25 лет были для него предельным возрастом и если он достигал их, его убивали тайно, а в часовню вводили нового Аписа, которого находили и воспитывали заблаговременно. Труп Аписа бальзамировали и хоронили с подобающими почестями. В 1850 г. Мариетт в Сокаре около больших пирамид нашел двойную подземную галерею с склепами по сторонами (Серапеум). Оказалось, что там погребались мумии аписов. Всякое действие и движение живого Аписа трактовалось, как пророческое указание, и жрецы пытались по ним прозревать будущее. В Гелиополисе почитался Мневис, священный бык бога Ра, в Мендесе священный баран, (может быть, козел) Озириса. Существует предположение, что в Гермополисе Тота почитали под видом живого Ибиса, но это вопрос нерешенный. Во всех приведенных случаях мы видим почитание индивидуальной животной особи, в которой предполагалось особое присутствие божества. Но кроме этого египтяне почитали еще целые виды животных. Таковыми были овца, обезьяна (павиан), землеройка, собака, вол, лев, кошка, гиппопотам, ибис, гусь, ласточка, копчик, крокодил, змей, жуки скарабей и некоторые породы рыб. Одни из названных животных были предметами всеобщего почитания (кошка), другие в одних домах почитались, в других, напротив служили предметом отвращения, таковы – крокодил и гиппопотам. Почитание животных должно было выражаться в том, чтобы не делать им зла и по возможности делать добро. Так запрещалось ловить священных рыб, но несомненно не запрещалось приносить в жертву священных волов. Хотя почитались целые виды животных, но все указывает, что из них избирались особые экземпляры для общественного или семейного почитания. В семьях имелась домашняя змея, которой ежедневно приносили жертву. Слова Климента Александрийского о том, как жрецы проводят иноземцев через длинный ряд различных зданий для того, чтобы ввести их в самую глубину святилища и показать бога, которым оказывалась кошка или иное животное (Стром, кн. V, VII), показывают, что на долю некоторых экземпляров священных видов животных выпадало особенное счастье. Они проводили блаженную жизнь во святилищах храмов, спали на роскошных подушках, им курили ароматы, воздвигали лампы, их кормили изысканною пищею. По смерти из них делали мумии. Находят мумии кошек, ласточек, копчиков. В связи с культом животных, несомненно, стояли изображения богов в виде животных и изображения животных. Считавшихся загадочными сфинкс (олицетворение Гора, как восходящего

солнца) – лев с человеческой головой или человек с головой львиной (иногда барана), боги в образе крокодилов, гиппопотамов, ибисов, боги с головою тушканчика. Шакала, ястреба, все это стоит близко к почитанию ястреба и крокодила.

Почитались деревья. Почитались некоторые пальмы. Были священные сикоморы, они росли обыкновенно на краю пшеничных полей и своим присутствием как бы благословляли их обработку. Египтяне представляли, что в глубине этих деревьев жил особенный дух. Обыкновенно он был невидим, но в особенных случаях он мог выдвигать из ствола свою голову или даже все тело, затем, когда он снова двигался во внутрь дерева, ствол поглощал его, „съедал снова“ по египетскому выражению. Существовал культ деревьев. Им приносили в виде жертвы фиги, виноград, огурцы, зелень, воду заключенную в пористых сосудах, которую каждый день переменили. Этою водою пользовались проходящие. За найденную воду они возносили короткую молитву. Округи мемфисский, летополитский назывались страню сикоморы. Самою знаменитою была южная сикомора-нухит ризит, которая рассматривалась, как живое тело Гатор на нашей земле.

Были наконец предметом почитания и неодушевленные вещи. Скала с причудливым силуэтом представлялась египтянам вместилищем сверхъестественной силы; источник, вытекавший из скалы, в котором проходящие в знойное время утоляли свою Жажду, был предметом боготворения. Даже иногда здания возводились в божественное достоинство. Так храм Амона–Ра в Фивах назывался богиней.

Так в представлении египтянина широко и разнообразно было проявление божественного в мире.

4.

Египет был не только страню религиозною, но и страню богословствующею. С древнейших времен, здесь не только почитали богов, но и стремились дать систематическое учение о богах. Не трудно выяснить те начала, из которых исходила мысль древнего египтянина при истолковании основоположений религии, но невозможно было, руководясь этими началами и наличными религиозными сказаниями, создать стройную систему религии. Египетские жрецы в своих богословских изысканиях исходили из идеи единства существующего и из факта пестроты и противоречивости явлений, которые отражались во множестве противоречивых мифов. Вот та схема, в которой уже с древнейших времен египетские жрецы представляли теогонии. В начале

был Ну – первоначальный океан, в бесконечных глубинах которого плавали смешанные семена вещей. От вечности Бог родился сам в лоне этой жидкой массы без формы и без образа. Этот бог определяется так. Один, единственный тот, который существует сущностью, тот который живет сущностью, единый все производящий на небе и на земле, который не рожден... Он есть единый живой Бог по истине, тот, который рождается сам, тот, который существует от начала, который все сотворил и не сотворен. Этот Бог был бытием единым совершенным, обладающим всеведением и премудростью. Всегда равный, всегда неподвижный в своем неподвижном совершенстве, всегда сущий, как в прошедшем, так и в будущем, он наполняет вселенную, но мир не может дать о нем даже и слабого понятия. Его ощущают везде, но его нельзя обнять. Единый по существу, он имеет не одно лицо. Он есть отец, и могущество его природы таково, что он вечно рождает, не ослабевая и не истощаясь. Ему нет нужды выходить из самого себя, чтобы стать плодоносным Он в собственной сущности находит материал для постоянных произведений. Один полностью своего бытия он зачинает свой плод, и так как в нем зачатие не может быть отлечаемо от рождения, то он от вечности производит в себе самом другого самого себя. Он заключает в себе отца, мать и сына Божия. Произведенный от Бога, рожденный Богом, не отделяясь от Бога, эти три лица, суть боги в боге и, не разделяя единства божественной природы, они все три заключаются в его бесконечном совершенстве. Этот тройной бог имеет все божественные атрибуты – неизмеримость, вечность, свободу, всемогущую волю, беспредельную благодать. Он от вечности развивает свои высшие качества, или, выражаясь языком древних египетских богословов, „он творит свои собственные члены, которые суть боги“. От этого тройного бога происходит новые, низшие и низшие боги, они образуют бесчисленное количество представляющее ряд почти нечувствительно нисходящей от высших ступеней к низшим. Неоплатоническая философия дала свои комментарии египетской религии, но едва ли можно сомневаться, что воззрения жрецов в существенном не расходились с этими комментариями „Бог, говорится в *de mysteriis* приписываемом Ямвлиху, когда он производит и открывает свету скрытую силу спрятайных вещей, называется Амоном. Когда он является духом заключающим в себе все различия, он называется Имготен. Когда он наполняет все существующее силою и истиною – Пта. Когда он является богом добрым и благим, он есть Озирис“. Приведенная нами теогоническая и вместе космогоническая схема принималась во всем Египте. Но различие было в том, что в различных областях единственный

Бог оказывался различным. В Гелиополисе это был Тум или Атум, в Абидосе – Озирис, в Фивах – Амон в Ман – Нофри-Пта. Только бога своего нома египтянин называл „нутер“ божество (происхождение слова неизвестно), но он не игнорировал и не отрицал и других богов, он даже принимал их в свои храмы, только ставил их ниже своего бога.

Однако неоплатоническая концепция, утверждающая тожество различных богов, не могла быть чуждою размышляющему жрецу. Главное божество связывалось у египтян преимущественно с солнцем, склонность к дроблению явлений создало множество солнечных божеств: солнце ночное (Тум, Озирис), солнце при восходе и заходе (Гор двух горизонтов), солнце, на меридиане (Ра, Гор, Анхур), солнце рождающее и производящее (Кофри), но стремление мысли к объединению и обобщению утверждало, что все это одно и то же. И вот, египтяне, как мы видели, сливают свои божества, все равно как сливаются в одно отдельные моменты существования. Рядом с этим сиянием в египетской религии стоит объединение божеств, которое соединяет богов генеалогической связью и вместе с тем подсказывает метафизическую мысль об их тожестве. В приведенной схеме единое божество дробится на отца, мать и сына. Эта группировка в триады, где с одной стороны выступает человекообразное представление божества, как главы семьи, и с другой метафизическая мысль о тожестве различных божественных проявлений была общей всему Египту, но как в каждом номе был свой главный бог, так в каждом номе была своя божественная триада. Триады богов поставлялись в генетическую связь между собою, как последовательные эманации, причем положение той или другой триады в той системе стояло в прямом пропорциональном отношении с политической и административной важностью города, который ее почитал. Исключение представляли лишь те города, которые, утратив политическое значение, не потеряли своего религиозного авторитета, В Фивах высшую триаду представляли Амон-Ра, Муть и Консу. Женское божество в триаде представляет собою пассивное начало. Диодор Сицилийский говорит, что по мнению египтян отец есть единственный создатель дитяти, мать же дает ему только пищу и обитание. Такая же роль женскому принципу отводится, невидимому, и в теогонии. Нужно заметить, что в некоторых округах высшими божествами были не боги, а богини (Ратор в Дендерах. Нейт – в Сайсе, Нехаб – в Элькабе), но в теоретических системах женским божествам всегда отводилась очень скромная роль. Сын был тожественным с отцом (отсюда формула о сыне: супруг своей матери), но мать являлась только, бессодержательным связующим звеном между

отцом и сыном. Мемфисская триада состояла из Пта, Секхег и Ра. В Гермонтисе триаду составляли Монт, его жена-богиня Ратаул и Гор-па-ра (Гор солнца). В некоторых группах триады представляли собою не семью, а три мужеских элемента; таковы Ра, Пта и Апис или Амон-Ра, Ра и Севек. Тройственные божества соединялись в новые триады и образовывали эннеады (паут-нутер), последние в свою очередь удваивались и утраивались так, что уже в глубокой древности встречаются такие сложные божества, которые состоят из двадцати семи отдельных богов, действовавших в деле творения и управления миром, как одно лицо. Иногда эннеады получались иным путем. Так в Гелиополисе ставили во главе Атум-Ра, к нему присоединяли Шу, Себа, Озириса и Сета с их женскими половинами и получали эннеаду. Здесь эннеада образовывалась не из триады. Затем в Гелиополисе признавали еще существование двух второстепенных эннеад, во главе одной стоял Ра, соединявшаяся с ним огдоада плохо известна, во главе другой стоял Анубис, к которому присоединялись четыре похоронные гения – сыновья Гора с их женскими половинами. В Гермаполисе во главе эннеады поставлялся Тот, своим голосом создавшей четырех богов, которые потом удваивались. Эта эннеада изображалась в виде восьми обезьянь (бабуинов), у которых председательствовала девятая обезьяна (высший бабуин). Иногда эннеады получались искусственно. На рисунках на одних тронах сажали по одному, на других по два различных бога, но в счете эти два шли за одного, понятно, что в такой эннеаде может заключаться от девяти до восемнадцати богов.

Представления происхождения мира от богов были двойственны. По одним один какой-либо производил все существующее. Хнум производил все из созданного им яйца; Пта устраивал мир, как созидают художники свои создания, Тот создал мир словом, но жреческая мысль требовавшая системы сводила теогонию, космогонию и даже историю в один процесс эманации. Из Нуна выходит Тум, из него Шу и Тефнет, из них Себ и Нут, от этих Озирис, Изиды, Сет и Нефтис. Тум тоже, что и Ра, – творец мира, он вместе с тем и первый владыка Египта. Он долго правил Нильской долиной. Его провела Изиды. Затем люди стали нечестивыми и начали возмущаться против него. Он наказал истреблением провинившихся людей. Их кровь смягчила его гнев, и он поклялся вперед щадить род человеческий. Но он не остался на земле. Утомленный и устаревший он удалился на небо (эта повесть носит имя египетского сказания о потопе, она прочитана Эдуардом Навилем на гробнице Сети), передав над землею власть Шу. Так людьми правили поколения богов. После смерти Озириса и

потом борьбы Гора с Сетом произошло разделение Египта, затем царствовал Тот, а потом уже начинается человеческая династия царей с Менеса.

Египетские жрецы в своих толкованиях и в своей истории богов и мира не могли согласить противоречивых элементов египетской религии. Усилия современных ученых направляются не на то, чтобы представить египетскую религию в виде стройной системы, а на то, чтобы понять ее происхождение и смысл. Существуют серьезные разногласия по вопросу об этом понимании, но кажется, что некоторые из существующих точек зрения на египетскую религию отживают свой век, на оборот некоторые предположения находят для себя с каждым днем все новые подтверждения. Важнейшие из существующих взглядов можно подразделить на шесть типов: 1) монотеистическое истолкование египетской религии, 2) натуралистическое, 3) эвгемеристическое, 4) шеллингианское, 5) дебрессовское (фетишистическое), 6) истолкование из различных начал. Доселе имеются последователи считающие египетскую религию в существе монотеистическою (Пиэрэ-хранитель египетских древностей в музеях Лувра, Ленорман). Согласно их воззрениям, египтяне, умножая по произволу имена и формы Бога, не умножали Бога. „Различные боги, являющиеся на монументах, полагают они, суть только символы. Самая их форма показывает, что они не представляют собою реальных существ. Бог, представляемый с птичьей головою или головою четвероногого или же с человеческою головою, называемый сфинксом, никогда не мог быть реальным существом. Все это только иероглифизм. Различные лица Божественного пантеона представляют божественные роли, функции высшего бога, бога единого и скрытого, который скрывает под каждую из своих форм свое тождество и полноту своих атрибутов“. Само собою понятно, что такой глубокий символизм не мог быть доступен не только пониманию простого народа, но и всех тех, которые не погружались специально в богословские спекуляции. Поэтому самим защитникам монотеистической теории приходится говорить о существовании в Египте эсotericической религии, о монотеизме, как вере жрецов. Но все эти предположения ничем не подтверждаются и имеют очень много против себя. Если монотеизм может допускать символическое олицетворение отдельных атрибутов и сил божества, то во всяком случае он не может мыслить противоборство этих атрибутов и сил. Борьба Озириса, Сета и Гора, как может быть понята при предположении, что они все – одно. Скажут, что Гор-солнце живящее и согревающее, а Сет-солнце изучающее. Что один и тот же предмет может производить

добро и зло, это – так, но божество с монотеистической точки зрения может быть только благим и производить бедствия лишь в наказание за грехи или с воспитательными целями. Как понять историю истребления людей богом Ра, где боги действуют не вполне солидарно с монотеистической точки зрения. Если бы даже у египтян был монотеизм, то при таком символизме и аллегоризме, в которые он оказывается заключенным, он у древнего человека с богатым воображением и с нерегулируемой строгой логикой мышлением непременно должен был бы разрешиться в политеизм. Некоторые говорят, что у египтян был географический монотеизм. Каждый ном почитал своего бога, как единственного. Но если не было монотеизма во всем Египте, то понятно, что его не могло быть и в частях, из которых он был составлен. Пытались верования египтян характеризовать словом генотеизм. Термин этот введен в науку М. Мюллером. Он разумел под ним поклонение первобытного человека бесконечному под различными формами, но как единому бесконечному. Индусы, египтяне, ассиро-вавилоняне, говорил он, к какому бы богу не обращались, обращаются к нему так, как будто-бы он был единственным верховным. Но этот термин должно быть умрет вместе с сошедшим в могилу санскритологом. Этот генотеизм если он действительно есть, то он или монотеизм или пантеизм. Но его никак нельзя назвать монотеизмом, потому, что у тех древних народов, в которых М. Мюллер хочет видеть генотеистов, с бесспорно ясною выступает сознание, что надо угождать различным богам, и что угодить Озирису вовсе еще не значит угодить Гапи. Монотеистические выражения гимнов могут, ведь, быть гиперболами. Могут они служить отзвуком и пантеистической тенденции точно также, как эта тенденция смешивала и сливала богов. Эта пантеистическая тенденция, бесспорно, есть в египетской религии но ею не могут быть объяснены те конкретные формы, в которых пред нами является эта религия. – Другое толкование египетской религии натуралистическое. Говорят, что объяснение характера и свойств всех богов и всех миров должно искать в явлениях на небе и на земле. К этой точки зрения в некоторой мере примыкает и Масперо своею классификацией египетских божеств. Он разделяет их на три группы: боги мертвых – Сокари, Озирис, Изиды, может быть Гор младший, Анупис, Нефтис; Боги стихий – Себ, Нут, Ну, Гапи и вероятно Сет-Тифон, Пта и др., боги солнца – Ра, Шу, Амон и т. д. Масперо не держится строго натуралистической теории, но для некоторых все то, что говорится о богах стихий, есть только олицетворение метеорологических явлений, и все, что говорится о богах солнца, есть персонификация

движений солнца и его влияния на земную жизнь. Натуралистическая теория широко применяется к арийским религиям, находят возможными истолковывать из нее и религию Египта. Но в применении к последней она совершенно несостоятельна. Классификацию Масперо расширяют: кроме божеств стихий, божеств астральных выделяют еще в особую группу божества Нильские. Но все это разделение совершенно не соответствует египетской теологии: Озирис есть Ночное солнце, божество Нила, бог мертвых. Затем из египетских текстов ясно видно, что египтяне в астральных и стихийных явлениях любили находить символы и подобия человеческой жизни. Луна для них образ человеческой жизни. Несомненно у них был анимизм – за небесными явлениями они предполагали существование духовных причин, но это не может быть названо олицетворением физических явлений; это – индуктивные заключения от явления к его духовной причине. Луна затмилась. Неурочный мрак есть знамение бедствия. Египтянин представлял, что есть какая то темная, злая сила, которая стремится наполнить мир мраком и несчастьем. Затмение есть признак, что эта сила начала побеждать. Многократный опыт, которым констатировалась кратковременность затмений, привел к заключению, что победа зла всегда вызывает упорную оппозицию со стороны добра и что в конце концов торжествует последнее. Затем злые и добрые образы были реализованы в чудовищах мрака и духах света. Но это вовсе не астрономия и не метеорология в мифологических образах, напротив, метеорологические и астрономические явления здесь призываются на помощь для выяснения метафизических и этических истин. – Пытаются египетскую религию истолковать эвгемеристически. Почитание умерших людей создало египетских богов. Амелино полагает, что он этот тезис доказал фактически. Он утверждает, что он нашел в Египте гроб Озириса. Длина гроба 13, 30 м. (около 7½ сажень) и ширина 11, 80 м. (около 5½ сажень) Амелино думает, что нашел гробы и Гора и Сета. История царствования второй божественной династии, к которой принадлежит Озирис, погибший 28 лет, для Амелино превращается в действительную человеческую историю, только освещенную фантастическим светом в представлении древних египтян. Но в действительности фантастично открытие Амелино. Не совсем ясно, что он нашел гроб или часовню Озириса? Затем, гробниц Озириса, по видимому, было много в различных номах Египта. Масперо полагает, что здесь мы имеем дело с смещением какого-нибудь царя первой, второй или третьей династии с Озирисом. Культ Озириса очень древен, и если бы он был действительно царем Абидосским, и его могила с историческими

надписями была на глазах у жителей Абидоса, тогда-хотя бы его и обожествили – его, конечно, там менее всего и во всяком случае медленнее всего могли отождествить с Нилом или солнцем. Да и обожествление людей, вообще говоря – чего не отрицает и Амелино, может существовать только при наличности богов. Людей могут присоединять к богам, но никогда бы из людей не создали богов, если бы ранее не мыслили существования последних. Эвгемеристический элемент есть в египетской религии, но он ясен и не замаскирован, попытка же Амелино из эвгемеристических начал вывести культ Озириса, можно с уверенностью сказать, не встретить себе сочувствия у египтологов. – Есть исследователи, пытающиеся истолковать египетскую религию из принципов, которые позволительно назвать шеллингианскими. Шеллинг полагал, что в теогониях и минах отражается история смены культов и порою смены народов. В России эти принципы приложили Леонтьев к исследованию греческой религии настоящее время Либлейн прилагает их к религии Египта. Особенно подробно он развил приложение их к мифу об Озирисе и Сете. Либлейн безусловно отрицает натуралистический характер этого мифа. Он полагает, что в этом мифе противопоставляются туземные египетские боги Озирис и Гора и семитические боги – Сет. Их борьба есть борьба египтян и семитов. Либлейн представляет дело следующим образом. Менес первый из египетских царей попытался соединить Египет. Он двинулся с юга на север. Его главным божеством был Озирис (Фивы-Абидос), на пути к северу его культ пришел в соприкосновение с культом бога Гора в Гелиополисе. Дружественные отношения соединили этих богов. Но на севере и востоке Египта с глубокой древности жили семиты. С ними египтяне и их божества пришли во враждебное соприкосновение. По видимому сначала побеждали семиты. Их бог Сет порастил Озириса. Но затем восторжествовали египтяне. Борьба прошла через несколько фазисов. Иногда Сет и Гор почитались совместно (на памятниках четвертой династии), иногда почитание Сета как бы усиливалось (при гиксах, иногда и впоследствии фараоны получали свое имя от этого бога – Сета), но иногда его имя оказывается стертým и выправленным на монументах. Либлейн полагает, что египетский Сет есть Сет или Сиф евреев. Сет тождественно с Sed (по Гезению), с арабскими Said, Sid, и испанским Sid. Все эти слова обозначают господина. Либлейн пытается найти в Библии указания на почитание такого бога в глубокой древности. Во Второзакон, XXX, 11 говорится о евреях, что они „приносили жертвы бесам (Sedim), а не Богу“. В псалме CV, 37 еще говорится о них: „приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам“ (Sedim). Sed

или Seth, как имя бога быков, встречается на одной аккадийской надписи (по Ленорману и Шрадеру). По Лейеру (в Real-Encyklop. von Herzog) Seth был героем легендарной еврейской поэзии, ему приписывается изобретение еврейского алфавита и изобретение названий звезд. Его сестра Азура была его женою. Так в сыне Адама Либлейн хочет найти бога египтян. Это своеобразное историческое истолкование религиозных фактов находит себе мало сторонников. Историческая схема Либлейна во всем объеме (он пытается обнять ею все фазы религиозного развития в Египте) несомненно несостоятельна. Он совсем не мог справиться с животным культом и вздумал рассматривать его, как позднейшее явление, но этот культ существовал в Египте с самой глубокой древности. Затем никак нельзя принять связи устанавливаемой Либлейном между египетским Сетом и еврейским Сифом. Он крайне произвольно обращает в свою пользу библейские тексты. И в цитируемых им главе Второзакония и псалме поклонение Sedim обличается, как увлечение чужими, языческими культами, но он не приводит этих опровергающих его предложения текстов. Образ Сифа в еврейской легенде по Лейеру сближается скорее с египетским Тотом, чем с Сетом. Нельзя сближать Сета и с простыми бесами – Sedim, он – ведущий бог. Может быть в догадке Либлейна справедлива мысль, что Сет – божество не туземно-египетского происхождения. Сет в египетской религии рассматривался не как демон, не как просто представитель злой силы, в нем видели врага Озириса и врага умерших, которым покровительствует Озирис. Сет считался олицетворением силы, поэтому ему постоянно усвоили название „великий силой“, он был богом войны и считался покровителем воинственных народов Азии. Некоторые воинственные фараоны принимали его имя, таковы из XIX династии Сети I (полное имя – Менма Ра Сети Мер-ен-Пта), Сети II (Усерхепрера Сети Мер-ен-Пта) и из XX династии Сетнахт (– Сет могучий). Но перед смертью эти фараоны благоразумно сменяли имя Сета на имя Озири. Сет не был представителем мрака, вместе с Ра он совершал путешествие по небу и поражал врагов Ра. То обстоятельство, что, начиная с саисской эпохи, Сет все более и более отодвигается в область мрака, приобретает атрибуты бога зла и, наконец, является олицетворением дьявола, кажется, нужно объяснять не тем, что он был богом враждебных и чужих народов, а тем что в эту пору стал очень возвышаться культ Озириса, а Сет считался его непримиримым и злым врагом. Врагу благого и почитаемого бога и стали приписывать одно за другим злые качества, и так образ Сета в конце концов стал образом чистого зла. – Некоторые хотят (отчасти к этому склоняется и Тиле)

корень египетской религии и видеть в фетишизме. Полагают, что древние египтяне смотрели на животных, как на фетиши, и что в некультурных классах этот взгляд сохранился до последнего времени. Фетишизм – религия диких народов Африки, и самый этот термин в первый раз был приложен к ним де Бросси. Эта теория связывает родственную связью египтян с некультурными народами Африки. Что некультурная Африка влияла на верования египтян, все равно как суеверия инородцев прокрадываются в верования живущих среди них русских, это несомненно. Подобного происхождения, полагают, был бог Бес. Из Сомали египтянам доставляли принадлежности парфюмерии. Бес, оказывается, имел к ним близкое отношение, и его безобразную фигуру часто встречают на туалетных принадлежностях. Весьма вероятно, что он пришел в Египет из Сомали вместе с ладаном. Но во всяком случае некультурная раса не могла дать культурной фетишестической религии. Как ни был развит культ животных в Египте, он однако в богословской системе имел подчиненное, второстепенное значение. Никто до сих пор не мог связать логическою и генеалогическою связью культ животных и теологию в Египте. Излагаемый нами взгляд пытается вывести вторую из первого, некоторые (отчасти и Либлейн) выводят первый из второй. Но это не логические и фактические выводы, а не мотивированные догадки. Гоммель в животном культе видит символику и, как всю египетскую культуру, хочет вывести ее из Вавилона. Бык, по его взгляду, прежде всего чувственный образ Мардука, затем Ра-Озириса. Баран – чувственный образ бога. Еа, как и Хнума. Орел, тоже самое ястреб, есть чувственный образ Ниндар и вместе младшего Гора, Корова чувственный образ Истар и вместе Изиды. Шакал чувственный образ Нергал и различных богов родственных Сету, Но дело в том, что животная символика богов легко объясняется и без теории заимствования. В Индии тоже некоторые боги изображались в образе животных (наприм. Ганеса с головою слона). И Египет независимо от Ассири-Вавилонии мог прийти к такой символике. Независимость в данном случае подтверждается тем, что образы несходны. Скорее можно опустить, что для этой символики египтяне, и ассирияне удержали основные воззрения от общего пранарода, но потом разработали эту символику совершенно самостоятельно и независимо одни от других. Во всяком случае в ассири-вавилонской религии, если и была животная символика сходная несколько с египетской, то безусловно не было культа животных.

Не скоро египетская религия найдет для себя правдоподобное научное истолкование. Может быть причина этого та, что она слагалась под

разнообразными и противоположными влияниями. Никакая религия не представляет собою развитие одного принципа, но обыкновенно они представляют развитие начал, из каковых всех может исходить один человек. Единство и множественность в религиозных представлениях, когда то говорится о боге, как едином и единственном, то представляется существование сонма богов и легионов духов, то высказываются благородные правила возвышенной морали, то предлагается легчайшие и грубейшие способы для умиловления божества, все это понятно, потому, что все это объясняется ограниченностью и противоречивостью свойств человеческой природы. Человек понимает что богу нужно служить добрыми делами и отсюда добрые правила, но оказывается, что осуществлять эти правила очень трудно, и тогда путем самообмана человек находит возможным заменить эти правила другими, он находит возможным принести богу вместо доброго поведения доброго барана, а иногда и прямо труп своего врага, который не почитает бога под тем именем, под которыми почитает его он. Такие противоречивые моральные требования, как и противоречивые религиозные представления понятны. Мысль о единстве существующего, являющаяся одним из логических принципов человека, приводила египтянина к признанию единого „Нутер“ склонность за каждым физическим явлением и особенно за каждой группой явлений предполагать психическую, вообще духовную причину, заставляла создавать божества Нила, плодородной почвы, пустыни; противоположные свойства физических явлений (то благодетельных, то злых) заставляло дробить божества на противоположные классы. Все это понятно. Но в египетской религии есть некоторые стороны и детали, которые нельзя представить прямо, как создание указанных свойств человеческого духа, они являются как бы не мотивированными произведениями фантазии. Таковы некоторые божества – может быть иноземного происхождения. Таков культ животных. Справедливо говорят некоторые египтологи, что при современном состоянии знания его невозможно объяснить. Допустим даже, что кто-нибудь выскажет относительно него справедливую догадку. Они не будут иметь возможности по недостатку данных доказать её справедливость. История естествознания знает, как в прошедшем высказывались блестящие и гениальные догадки о причинах и связи явлений в неорганическом и органическом мире, но эти догадки оставались без внимания и забывались на столетия, потому, что не имелось подтверждающих их опыта и наблюдения. Так теперь обстоит дело со многими вопросами религиозного знания и между прочим и с вопросами о религии Египта.

Культ животных имел несколько форм почитания. Почитались виды животных и почитались животные индивидуумы. По отношению к видам почитание имело более отрицательный характер: не должно было делать им зла. Может быть эти виды рассматривались, как специальное создание того или другого бога, особенно любимое этим богом, которое поэтому не должно обижать чтобы не оскорбить бога. Так, крокодил мог поставляться в зависимость по происхождению от бога Севека, и тот, кто заискивал у этого бога, считал себя обязанным подслужиться и его страшному протее. Но Диодор Сицилийский передает рассказ, что будто бы некогда один древний египетский царь был спасен крокодилом, который перевез его на своей спине через озеро Мери. Это нечто аналогичное и столь же невероятное, как дельфин Ориона.

Однако должно сознаться, что подобного рода легенда легко может привести к мысли о почитании известного класса животных. Сказание о том, что капитолийские гуси спасли Рим, имело своим следствием то, что в капитолии почитались священные гуси Юноны. Диодор приводит еще такое объяснение культа животных. „Обитатели Египта некогда были часто побеждаемы соседними народами вследствие того, что они были несведущи в военном искусстве. У них явилась мысль завести себе в сражениях знаки, по которым они могли бы узнавать принадлежность к тому или другому союзу. Эти знаки суть те животные, которых они почитают теперь и изображения которых вожди носили на остриях своих пик. Как эти знаки много содействовали победе, они рассматривали их, как причину их спасения. Признательность установила сначала обычай не убивать никакое животное представленное на этих изображениях, и этот обычай потом становится божественным культом“. Некоторые исследователи (Рейнах, Пфлейдерер) видят в египетской религии тотемизм, хотя наоборот другие (Ланге) безусловно отрицают следы тотемизма у египтян. Тотем есть название класса животных, иногда растений, чрезвычайно редко неорганических предметов, которые известным племенем или классом считаются требующими почитания. Тотем это – существо известного вида, на попытки вредить которым положено табу т. е. запрещение. Говорят, что часто тотемизм, т. е. почитание тотем связано с идеею происхождения почитающего племени от почитаемых тотем. Почитание змеи связано с идеею происхождения племени от змеи. Леббок и Спенсер дали более, чем наивное объяснение этому сомнительному верованию. Человек, какой либо воин, вождь называется по имени животного, его потомки, говорят эти мыслители, легко приходят к мысли, что они произошли от этого животного. Но что

легко для Леббока и Спенсера, то вовсе нелегко хотя бы и для диких, но здравомыслящих людей. Прежде всего для того, чтобы назвать человека именем животного, нужны мотивы, а потом для того, чтобы произвести людей от животных, нужна легенда, и нужен материал для образования этой легенды. На знаменах фараонов Египта фигурировал ястреб, многие божества Египта изображались с головою ястреба, но никогда фараоны не вели своей родословной от этой хищной птицы.

Трудно объяснить почитание классов животных. Может быть и то обстоятельство, что известное животное служило символом какого либо божества полагало табу на этот класс животных и делало их тотемом. Почитание отдельных особей, думается, объяснить легче. Вот как выбирали и чтили крокодилов в Фивах и Шаду. Жрецы, „выбрав самого красивого крокодила, кормили его и приучали есть из рук, они вдевали ему в уши золотые и эмалированные серьги и надевали браслеты на передни лапы“. (Геродот 11,LXIX). „Наш хозяин, взяв с собою пироги, жареную рыбу и питье приготовленное из меду, отправился вместе с нами к озеру. Животное лежало на берегу; жрецы подошли к нему, двое из них разинули ему пасть, а третий сунул в нее сначала пироги, потом жаркое и затем влил питье, после чего крокодил погрузился в воду и вышел опять на том берегу. Когда вслед затем другой иностранец явился с такими же приношениями, жрецы обошли озеро и, подойдя к крокодилу, таким же путем всунули ему яства“ (Страбон, кн. XVII гл. I). Позволительно думать, что такой крокодил рассматривался просто на просто, как живой идол бога. Приобрести такого идола было легче, чем сделать искусственный, но за то, служить ему было труднее, чем истукану. Сделав животное своим идолом, жрецы представляли тоже, что всегда предполагалось по отношению к идолам, что божество избранное существо сделает вместилищем своей особенной силы, чрез него будет давать предзнаменования и указания, и вместе это избранное существо будет связью утвержденною между богом и людьми, средою, чрез которую первый будет вступать в общение со вторыми и чрез которую вторые найдут легчайший и ближайший доступ к первому. Почитание богов под животными формами несомненно стоит в связи с культом животных. Может быть некоторые особенные свойства животных – свойства касавшиеся магическими и божественными – побуждали почитать животных и вместе с тем представлять в их образе богов, чтобы указать, что этим богам в высочайшей степени присущи силы и свойства этих животных, говорят, скарабей почитался потому, что его лапки имели 30 суставчиков т. е. столько же, сколько дней имеет месяц. Это сближало

скарабея с божеством времени и вместе для божества подсказывало форму скарабея. Робертсон Смит изображение богов в виде животных выводит из обычая покрывать статуи богов шкурами священных животных. Так статую фивского бога покрывали шкурою священного козла. Сначала такую шкуру набрасывал на себя жрец, но потом ее стали налагать на божество. Текст Геродота позволяет допустить, что существовал переходный период, когда шкура животного набрасывалась не на жреца, но на изображение какого-либо присутствующего божества. Но эта гипотеза не решает вопроса, потому что вопрос прежде всего заключается в том – почему то или другое животное или его шкура ассоциировались с тем или иным божеством?

Египетская религия сложнее других религий. Она одна включает в себе то, что содержится во многих различных религиях. Отсюда, если бы она была изучена и выяснена, то она могла бы послужить руководительным ключом к пониманию многих религиозных форм в различных странах и в различные времена. Но хотя она изучается уже давно и изучается тщательно, многое в ней не освещено доселе. В представлении современных ученых она подобна египетским храмам с их сумрачными святилищами и с их строго и грубо определенными внешними контурами. Некоторые внешние формы ее изучены тщательно, но её внутренняя сущность, оживотворявший ее дух доселе скрываются от взоров исследователя. Но одна сторона уже давно выяснена и представлена с полною ясностью в египетском вероучении. Это – учение о загробной судьбе человека.

5.

В явлениях природы в движении солнца, в фазах луны египтяне видели символы человеческой жизни, но солнце заходит на западе для того, чтобы взойти на востоке, луна постепенно угасает после полнолуния для того, чтобы, исчезнув совсем, родиться и расти вновь. Так египтяне думали и о человеке. Он умирает и нисходит в гроб для того, чтобы восстать. Смерть, это – дверь, через которую он входит в новый мир и начинает новую жизнь в стороне или в лоне блестящего светила. Существует в египетской религии несколько форм учения о бессмертии. Их нельзя согласить между собою по букве, но в существе они не различаются между собою. На египетских памятниках душа человеческая и даже душа богов изображаются иногда в виде ястреба или иной птицы. Часто души изображаются в виде коротеньких птиц с человеческими головами. Таковы наприм. изображения душ Озириса и Гора, предстоящих

пред солнечным диском. Есть подобное изображение Сутимозу, который держит в своих руках свою душу, только у души нет рук. Иногда на саркофагах душа, представленная в виде ястреба с человеческой головой, держит в своих ястребиных когтях два кольца вечности. А над душою, как эмблема новой жизни ожидающей умершего, изображается восходящее солнце, останавливаемое в своем течении богинями Изидой и Небт-гат. Круговорот движения солнца, символизированный птицею Венну (греческим фениксом), был символом цикла человеческой жизни. Таинственная птица должна была сопровождать человека в его странствованиях в подземном мире. После подземных странствований умерший воскресал, душа должна была войти в тело, чтобы сообщить ему движение и жизнь. Когда умерший, говорит египетская теология, окончательно достигал лодки солнца, он принимался богом Ра и начинал светить заимствованным от него светом. Таков конец не всех, но блаженных душ по одной из версий египетской эсхатологии.

Общие положения египетской эсхатологии утверждаются на своеобразной антропологической теории. По египетскому учению человек в своем земном существовании состоит из разума – кгу и тела – кгат. Разум направляет человека к Богу, тело привязывает его к матери, участвует в ее слабостях и несовершенствах. В начале частица разума, которая потом становится достоянием человека, бывает покрыта тонким светом, откуда и её название кгу – светящаяся. В таком виде она бывает способна пробегать миры, действовать на элементы, управлять ими. Но вступая в темницу тела при зачатии или рождении человека, она лишается своего светоносного покрова и заключается в менее совершенное вещество, хотя еще божественное. Это вещество есть душа, она принимает в себя разум и покрывает его покровом ослабляющим его блеск. Но слишком чистая для того, чтобы непосредственно соединиться с материей, душа для передачи своих решений и выполнения своей воли употребляет еще низшего агента, который есть дух или дыхание – нифу. Только этот деятель – нифу, вследствие своей несовершенной природы, может вступать в тело, не губя его и не причиняя ему ран, между тем как непосредственное соприкосновение разума или души с телом несет последнему неминуемую гибель. Дух проникает во все существо тела. Душа не прямо заключается в тело, предварительно она облекается особою тонкою и воздухоподобною оболочкою, которая имеет форму и образ тела материального, она увеличивается и развивается вместе с ростом тела; у дитяти оно имеет вид дитяти, у женщины – вид женщины, у мужчины – образ мужчины. Эта оболочка носит имя „ка“. Она представляет собою как

бы двойника человека, такого двойника имеют и боги. Полагают, что это слово означает тень или тонкое вещество (тоже, что Εἶδωλον греков). Совокупность всех этих частей – разум и душа с их оболочками, дух и тело – образуют всего человека и в течении земной жизни последнего связаны не разрывною связью. Душа, дух и тело общи человеку и животным, но разума нет у животных и потому они живут слепую жизнью. Животные бывают добрыми и злыми по инстинкту или по случаю, а не вследствие определенных принципов, их душа всецело погруженная в материю, не видит ничего над нею. Человек имеет разум – жгу, открывающий ему правые пути и учащий различать доброе от злого. Разум, входя в душу человека, стремится освободить ее от тирании тела и поднять до себя. Но будучи лишен своего светоносного покрова, разум, недостаточно силен для того, чтобы обратить в ничто страсти и грубые желания внушаемые нам плотью. Тяготеющее к земле и имеющее земные влечения, тело противоборствует разуму, оно возбуждает дурные инстинкты и страсти. Между разумом и телом завязывается борьба и ведется у различных людей с различным успехом и исходом, часто разум вследствие того, что душа всецело подпадает низменным влечениям плоти, удаляется с поля битвы, чтобы никогда не возвращаться. Тогда человек, лишенный божественной искры, ниспускается до скота. Часто также при терпении и мужестве человека разум торжествует, на место побежденных страстей становятся добродетели, которые постепенно укрепляются и увеличиваются: душа, отрешившаяся от земных связей, направляется к добру и к вечному свету, не смотря на затемняющий её зрение материальный покров. При наступлении смерти дух проникавший все тело и одушевлявший его, оставляет тело и вступает в душу, тогда кровь свертывается, вены и артерии пустеют; тело, если его оставляют предоставленным самому себе, быстро разлагается на бесформенные элементы. Воспрепятствовать этому может только бальзамирование. Освободившийся разум принимает свою светоносную оболочку и становится демоном, который также носить имя кгу. Душа, таким образом, одновременно лишается разума, направлявшего ее к добру, и тела, увлекавшего ее в область зла. Она остается только облеченная своим двойником ка. Изображения душ богов и людей на памятниках и относятся к этому состоянию души. Такова египетская психология, являющаяся базисом богословского учения о конечной судьбе человека. В изложенном виде она есть продукт уже поздней эпохи египетского царства, но в своих основаниях она существовала с глубокой древности, хотя её положения и формулировались не в приведенных терминах, а в образах и сравнениях.

Но если египетская антропология изначально признала двойственность человеческого существа и установила, что после смерти тела двойника человека ожидает жизнь в новых условиях, то египетская эсхатология в различные эпохи различно представляла эту новую жизнь. Указывают три различные фазы в египетском учении о загробной жизни. В древнейшее время место, где душа могла бы обрести счастливую жизнь, указывали над землею, в областях неба. Как добраться до этих областей? Не рассчитывая на силу крыльев души, благочестивые родственники умершего ставили в гроб лестницу, по которой душа могла бы взобраться из нижнего в верхний этаж мира. В одних текстах говорится, что эта лестница устанавливается на западном берегу земли, в других, что умерший сам должен ее поднять и в третьих что она поднимется специально для умершего по молитвам его родственников. „После того как царь Тети омылся на этом самом берегу, где омовается Ра, он, молясь, поставил лестницу, и обитатели великого жилища (обитатели неба – боги или умершие) протянули ему руку, чтобы помочь войти“. Эта лестница посвящалась Гатор, называлась дочерью Аменти (Аменти – область подземного мира, иногда богиня), даром Тота. Она принадлежала равно Себу, Гору, Сету, Ра, эти боги поднимали ее и поддерживали восходящих своими руками, чтобы человек беспрепятственно мог подняться на небо. По оставление лестницы он достигал озера алтаря, где демон Ниу давал ему свободный пропуск, потом, приобретя благоволение быка Ра с четырьмя рогами, он вступал в поле жертв, где и жил в мире, благодаря приношениям, которые его друзья по своему расположению давали богам. Позднее хотя лестницы и не перестали совсем ставить в гроба, однако представление о восхождении по ней заменилось идеею прохождения души умершего по горным цепям. Эта новая идея тесно связана с образовавшимися тогда космологическими представлениями египтян. Египтяне представляли себе мир в виде огромного ящика дно которого было образовано нашею землею с её континентами, горами и морями. Вместо вертикальных стен мир окружен горами, которые поддерживают небесный свод – плоский по мнению одних, выпуклый по мнению других. Этот свод есть наша твердь или наше звездное небо. Четыре пилон или четыре столба поддерживают эту кровлю мира и препятствуют ей сокрушить землю. Эти столбы находятся в точках севера, востока, юга и запада. Ящик мира не прямоуголен, а имеет приблизительно форму продолговатого эллипсиса. Его большая ось (в сущности Нил) идет с юга на север, малая с востока на запад. Представляя себе землю как распростершегося Себа, а небо, как поднимающуюся над ним Нут,

египтяне голову Себа предполагали на юге, где были источники Нила и где находилась резиденция бога творца Хнума. Поэтому египтяне ориентировались обращаясь к югу: западный берег Нила был для них правым, восточный – левым. Они делили мир на три области: землю, небо и дуат. Земля представлялась плоскою или несколько вогнутою в центра. На низшей части неба находились звезды, угасавшие или становившиеся невидимыми днем и светившие ночью, в высшей части находился мир подобный нашему, на котором жили боги. Дуат полагали находящимся и под землю и над землю, но справедливее по видимому мнение Масперо, помещающего его на севере. По представлении египтян, аналогичному представлениям других древних народов, солнце в течение двенадцати часов ночи проходило за горами севера, которые не пропускали его свет на землю. Солнце двигалось в барке по океану облегающему землю. Дуат, это – нечто в роде водяного туннеля прорытого в горах севера. В его области жили тени умерших. Умершие отправлялись пешком или на лодке из определенного тракта, где открывался в горах вход в другую землю. По легенде Озириса этот пункт находился к западу от Абидоса на продолжении ущелья в ливийской цепи и в котором, когда находилось солнце, то оно как бы помрачалось. Проход отверстия вел в территорию отверстия, область первого часа ночи, и умершие устремлялись туда толпою из всех областей Египта для того, чтобы выйти из нашего мира. В книге мертвых (117 глава) есть изображение дороги ведущей к двери коридоров. Тени с палками путешественников в руках ставят свои ноги на поверхность горы и начинают восхождение. Дверь открывается перед ними не без трудности. Только при благодетельном содействии многих богов душа переступает порог нового мира. Не радости сначала ожидают ее здесь. Она подвергается здесь страданиям, голоду, несчастным случайностям, смерти, как и живой человек, остатком которая она является. Но живой человек во многом преимуществует перед нею, он может бороться с опасностями и препобеждать их, благодаря своей энергии, оружию, и имеющимся у него съестным припасам, одежде, талисманам. Но умерший ничего не может делать и ничего не имеет сам по себе. Всем тем, что у него есть, он обязан или благочестию своих друзей и родственников или своей предусмотрительности, благодаря которой он во время жизни приобрел то достояние, которое нужно по смерти. Как и сам умерший является в загробный мир в уменьшенном и выродившемся виде, так и этот мир менее богат и менее гостеприимен, чем земной. „Запад есть страна глухого сна и мрака – область, где пребывают находящееся там. Спя в форме мумий, они не просыпаются,

чтобы видеть своих братьев, они не замечают ни своих отцов, ни матерей. Их сердце забывает о их женах и их детях. Вода живая, которая есть у земли для находящихся на земле, эта вода гнилая со мною, она течет к кому-нибудь на земле и она гнилая для меня, вода, которая около меня“ Аменти была областью густого мрака. Солнце, проходившее по этой области в течение двенадцати часов, было зеленоватым без пыла и блеска. Вода там была теплая или гнилая и зловонная, атмосфера, плотная, давящая и бурная. Всюду там были ядовитые змеи, вредные животные, гении с ужасными формами, питавшиеся сердцем и кровью умерших и их душами и тенями. Несколько благодетельных оазисов находилось в этой ужасной области – поле жертв, сады Иалю. Задача умерших была попасть в эти блаженные области. Но чем обуславливалось вступление в них? Масперо утверждает что по древней египетской эсхатологии туда могли попадать только цари, богатые или знатные не потому, чтобы природа их признавалась отличною от бедных и рабов, но потому что у последних обыкновенно не было средств, чтобы научить (сакру) и снабдить нужными средствами свою душу в таких полноте и обилии, в каких это могли сделать люди из хороших домов. Прежде чем достигнуть садов Иалю, нужно пройти темные гроты и места пустынные дикими животными, совершить переходы через потоки с кипящей водою или озера загроможденные сетями, пройти аллеи и замки, двери которых охранялись ужасными демонами. Только талисманы могли спасти душу от яда змей, от зубов крокодилов, от петель сетей, от жадных рук злых гениев. Душа должна была владеть большими запасами и чарами. Бедные редко могли знать все необходимы формулы, а блюда и возлияния, которые предлагали за них на земле, были слишком недостаточны. По этому их души уязвлялись змеями, пожирались крокодилами, разрывались гениями или страдали от голода и жажды, питались человеческими экскриментами и уриной – единственная пища, которую они могли находить в своем странствовании – и всеми бедствиями доводились до полного уничтожения. Их постигала вторая смерть, и они обращались в ничто. Богатые или знатные, достигшие полей жертв или садов Иалю, избавлялись от опасности несчастий и смерти. Они вступали в рай. Это был небесный Египет, представлявший чувственную идеализацию земного. Плодородие его было неистощимо. Пшеница имела там семь футов вышины, из них два приходилось на колос. Каналы непрестанно наполнявшиеся водою поддерживали плодородие и свежесть. Умершие проводили там время за едою, питьем и в игре с дамами. Они должны были только обрабатывать поля и снимать жатвы, но от этого они могли

избавляться, представляя вместо себя заместителей. Эти заместители – маленькие фигуры из терракоты или из камня, которые клались в гробы умерших. Озирис, владыка всего, царствовал над ними и для того, чтобы принимать их в свою свиту, требовал только от них знания заклинательных гимнов и обильных жертвенных приношений. Как ни грубо это представление рая, трудно однако согласиться с Масперо, что по мысли египтянина в него вели только магия (заклинания) побеждающая демонов и взятки (жертвы), умиляющая богов. Нравственные сентенции древнего Египта, о которых у нас будет речь далее, убеждают нас, что в ту пору в уме египтян уже ясно была просознана идея нравственного мздовоздаяния, только с нею слишком сплелась вера в силу правильно произнесенных заклинаний и правильно принесенных жертв, вера в магическую силу культовых слов и действий. Однако некоторые аналогии в других религиях позволяют думать, что этот магический элемент мог в некоторой мере быть соглашаем с моральными. Во 1) самые магические знания, т. е. приобретение таинственных сил могли быть подаваемы за добродетель, во 2) жертвы могли оцениваться не сами по себе по рыночному курсу определявшему стоимость их материала, а по отношению к благосостоянию приносившего жертву. Буддийская легенда о маленькой лампаде вдовы, прогоревшей всю ночь у гробницы Будды, между тем как масло в громадных лампадах богачей выгорело в короткое время, общечеловечна. Без сомнения было много людей в Египте, которые путали обрядово-магическую и моральную стороны религии, но гений народа, как это слышится в нравственных сентенциях его лучших представителей, уже понимал силу нравственной правды.

Позднее идея нравственного мздовоздаяния олицетворялась в представлении суда Озириса над умершими. Душа является пред трибуналом, где Озирис–Конт–Амент заседает вместе с 42 судьями, составляющими подземный суд. Маат-богиня истины вводит умершего пред Озириса. Совесть умершего или, как говорили египтяне, его сердце говорит за или против него. Свидетельства его жизни или обвиняют или оправдывают его. Его сердце кладут на одну из чашек весов истины, которыми управляют Гор и Анубис, на другой чашке помещается изображение справедливости, представляющее противовес. Тот отмечает на доске результат этой психостазии или взвешивания души. При суде присутствует зверь в виде гиппопотама, четыре погребальных гения. Умерший должен назвать имена всех 42 судей и произносить род очистительной исповеди. Сообразно с тем легкими или тяжелыми будут найдены деяния души, подземный суд изрекает свой приговор.

Исполнителем этого приговора является разум. Он входит в душу отягощенную непростительными преступлениями, входит вооруженный божественным огнем, напоминает душе о своих наставлениях и советах, которыми она пренебрегала, о своих мольбах, которые были для неё предметом насмешек, бичует её грехи и подвергает ее бурям и вихрям враждебных элементов. Находящаяся между небом и землею, не могущая избавиться от тяготеющих над нею проклятий, осужденная душа ищет человеческого тела для того, чтобы жить в нем, а пока она его не найдет, она подвергается пыткам, претерпевает болезни, терпит убиения и сумасшествие, становится добычею чудовища в образа гиппопотама-самки, которое присутствует при психостазии (великое пожирающее). Душа обезглавливается Гором или Сетом на немме, т. е. на подземном эшафоте. Достигнув по истечении веков окончания своих страданий, она подвергается второй смерти и погружается в небытие. Высшее и окончательное наказание для злых по учению египтян есть их полное уничтожение. Что касается до души оправданной, то она очищенная от грехов огнем, охраняемым четырьмя гениями с лицами обезьянь, вступает в плирому или блаженство, становится товарищем, Озириса Ун-Нофри, становится добрым существом в превосходной степени, питается самыми тонкими кушаньями. Но и оправданный человек, будучи необходимо грешником, не может достигнуть совершенного блаженства, не пройдя ряда испытаний. Его душа, сходя в Кер-ти-Нутри (подземную область Озириса), должна пройти через пятнадцать застав охраняемых гениями вооруженными мечами, она может их пройти, только показывая свои добрые дела и обнаруживая знание вещей божественных. Она проходит неизвестные пространства, поддерживаемая разумом и сопутствуемая твердою надеждою на конечное счастье. Когда её знание возрастет, её силы умножатся, она станет способною принимать формы, какие ей угодно. Но зло будет являться ей под тысячею различнейших образов и будет стараться задержать ее своими угрозами и испытаниями. Душе придется вести ужасные битвы с чудовищами, с фантастическими животными и побеждать их только при помощи сакраментальных формул (изложенных в 11 главах книги мертвых). Одним из таковых чудовищ, стремящихся погубить душу, является истинный демон, великий змей Рефрур или Апап. Другим средством, при помощи которого тень умершего боролась с дьявольскими призраками, является способность ее ассимилировать свои члены с таковыми же членами различных богов и таким образом обожествлять в некоторой мере свою субстанцию. Солнце, олицетворяемое в Озирисе, одушевляя и поддерживая жизнь, является

вместе богом воздаятелем и спасителем. Озирис сопровождает человека в его загробном странствовании, принимая усопшего при его нисхождении в Кер-ти-нутри и ведя его к вечному свету. Первый воскресший из мертвых Озирис в свою очередь воскрешает умерших, помогая им предварительно победить все препятствия. В конце концов умерший представляется вполне соединившимся с Озирисом и начинает называться Озирис такой то. Относительно значения и смысла этой формулы существуют различные предположения. Ланге настаивает, что этими словами означает только то, что умерший стал достоин такого же бессмертия, как и Озирис. Но трудно согласиться с этим утверждением Ланге. Если бы каждый оправданный умерший становился тем же, чем и Озирис, то Озирис в глазах египтян должен был бы стать ничем. На самом деле культ Озириса стоял наиболее высоко, когда исповедывалась приведенная формула. Уже эта высота почитания Озириса исключала возможность, чтобы кого-нибудь из обыкновенных смертных решались ставить с ним рядом. Да и в самых подробностях учения о загробном существовании души есть указание, как вернее представлять дело. Оправданная душа приобретает способность отождествлять свои члены с такими же членами различных богов. Отсюда позволительно думать, что и при наименовании усопшего Озирисом дело идет об отождествлении. Такое представление, не унижая бога, возвышает человека. Усопший сливает свою личность с личностью Озириса, пантеистически погружается в его божественную сущность. В других вариантах блаженство оправданной души представляется заключающимся в том, что она вступает в лодку Ра. Все её загробные странствования и мучения – это её переход от места смерти к священной лодке солнечного бога. Там на этой лодке душа соединяется с Ра, и здесь опять мы встречаемся с пантеистической идеей слияния.

Рядом с надеждою на блаженное существование в лоне Озириса или Ра в Египте существовало и пессимистическое представление удела мертвецов. Документы, подтверждающее это, довольно позднего происхождения (эпохи птолмеев), но они чисто египетского характера и, принимая во внимание аналогии в других религиях, где пессимистические тени всегда стоят рядом с самыми светлыми упованиями (даже у Гомера и Гезиода), позволительно думать, что они представляют собою не наносное и случайное явление, а отзвук идущий от времен прошедших разочарованного настроения некоторого элемента египетского общества. „О, мой друг, мой брат, мой муж, говорит погребальная надпись на памятнике от имени покоящейся под ним женщины, ешь, пей, опоражнивай кубок жизни, люби и праздноуй праздники. Пусть всегда

будут исполняться твои желания, и скорбь никогда не войдет в твое сердце, пока ты на земле. Ибо Амент есть страна глухого сна и мрака, жилище скорби для пребывающих в нем. Они спят в своих безтелесных формах, они не пробуждаются, чтобы видеть своих братьев, они не знают более ни отца, ни матери, их сердце не стремится ни к жене, ни к детям. Каждый насыщается водою жизни, лишь я одна испытываю жажду. Вода полезна для живущих на земле; где нахожусь я, там самая вода возбуждает жажду. С тех пор как я вступила в эту область, я не знаю, где я нахожусь. Я плачу о воде, которая падает оттуда сверху. Я скорблю о ветре, который дует на берегу реки и который освежил бы мое скорбное сердце. Здесь живет бог, имя которому совершенная смерть. Он призывает к себе каждого. Все кажутся равными перед ним. Всякий боится обращаться к нему с мольбою, так как он никого не слушает; никто не хвалит его, так как он вовсе не является благодетельным для тех, кто его почитает. Он не взирает ни на какие жертвы, которые ему предлагают“. Эти печальные речи может быть высказывались не многими, но их необходимо отметить, как выражение пессимистического настроения, которое, значит, существовало и в Египте. Египтяне очень заботились о сохранение своих трупов. Об этом свидетельствуют находимые бесчисленные мумии (мумия слово арабское значит – асфальт, оно соответствует древне-египетскому слову – саху). Мумии, это – бальзамированные трупы. Даже бедняки бальзамировали своих покойников, употребляя щелочные и соляные вещества и низший сорт асфальта, который делал мумии черными и безобразными. Эти мумии непрочны и разлагаются при малейшем прикосновении сырости. Но и они свидетельствуют о том, что египтяне считали обязанностью защищать трупы своих близких от разрушения. Какими побуждениями они руководствовались? Невидимому подсказывается мысль, что они как бы верили в будущее воскресение тел и ставили в зависимость это воскресение от сохранения тела. Но должно признаться, что в египетском вероучении отсутствует идея воскресения тел. Приходится обращаться к другим предположениям. У египтян было учение – не согласованное с общеизвестною их богословскою эсхатологию, но по всей вероятности идущее с глубокой древности, о посмертной жизни души на этой земле вблизи тела. Это верование очень распространено у людей стоящих на низшей ступени культуры. Они представляли себе, что двойник усопшего живет около своего тела, может возвращаться в него и нуждается в том, в чем нуждается и тело. Благополучие этого двойника легко связать с мыслью о благополучии его тела. Сухой сохраняющий климат древнего Египта сам содействовал

сохранению трупов, а затем у египтян легко могла явиться мысль об искусственном содействии этому сохранению. Бальзамирование несомненно восходит к первым временам Египта. Самая древняя мумия принадлежит Сокаремсафу, сыну Пепи I, царя VI династии (найдена в 1881 г. хранится в музее Гизэ), но имеются и более древние мумии, только они рассыпаются при первом прикосновении воздуха. Заботясь о двойнике, египтяне клали в гробовое помещение яства и питья, нужные предметы, изображали их на стенах гробниц и по видимому впоследствии пришли к мысли, что символические изображения совершенно могут заменять для покойников действительные предметы. Это примитивное представление посмертной жизни было вытеснено более сложным и осмысленным представлением о жизни души в ином мире, но мысль о посмертной связи души с телом и о зависимости благополучия первой от сохранения второго осталась. Однако на первом плане у египтян всегда была мысль, что загробное благополучие зависит от земного поведения. Об этом говорят текст пирамид, в этом наставляет книга мертвых. Вообще отмечают, что мораль пирамидных текстов грубее и дышит большею узкостью, чем мораль книги мертвых. Кроме этих источников для суждения о морали египтян есть у них еще светские произведения. Таковы например изречения Птаготепы, Хонсуготепа (полагают: Хонсуготепа к Ани, но Амелино читает наоборот: Ани к Хонсуготепа), наставления Аменготепы 1-го, наставления Дауфа. И здесь мораль древней эпохи оказывается ниже нравственных правил последующего времени. Этика Птаготепы утилитарна и груба, от тенденций Хонсуготепа, хотя еще и веет утилитаризмом, но его рассуждения о богопочитании и семье отличаются нравственно возвышенным характером. Практически грубость и страшные преступления не исчезали из Египта за все время его существования, но теоретически несомненно, египтяне чувствовали правду добра с древнейшего времени. Надпись на надгробном памятнике одного сановника пятой династии говорит от лица этого сановника следующее. „Познавши вещи, я вышел из этого места (т. е. из мира), где я говорил истину и творил справедливость. Будьте добры ко мне, вы идущие в след за мною, засвидетельствуйте о вашем предке: он делал добро, о если бы и мы могли поступать также. Пусть говорит это идущие вслед за мною. Никогда я не возбуждал скорби, никогда не убивал. О владыка неба, могущественный владыка вселенной, я в мире исполнял мои обязанности, любя своего отца и свою мать, служа всякому, я был радостью своих братьев, любовью своих слуг, в которых я никогда не возбуждал сожалений“. Эпитафия одного областного владельца двенадцатой

династии говорит следующее: „Я служил своему господину, когда он ходил в чужие земли побивать врагов. Я ходил в качестве сына начальника, камергера, генерала от инфантерии и правителя нома Миги. Я ходил против кушей и доходил до конца земли. Я препровождал добычу моего господина, и хвала моя дошла до неба. Когда его величество, разбив врагов презренных кушей, вернулся в мире, я пришел служить ему. Ни один из моих солдат не бежал от меня, когда я сопровождал продукты золотых приисков его святости Узиртизена I всегда и вечно живущего. Я отправился тогда с наследным принцем, сыном царя, Амоки, жизнь, здоровье, сила, я ходил с четырьмястами отборных воинов, я вернулся в мир и ни один из моих воинов не бежал от меня, когда я сопровождал продукты золотых приисков. Все это доставило мне похвалу царей... Я был добрым, приветливым повелителем, был правителем любящим свою страну... Я работал и весь ном был преисполнен деятельности. Я никогда не обидел ребенка, не обращался дурно с вдовой, никогда не оттолкнул землепашца, не препятствовал пастуху. Не было начальника хотя бы над пятью человеками, от которого бы я требовал людей для своих работ. Во все мое время не было голода, не было голодного в моей области даже в годы безкормицы, потому, что я вспахал всю землю нома Миги до самых северных и южных его границ и так распределил областные работы между жителями, что никто не голодал. Я одинаково наделял вдову и замужнюю. Давая, я не предпочитал больших малым. Когда вода в Ниле была высока и владельцы полей и других предметов оживлялись надеждой, я не прегреждал пути воде в каналах орошающих поля“. На памятнике наместника другого округа (Фивского) той же эпохи излагается такая речь „Я был палкою опоры для старца, питанием для дитяти, защитником для слабых, дом мой тепел для всякого, чувствовавшего холод в Фиваиде, я был хлебом для угнетенных защитой от варваров“. Другое важное лицо именно принц Ентеф рассказывает о себе на своем памятнике, что он лишал силы руки надменных, употреблял силу против грубой силы, но что он был человеком единственным, мудрым, обогащенным знаниями, здоровым духом, умеющим отличать мудрого от глупого, отличающим искусных и порицающим невежд. Он был отцом для несчастного, матерью для того, у кого не было матери, страхом для жестокого, покровителем лишенного наследства, защитником того, кто был угнетаем более сильным, чем он сам, он был вместо супруга для вдовы, убежищем для сироты“. В XXX главе книги мертвых сердце человека противопоставляется человеку, оно имеет свою собственную волю, оно может быть довольно и недовольно человеком и если оно довольно, оно не

свидетельствует против человека на суде Озириса. Но сердце это – совесть, и XXX глава книги мертвых представляет загробную участь человека стоящую в зависимости от оправдания его собственной совестью. В CXXXV главе книги мертвых излагаются оправдания души пред сорока двумя судьями Озирисова суда. „Я не злословил, говорит умерший, я не обманывал, я не воровал, я не кривил справедливостью, не предпринимал подлогов и обманов по отношению к людям, я не мучил вдовы, не налагал на управляющего работами более работы, чем он мог понести; я не производил волнений, никого не заставлял плакать, никого не морил голодом, не был ленивым и нерадивым, не упивался, не отдавал несправедливых приказаний, не имел нескромной страсти, не был болтливым, никого не бил и никого не убивал, не приказывал убить предательским образом, никому не внушал страха, никого не поносил, не возводил ложных обвинений, не отнимал молока изо рта питающегося, не производил искусственного выкидыша, не унижал раба пред господином, не причинял зла рабу, выдвигая над ним свое превосходство“. Даже и в наставительных произведениях светского характера на ряду с правилами житейской мудрости высказывается иногда не мало светлых правил, бичуются пороки, рекомендуются добродетели. Так в трактате Хонсуготепа излагаются добрые правила о домашних обязанностях, о религии, предписывается изучение древних книг, деятельность, запрещается пьянство, обжорство, расточительность, роскошь, внушается страх к порокам, скромность, порицаются злословие, болтливость, предписывается великодушие, забота о добром воспитании, уважение к старости, мужество, порицается мотовство, говорится о дружбе, о непостоянстве вещей, об общественных отношениях. Замечательны нравственные правила, излагаемые в одном Луврском папирусе демотического письма прочитаном Пиэрэ. Демотическое письмо представляет собою упрощение гератического, которое в свою очередь есть упрощение иероглифического. Иероглифы, это чрезвычайно сложные знаки для обозначения звуков (напр., изображения различных птиц для обозначения а, у, м.), слотов и понятий, гератическое письмо, это – закругление и упрощение иероглифических знаков, демотическое – дальнейшая степень упрощения, введение лигатур, т. е. слитного писания. Иератические и демотические письма явились после иероглифических, но долго они существовали совместно, причем иероглифы употреблялись для целей религиозных, для важных документов, а в обыденной жизни существовало демотическое письмо. Вот такая мораль преподавалась этим обыденным письмом. „Не делай своим товарищем злого человека“. „Не

действуй по совету глупца и не имей дела с безумным“, „не слушай его слов“. „Избегай неприятных посещений“. „Не давай дурных примеров“. „Не развращай сердца своего товарища, если оно чисто“. Отцу автор говорит: „запрещай сыну твоему вступать в связь с замужней женщиной“. Особенно он рекомендует чувство уважения и осторожности по отношению к слабым. „Не обращай дурно с низшим, уважай старших, не обращай дурно с женщиною, силы которой меньше твоих, пусть она найдет в тебе своего покровителя, не заставляй страдать ребенка по причине его слабости, помогай ему; не делай развлечений, забавляясь над теми, кто зависит от тебя“. В последнем правиле автор говорит: „никогда не спасай свою жизнь ценою жизни другого“.

Существует много свидетельств, утверждающих в мысли, что эти добрые правила хотя записывались и читались, но не исполнялись и что лестные рекомендации, которые давали себе умершие на надгробных надписях или на суде Озириса, далеко не отвечали правде. Номархи управляли палкой и скудно платили рабочим за работы. „Я видел кузнеца за работой перед жерлом печи, говорит один книжник двенадцатой династии своему сыну, его пальцы так шероховаты, как вещи из крокодиловой кожи, и пахнет от него хуже, чем от рыбьей икры. А работающие над металлами... ночью, когда предполагается, что они свободны, они все еще работают, не смотря на то, что рукам их пришлось так много сделать в течении дня.....

Каменотес ищет работы над различными твердыми камнями. Когда он оканчивает ее, его руки утомлены, он отдыхает, так как ему приходится работать, сидя на корточках с самого рассвета, спина и колена его разбиты..... Я тебе скажу словами самого каменщика, что болезнь подтачивает его, потому что его обдувает ветром, когда при трудных строительных работах он высоко привязан к лотообразным капителями здания, чтобы достать их верхушки. Руки его портятся от работы, одежда его в беспорядке, он сам гложет себя; его пальцы, это – его хлеб; он моется только раз в сутки. Он должен унижаться, чтобы поправиться..... Когда у него есть хлеб, он возвращается домой и бьет своих детей. Ткач работающий дома несчастнее женщины. Его колена всегда находятся на высоте его сердца. Он не дышит чистым воздухом. Если хотя один день он не изготовит положенного количества материи – его привяжут, как лотос на болоте. Только подкупив привратников подачками в виде кусков хлеба, он может повидать дневной свет... Пальцы красильщика издают зловоние, как тухлая рыба, глаза смыкаются от усталости, но рука не перестает работать... Сапожник очень несчастлив, он вечно бедствует. Здоровье его

– здоровье тухлой рыбы. Он грызет кожу, чтобы утолить голод. „Я видел насилие, я видел насилие“, говорит книжник. Это описание, говоря нашими языком, тенденциозно, потому что оно имеет свою задачу доказать превосходство профессии книжника перед другими профессиями. Но если краски здесь и сгущены намеренно и сгущены очень сильно, то все таки, как ни ослаблять их, получается картина далеко не отвечающая тому идиллическому порядку вещей, о которых говорят надписи. Да и а priori нельзя верить в такую реализацию нравственной правды более, чем четыре тысячи лет тому назад. Но необходимо приходится признать факт понимания этой правды и еще нечто большее. Из приведенных правил и рассуждений следует, что египтяне признавали возможным осуществление этих высоких нравственных требований, а так как они были не теоретиками, а практиками и самые нравственные правила они может быть формулировали по наблюдению над действительностью, то значит в среде их были лица – хотя и немногие и редкие исключения – приближавшиеся по своей нравственной высоте к их высоким требованиям. Но при признании высокого характера отдельных правил египетской морали должно однако отметить что в ней отсутствовали некоторые важные моральные начала. В морали египтян нет объединяющего нравственного принципа, нет нравственных обобщений. Затем та форма, в которой умерший аттестовал самого себя, заставляет подозревать: числилось-ли в ряду египетских добродетелей смирение? Наконец, официальное признание, что магические действия и знания не менее необходимы для спасения, чем доброе поведение, и даже, пожалуй, могут с успехом восполнить его недостаток, значительно, колеблют смысл и силу нравственных требований.

6.

Для древнего египтянина, как и для других людей древнего мира, религия не была теорией, которая имеется про запас и о которой вспоминают при случае. Вся его жизнь была выражением его верований. Он отдавал много времени, сил и средств на служение богам и он не делал ничего для себя, не призывая богов. Египетская религия имела богатый и сложный культ и по оставшимся следам этого культа собственно ее и восстанавливают и выясняют теперь. Когда египтяне начали строить своим богам храмы, вопрос этот остается открытым. От мемфисского периода не осталось несомненных следов существования храмов. Но отсюда нельзя делать заключения к их несуществованию в эту эпоху. Очень может быть, что тогда египтяне воздвигали деревянные храмы. Древесная

растительность была тогда гораздо богаче в Египте, в последствии строевой лес был вытеснен из нильской долины развившимся земледелием. Затем более роскошные постройки последующие времени, когда египтяне стали свободно эксплуатировать алебастр и гранит, могли легко вытеснить скромные здания первой эпохи. От времени четвертой династии Мариеттом в 1853 г. найдены остатки здания, относительно которых он и многие другие склоняются к мысли, что оно было храмом. К юго-западу от Каира у подножия громадного сфинкса в песке Мариетт разрыл здание „в варварском стиле“ из алебастра и розового гранита. В основании оно было почти квадратным. С южной стороны (близко к западу) во внутренность здания вел узкий коридор, в середине этого коридора на право имеется небольшая комната, налево лестница, ведущая на террасу, далее коридор вводит в большую залу, имеющую форму буквы т., поддерживавшуюся колоннами в форме параллелепипеда, с восточной стороны т. несколько узких комнат коридоров, т. ориентирован с севера на юг, на севере коридор соединяет его еще с узкою залою, к которой прилегает северная стена здания. Судя по плану, каждая сторона здания была более 15 и менее 20 сажень. Мариетт нашел здесь глубокий колодезь засыпанный песком, девять разбитых статуй Хефрена (в разных возрастах) и несколько каменных фигур павианов. Громадный сфинкс (лицетворение Гора) наводит на мысль, что это здание было храмом, но с другой стороны статуи Хефрена и план здания, сходный и только немного превосходящий размеры некоторых гробов, делает более вероятным предположение, что это была гробница. Несомненные остатки храмов к нам идут, начиная с двенадцатой династии. Особенно такими остатками богат западный берег стовратных Фив. Здесь находятся развалины карнакского храма, от которого сохранились колонны, один обелиск в разбитом виде и один в целом (obeliski символизировали собою солнечные лучи, имели вид четырех угольных кверху суживавшихся и кончавшихся заострением столбов, отсекались большею частью из гранитного монолита, исписывались иероглифами, по египетски назывались „техами“). Общий тип египетского храма, как об этом позволяют судить останки таковых, был следующий. „Своим входом храм был обращен к востоку или что тоже к Нилу, так как храмы, как и кладбища, строились на западной стороне Нила. Для храмов прежде всего воздвигали, громадную кирпичную платформу, имевшую вид продолговатого параллелограмма. На платформе с трех сторон западной, северной и южной – воздвигали каменные стены несколько наклоненные внутрь, что придавало храму вид увеченной пирамиды. Ко входу в храм

вела обыкновенно длинная аллея гранитных сфинксов или баранов, она доводила до двух башен пилонов, между которыми открывался вход во храм. Пилоны были расписаны живописью и иероглифами, вверху их были сделаны отверстия для помещения мачт с узкими флагами в праздничные дни. Над дверью между пилонами помещалось изображение крылатого солнечного диска, около которого изображались две змеи (uraei). Это – знак Озириса, он помещался над всеми дверями вне и внутри храма. Через дверь между пилонами посетитель не вступал еще прямо в храм, пред ним открывался длинный двор имевший с трех сторон крытые галереи на колоннах, за этим двором иногда шел другой подобный же. Далее открывалась обширная зала, её каменный потолок поддерживался колоннами, средняя часть залы была выше прочих и в её возвышающемся куполе прорубались четырехугольные отверстия, свет проникавший через которые и освещал залу. Эта зала называлась „залой проявления“. Сюда в торжественные дни выносили для поклонения верующим святыни храма или ковчег, содержащий в себе статую Бога. Ковчег имел форму лодки (бари). Всего вероятнее, что эта форма указывала на лодку Ра, вообще на солнечную лодку, в которой божество объезжает мир. Некоторые хотят видеть в этой лодке указание на лодку Изиды, в которой она плывала по Нилу, отыскивая тело Озириса, но это – случайное событие, с которым не связывается представление об участии в нем всех божеств. За залой проявления обыкновенно находилась другая подобная же зала меньших размеров. Склоняются к мнению, что она служила для той-же цели, как и первая, но только в менее торжественных случаях. Коридоры и комнаты вели из названных зал во святилище. Это – сравнительно небольшая, низкая и совершенно темная комната, в которой помещались статуя бога, обыкновенно роскошно одетая, ковчег (=бари), вообще святыни. К святилищу вели еще коридоры и комнаты, в которых по всей вероятности помещались принадлежности культа. При храмах устраивались помещения для священных животных, имелись отделения прорицалищ. Жрецы не жили в храмах, их дома обыкновенно устраивались около. Аллеи сфинксов и двери и сам храм постепенно суживались по направлению к святилищу так, что храм являлся чем то в роде равнобедренного треугольника обращенного основанием к Нилу. Стены, потолки храмов, колонны, статуи, все обыкновенно покрывалось изображениями и иероглифическими надписями. На капителях колонн часто вырубалось лицо богини Гатор (четыре лица на одной капители). В надписях говорилось о богах и героических подвигах фараонов. Были храмы и более простого устройства. Таковые находят по верхнему

течению Нила. Были храмы целиком или на половину высеченные в скалах. Они назывались спеосами и полуспеосами.

Предметом таких же, а часто и больших забот, чем храм, служили гробницы. Они имели несколько типов. Важнейший и известнейший из них суть пирамиды. Это – сооружения, имевшие квадратное основание и четыре трех-угольные боковые поверхности, относительно которых доселе неизвестно представляли ли они в своем верхнем окончании четырехгранный угол или они не доводились до такой высоты и оканчивались площадкой. Т. е. мы не знаем, были ли пирамиды полными или усеченными, так как теперь они существуют только в усеченном состоянии. К предположению, что они были полными ведет то обстоятельство, что в саркофагах последующего времени, когда уже не было пирамид, находятся около мумий маленькие пирамидки вполне соответствующие геометрическому определению четырехгранной пирамиды. Полагают, что исторически пирамиды сменили собою могильные курганы, подобные которым находятся и в России. Но процесс смены вторых первыми невыяснен и неизвестен. Самая высочайшая из пирамид – хеопсова. Хотя она теперь и уменьшилась, однако имеет высоты более 65 сажень и каждая из сторон её квадратная основания имеет около 110 сажень. Место погребения мумии в пирамидах обыкновенно тщательно закрывалось и замаскировывалось. Одной из целей этого может быть было то, чтобы спасти мумию от разграбления и уничтожения и не только от людей, но и от стихий. Комнату, где погребалась мумия, замуровывали герметически, чтобы не допускать доступа свежего воздуха, сырости. С мумией клали амулеты, скарабеи, украшения, фигурки богов, книгу мертвых. Самую мумию в различных местах и в различные эпохи погребали различно. В пирамидах проводилось много коридоров и камер. Но кроме места погребения еще важное значение имела камера, в которой помещались портретные статуи усопшего. Не только с статуями богов египтяне соединяли представление, что между ними и богами существует связь и что чрез них действует божественная сила, но они тоже самое думали и о статуях людей. Им казалось, что между статуей усопшего и его душою есть какая-то таинственная связь, и что если бы мумия усопшего, обуславливающая некоторым образом существование двойника, погибла, то тогда статуя могла бы в некоторой мере заменить мумию и поддержать существование души усопшего. Далее при гробницах или около них помещались поминальные покои. В них находилась покрытая иероглифами погребальная стела, письма которой говорили об общественном и имущественном положении покойника. В поминальном

покое находился жертвенник, на который клались приносимые дары. Доступ в поминальный покой был открыт. Иногда этот покой устраивался отдельно от пирамид. Не все пирамиды были строгими копиями указанного образца, но все они незначительно варьировали сравнительно с ним. Пирамиды были прежде всего усыпальницами царей. Сохранились пирамиды уже от второй династии, но обычай воздвигать их не просуществовал во все время существования Египта в эпоху нового царства фараоны прекратили обычай воздвигать себе эти грандиозные памятники. Другие египетские гробницы представляют два основных типа: одни высечены в скалах, другие сложены из камня на поверхности земли. Последние получили от арабов имя „мастаба“. Они представляют собою усеченную пирамиду с продолговатым четырехугольным основанием, которому отвечает совершенно подобная, но только меньших размеров платформа наверху. В мастабе необходимо были поминальный покой и камера с статуями покойника (называлась сердоб); мумия покойника помещалась в подземном склепе обыкновенно под поминальным покоем. Спускали ее через отверстие в верхней платформе, устроив как бы нечто в роде колодца, и затем в поминальном покое отверстие, ведущее в подземный склеп, заделывали так тщательно, что его трудно было найти.

В храмах должно было служить и в гробницах хоронить по выработанным веками ритуалам. Исполнителями и руководителями в деле исполнения этих ритуалов были жрецы. Образование вообще в Египте было достоянием канцелярских чиновников и жрецов, но последних преимущественно, они назывались рехиу хету – познавшие вещи „премудрые“ Библии ἱεροῦλαῖματῆς. В истории греческого института должно различать два периода, из которых смена первого вторым может быть совершалась с неуловимой постепенностью, но которые в своем высшем развитии резко различаются между собою. В первый период кроме жрецов профессиональных существовали еще, так сказать, жрецы добровольцы. Знатные и богатые люди считали честью служить богу своей области в качестве жреца, знатные и богатые женщины охотно выступали в качестве жриц богинь Гатор или Нейт. Но с течением времени профессионалисты все более и более оттесняли добровольцев и затем, вытеснив их из храма, сами перешли в наступление и начали занимать светские должности. Жрецы имели различные ранги и в различное время и в различных местах греческая иерархия имела различное устройство. Были специальные жрецы, на которых лежала забота об одеждах статуй и изображении богов. Они должны были ежедневно одевать и раздевать

статую бога, кормить ее при каждом и произнесении установленных формул. Были жрецы, на обязанности которых лежало приготовление и совершение жертв. В религиозных церемониях они являлись с принадлежностями жертвенного культа и с мерой истины и жертвенной чашей в руках. Были жрецы, которые хранили священные предметы и при церемониях носили ковчеги с изображениями богов и религиозные символы. Были жрецы анатомы, жрецы исполнявшие погребальные обязанности, были астрологи, были жрецы-певцы, были и певицы, были особые жрецы, которые трактовались, как жены богов. Их называли „гаремом“ бога. В храмах для них были спальные комнаты, в которых они должны были проводить ночь. Известны некоторые наименования жрецов: уэб – чистые, гор-геб – чтецы, гон-нутер – рабы божи. Гер-геб трактовались, как умевшие читать божественное слово, как служители Тота и владевшие знанием заклинаний. Они легко приобрели себе репутацию магов. В храме Амона-Ра жрецы назывались пророками. Были жрецы и пророки разных рангов. Верховный пророк Амона-Ра был религиозным главою Египта. Хотя жрецы образовали собою касту, однако греческие достоинства не передавались непосредственно по наследству. Жрец должен был проходить иерархию должностей. Более была наследственна греческая специальность, чем греческое достоинство: сын чтеца становился чтецом и сын анатома – анатомом. У жрецов было много отличий, характеризовавших их профессии, и привилегии, показывавших, что эта профессия считалась в Египте в высшей степени почтенною. „Жрецы богов в других местах, говорит Геродот, носят длинные волосы, а в Египте они стригутся..... Будучи самыми религиозными из всех людей, они исполняют следующие обряды. Пьют из медных чаш, ополаскивая их ежедневно; причем это делают все, а не некоторые только; носят льняные одежды всегда чистые, о чем особенно заботятся: крайнюю плоть обрезают так же ради чистоты и вообще предпочитают опрятность красоте. Жрецы через каждые три дня стригут волосы на всем теле, чтобы у них не было ни паразитов, ни другой какой-либо нечистоты, когда они служат богам; жрецы носят исключительно льняную одежду и обувь из коры папируса: иной одежды и иной обуви им не дозволено носить. Они моются в холодной воде два раза днем и два раза ночью; вообще можно сказать, что они исполняют бесчисленное множество разных обрядов, однако они обладают и немалыми преимуществами. Из собственных средств они ничего не тратят и не издерживают; у них бывает всегда много священных припасов так, что каждому ежедневно достается большое количество бычьего и иного мяса;

для них позволяется и виноградное вино, но рыбу не позволено употреблять в пищу. Египтяне вовсе не сеют бобов, и хотя эти последние растут там, их не едят ни сырыми, ни вареными: жрецы не хотят и смотреть на них, считая овощи с шелухой нечистыми. При каждом из богов греческие обязанности исполняются не одним человеком, а несколькими: из них один главный жрец: когда кто из них умрет, его место заступает сын. (Герод. 11, 36, 37). Жрец был хранителем священных традиций и преданий, скромная одежда жрецов поздних эпох та же, что и раннего времени, но сохраняя старые обычаи, жрецы непрестанно стремились приобретать новые права и преимущества. Громадные доходы стекались в храмы. Они составлялись из жертвенных приношений, добровольных пожертвований, но главным образом их доставляли завоевания. Ко времени Рамзеса IV (приблизительно за 1200 л. до Рожд. Хр.) материальное благополучие храмов по видимому достигло наивысшей степени. Храмы владели 169 городами, из которых девять было в Сирии и Эфиопии, 113433 рабами обоего пола, 493386 головами скота, 1071780 арурами земли, 514 виноградными уделами, 88 барками и морскими судами, 336 граммами золота в изделиях и слитках, 2993964 граммами серебра, громадными количествами меди и драгоценных камней и сотнями магазинов, где складывались произведения из областей – пшеница, масло, вино, медь, мясо в консервах. Каковы были эти складочные места, можно судить, напр., по данным большого папируса Гарриса, в котором число живых птиц магазина обозначается восходящими до 680714, число сушеных и копченых рыб – до 494800. Амону принадлежала львиная доля из всего этого, из рабов, напр., на его часть приходилось 86486, т. е. три четверти.

Жрецы были служителями общественного культа. Но прежде всего у египтян был культ личный. Все свои личные начинания и действия египтянин соотносил с волею богов и стихий, причем представленья об этой воле его были грубо суеверными, а средства, которыми он стремился согласовать с нею свое благополучие, заключались в заклинаниях, магических действиях, приспособлениях к счастливым и несчастным дням. Египетский календарь был мистическим руководством, наставлявшим, в какой день что можно и чего нельзя делать. Год у египтян состоял из 12 месяцев по 30 дней каждый, значит имели 860 дней. Ошибки такого счисления не замедлили обнаружиться. Египтяне прибавили к 12 месяцам тринадцатый и о происхождении его составили такое сказание. Ра заклинал Нут так, что она не могла разрешиться детьми зачатыми ею от Себа ни в один из месяцев года. Тогда Тот, любивший богиню, стал играть

в кости с луною и выиграл у ней одну шестидесятую (точно – одну семьдесят вторую) часть каждого дня, из чего составил пять дней и прибавил их к 360. Каждый день года у египтян был посвящен или особым божествам или воспоминанию особых событий или наприм., даже поминовению умерших (5 прибавочных дней посвящены воспоминанию рождений Озириса, Гора, Сета, Изиды и Нейт)¹¹. Каждый день был или счастливым или несчастным. Вот – отрывок из египетского календаря. „4 тиби: добрый, добрый, добрый.(т. е. день). Чтобы ты ни увидел в этот день, все будет счастливым. Кто родится в этот день, умрет старейшим из своих, он достигнет старости более глубокой, чем его отец. 5 тиби: злой, злой, злой. Это день, в который богиня Секкет, владычица двойного, белого дворца, сожгла вождей, которые возбуждали толпы, поднимались и шли (разумеется, – против Ра. Речь идет о восстании, которое кончилось истреблением людей и удалением Ра на небо). Хлебные жертвы Шу, Пта, Тоту, воскурять фимиам Ра и богам его свиты – Пта, Тоту, Ху-Шу, в этот день. Что бы ты ни увидел в этот день, будет счастливым. 6 тиби: добрый, добрый, добрый. Что ты ни увидишь в этот день, будет счастливым. 7 тиби: злой, злой, злой. Не соединяйся с женщиной в присутствии глаза Гора. Об огне находящемся в твоём доме заботься, чтобы он не упал. 8 тиби: добрый, добрый, добрый. Чтобы ты не увидел своим глазом в этот день девятерина богов поможет тебе, больной поправится. 9 тиби: добрый, добрый, добрый. Боги восклицают от радости, в полдень в этот день приноси в жертву праздничные пироги и свежие хлебы, которые услаждают сердце богов и усопших. 10 тиби: злой, злой, злой. Не помещай огня на траве в этот день. Это день, в который Сопху произвела пожар в стране Буто (событие неизвестно). 11 тиби: злой, злой, злой. Не приближайся ни к какому пламени в этот день, ибо Ра поместился в пламени для того, чтобы поражать всех врагов, и кто из них приблизится в этот день, тот не получит добра во всю свою жизнь. 12 тиби: злой, злой, злой: постарайся не видеть крысы в этот день и чтобы крысы не приближалось к твоему дому. Это день, когда Сокхет дает определения.“ Содержание календарных изречений вообще двояко. Одни из них предписывают что-нибудь делать –или не делать, другие просто утверждают, что тот или иной день тем или другим лицам несет ту или иную судьбу. Так, кто родится 4, 5 или 6 Паоти, тот умрет от болотной лихорадки, от любви или от пьянства. Родившийся 23 погибнет в зубах крокодила, родившийся 27 будет загрызен и умерщвлен змеею. Но те, которые родятся 9 или 29, доживут до глубокой старости и мирно сойдут в гроб почитаемые всеми. Это – фаталистические изречения, а вот

наставления. 21 тот: не убивай быков; 22 тот: не ешь и не соли рыбы; 13 паоти: не ешь никаких овощей; 22 паоти; не купайся; 26 паоти; не начинай постройки дома: 19 атира: не выезжай на Нил; 21 Сеак: не ходи гулять. 28 Сеак: не ешь никакого водного животного: 24 тиби: пей мед.

Во всех случайностях и несчастьях жизни человека должна охранять сила спасительных заклинаний. Предносится-ли ему опасность от диких зверей, он обращает против них такие формулы: „Явись сюда, властелин богов, удали от меня львов, появляющихся из земли, и крокодилов, выходящих из реки, и всех кусающих тварей, выползающих из своих нор. Прочь крокодил, мако, исчадие Сета! Не бей своим хвостом, не потрясывай своими лапами, не раскрывай своей пасти! Да будет вода, которая пред тобою, пылающим огнем: пусть копья семидесяти семи богов выколуют тебе глаз, ты прикован к большому рулю бога Ра. Будешь ты вдруг прикован к четырем металлическим крюкам, к передней части корабля Ра. Стойте крокодилы, мако, исчадие Сета, ибо я – Амон, оплодотворивший собственную мать“. Вот другое заклинание: „Не будь против меня. Я – Амон, я – Ангур, милостивый защитник, я великий властитель силы, владыка меча, не подымайся на меня, я – Сет. Не прикасайся ко мне, я – Гор. Вы, которые в воде, не смейте выходить из неё, вы, которые вышли из воды, не смейте возвращаться в воду; вы, которые остаетесь в ней, должны выплыть на верх, как всплывают трупы на волнах. Ваша часть должна замкнуться так же, как замкнуты семь печатей вечности“. В одном позднейшем папирусе написанном уже по гречески, но несомненно отражающем в себе верования эпохи древнейших, приводится следующая формула, посредством которой кольцу сообщается магическая сила „я – Тот изобретший и создавший целебные средства и письма. Приди ко мне ты, живущий над землей. Явись предо мною, великий дух“. Если я не буду знать всего, что таится в душах, всех египтян, греков, сирийцев и эфиопов, всех народов и племен, если я не буду знать всего, что было и должно произойти, если я не получу объяснения об их обычаях, трудах и жизни, об их именах и именах их отцов, матерей, сестер и друзей, а так же и именах умерших, то я волью кровь черного в ухо собаки лежащей в новом не употреблявшемся сосуде. Я положу это в новый котел и сожгу вместе с кистями Озириса; громким голосом назову его, Озириса, который был в реке три дня и три ночи, который был вынесен в море течением реки “. Хорошо, конечно, было знать заклинания и волю богов и силы стихий самому, но лучше всего было пользоваться в нужных случаях специалистом. Нужно ли чего-нибудь добиться или повредить кому-нибудь, должно было идти знахарю. Когда нужно было

накапать врага, знахарь имел возможность тысячами способами осуществить это. Он преследовал его страшными или обманчивыми сновидениями, тревожил таинственными голосами, делал его добычей болезней, напускал на него блуждающих теней (духов), которые поселялись у него и угнетали его.» Знахарь на расстоянии мог сокрушить и изменить волю людей, он мог переменить желания женщины и заставить ее бежать от того, что она любила, и полюбить то, что прежде внушало ей отвращение. Несколько капель крови, обрезки ногтя или волос, лоскуток рубашки бывший в соприкосновении с телом какого либо лица, были достаточны для специалиста, чтобы сделать это лицо жертвою своих неотвратимых чар. Кровь, волосы или что иное соединялось с воском, из которого вылеплялась фигура, представлявшая подобие жертвы, и затем все то, что производилось над фигурой, отражалось на лице. Изображенный должен был подвергнуться всему тому, чему подвергалось изображение. Изображение бросали в огонь, изображенный должен был умереть от лихорадки. Изображение поражали ножом, изображенный мучился болезнью от раны. Магию можно было противопоставлять майю и чары, навешанные одним, рассеивал другой. Конечно майя бессильна предотвратить многое. Человек родившийся 27 паоти должен был умереть от укушения змея. Судьбою мог быть точно определен день, в который он должен умереть, но год оставался неопределенным, и заклинатель силою своих чар мог отодвигать его на возможно позднее время. Должно было охранять себя не только заклинаньями, но и амулетами и талисманами. Мы выше говорили об изображении Гора – дитяти на крокодилах. Эта группа, где фигурирует бог Бес, попираются крокодилы, душатся львы и змеи, имела охранительное значение. Подобные талисманы ставились при входе в комнату или дом маленькие амулеты носились с собою. Был и цикл определенных обрядов молений, омовений, содержите в домах священных змей, был ряд определений об отношениях к священным животным. Вообще вся жизнь египтянина была обставлена руководственно религиозным правилам. Но кроме этого он должен был принимать участие в общественном культе и затем особенные случаи в его жизни требовали особых священнодействий совершавшихся жрецами.

Храмовые и вообще общественные богослужения египтян можно подразделить, на несколько типов: ежедневным, праздничные, мистерии, по особенным случаям. Ежедневные храмовые обряды известны нам лишь в общих чертах. Обряды, видно, были строго разработаны; молитвы, изречения, жесты, действия, все совершалось по строго определенным правилам. Каждый день требовалось вычистить и убрать достойным

образом жилище бога, облечь статую бога в достойные одежды, предложить ему стол. Трапеза бога обыкновенно убиралась цветами. Все это – очистка храма, смена одежды, устройство стола представляло собою ряд богослужебных церемоний, которых, наприм. в Абидосе вменялось в обязанность жрецу совершать ежедневно 36, а в Фивахъ даже 60. Вот, как в Египте совершались жертвоприношения по повествованию Геродота: „Отмеченное животное приводят к алтарю, где следует принести жертву, зажигают огонь и затем, совершивши около жертвы возлияние вина, причем взывают к богу, закалывают животное и у него отрезают голову. Туловище обдирают, а над головой совершают длинное проклятие и потом относят ее на рынок там, где у них бывают для торговли еллины, которым ее и продают, а там где нет еллинов, голову бросают в реку. Смысл проклятия, которое они произносят над головой, таков: если должно случиться какое-нибудь несчастье с ним-ли приносящим жертву или со всем Египтом, то пусть оно обратится на эту голову. Все египтяне соблюдают эти обычаи относительно жертвенных голов и возлияния вина одинаково при всех священных животных, и вследствие такого обыкновения никогда египтянин не отведывает головы какого-либо животного. Способ потрошения и сожигания жертв бывает различен при различных священных животных“ (Гер. 11, 39, 40). Праздничные богослужения, понятно, были торжественнее будничных и опять таки имели различные степени торжественности и при том были местными или общими для всего Египта. Праздников у египтян было очень много. Праздновались все новолуния и каждый седьмой день недели (фазы луны), поднятие воды в Ниле, дни жатвы. Основной религиозной церемонией праздников было ношение статуи бога в ковчеге (в лодке) вокруг храма. Это ношение сопровождалось музыкой и пением. К процессии жрецов примыкали миряне, давшие обет послужить чествуемому божеству. Иногда эти обеты оказывались не безопасными. Так в Пакремисе религиозное торжество в честь Арея (полагаю, Себека, сына Нейт?) совершалось таким образом. „Когда солнце начинает клониться к западу, некоторые жрецы бывают заняты около статуи; другие в большом числе с деревянными палками в руках становятся при входе в храм. Наконец те, которые хотят исполнить обеты в числе нескольких тысяч также с деревянными палками становятся против первых. А статую заключенную в маленьком деревянном позолоченном ковчеге переносят накануне в другое священное здание. Немногие жрецы, оставшиеся около статуи, тащат четырехколесную колесницу, на которой стоит ковчег с статуей. Жрецы находящиеся у дверей не пускают их. Тогда обязанные обетом

бросаются на помощь богу, бьют их, те защищаются, происходит жестокий бой на палках; они разбивают друг другу головы и, как я думаю, многие даже умирают от ран, впрочем сами египтяне уверяли, что никто не умирает. Это праздничное собрание, как утверждают туземцы, установлено по следующему поводу. Мать Арея жила в одном храме. Арей, который был воспитан вдали от родителей, по достижении совершеннолетия пришел сюда, чтобы увидаться с матерью, но слуги матери никогда прежде не видевшие его не пустили его, задержали. Тогда он, приведя с собою людей из другого города, сурово поступил с слугами и вошел к матери. По этой то причине, утверждают они, и устраивается в честь Арея драка на этом празднике“ (Геродот, 11, 63, 64). Таким образом религиозные церемонии в драматической форме представляли историю учреждения праздника. Иногда эти церемонии и процессии не ограничивались тесной территорией около храма, но принимали вид путешествия по Нилу. Так богиня Гатор посещала раз в год бога Гора в Едфу. Так совершались паломничества по Нилу в Бубастис, куда по свидетельству Геродота собиралось до 700000 человек. Подобные религиозные путешествия часто принимали оргический характер. Род животных и способ принесения их в жертву при различных обстоятельствах и при чествовании различных богов были различными. Не приносили в жертву коров, считая их символом Изиды. В Фивах не приносили в жертву баранов, видя в них символ Амона. Только раз в год в честь этого бога заколался священный баран. В мендесском округе почитали коз и козлов и не приносили их в жертву¹². Свиной вообще считали нечистыми, но в честь Изиды и Озириса их приносили в жертву и употребляли в пищу каждое полнолуние. Любопытна одна подробность в этом обычае. Бедные люди, не имевшие свиней, вылепляли их из теста, пекли и приносили в жертву. Кому приходилось проводить Рождество в современной Германии, тот знает, что обычай вылеплять и печь или покупать печеных свиней в этот праздник имеет всеобщий характер. Были у египтян мистерии. В настоящее время совершенно отвергнуто мнение, что посвященные в них исповедывали какую-то высшую религию сравнительно с другими – религию эсотерическую в отличие от экзотерической. Вернее всего, что мистериями прежде всего называлось истолкование обряда, каковое сообщалось только посвященным. В то время как благочестивые люди в Пакремисе дрались без всякой задней мысли, посвященные в мистерии находили смысл борьбы в сказании о боге, которого не пускали к собственной матери. Простолюдин принимал, как факт, что у Изиды – голова коровы, посвященному в мистерии

объясняли, что Гор в гневе на Изиду за то, что она отпустила Сета, отрубил ей голову, и Дути вместо отрубленной приставил ей голову коровы. Так αἰτίαι ритуала могли создать тайное предание, которое передавалось только посвященным, как ἱερός λόγος об Озирисе, Ра, Горе, и только посвященные могли вступать во внутренность храмов. Важнейшие мистерии у египтян были в честь Изиды и в честь Нейт. В мистериях. Изиды, конечно, изображалась история Озириса, и неумеренное внимание к (φαλλός'υ, о котором говорит Геродот, без сомнения намекает на эпизод неудачи Изиды в деле отыскания тела Озириса. Может быть к историческому истолкованию обрядов в мистериях присоединили потом и философский элемент. По крайней мере Нейт в изложении Плутарха рекомендует себя таким образом: „Я все бывшее, настоящее и грядущее, моего покрывала никто не открывал, плод, рожденный мною, есть солнце“. В египетских текстах, правда, позднего времени находится следующая молитва к Нейт: „о великая мать, рождение которой непостижимо. О богиня юная, великая, покрывало которой не открывается! О открой твою завесу сокровенная, ибо не дано мне пути, чтобы войти к тебе. Явись, прими мою душу и защити ее руками твоими“. Таким образом, можно предполагать, что в мистериях мысль египтянина делала шаг вперед в области философии религии, но это не было отрицанием прежней религии и противопоставлением ей новой. Это была также религия только несколько глубже понятая. Новое понимание rexiu (знающие, посвященные) не спешили сообщать сами толпе, полагая, что высокие истины не поднимут толпы и исказятся и опозлятся в ее представлении. Мистерии были богослужениями доступными немногим. Ежедневный культ конечно, тоже не привлекал много численных богомольцев. Толпа в Египте, как и везде, знала главным образом праздники. Но кроме праздников постоянных торжественный культ вызывался особыми событиями. Начало и окончание походов, бедствия и избавление от них давали повод к особым празднованиям. Закладка храмов, как показывают тексты, соединялась с особым ритуалом, и в жертву при этом приносились люди, чтобы души их потом сторожили здание храма. Геродот отрицает факт человеческих жертвоприношений у египтян, но из этого следует только то, что их не было в его время. Однако восковые фигуры, о которых говорит Порфирий, представлявшие коленапреклоненного человека с руками назад и мечем у горла, явно направляют мысль на жертву. Обычай строить на крови имел широкое распространение, в применении к городам он, кажется, существовал и в древней Руси.

Все особенные случаи в жизни частного человека требовали особых священнодействий. Таким первым особенным случаем являлось рождение. Рожденного подвергали особенным омовениям и затем через некоторое время обрезывали, „для очищения и изглаждения скверны“. Впрочем потом обрезание в Египте перестало быть всеобщим и стало отодвигаться к более зрелому возрасту. В случаях прикосновения к нечистым животным требовались омовения. При болезни тоже самыми спасительными средствами признавались жреческие заклинания и амулеты.

Врачей в Египте было бесчисленное множество и притом узких специалистов: одни лечили только голову, другие только глаза, но все главным образом надеялись на Тота и на врачевную магию, а не на врачевную науку. Но главным особенным случаем в жизни человека всегда была и останется смерть. Церемонии, совершавшиеся над умершим в Египте, представляли собою действия, совершенные над телом Озириса Гором и другими богами. Весь египетский чин погребения представлял собою большую книгу. Но для ознакомления с его характером достаточно узнать какую либо одну из входящих в состав его церемоний. Важною церемонией является открытие рта и глаз усопшего, чтобы он мог вкушать погребальную трапезу. Церемония совершалась или над мумией или над статуей умершего. Действующими лицами церемонии были: заведующей, который со свитком в руке руководил всем, указывал участникам их места, делал жесты, произносил или высвистывал речи. Вместе с ним принимал участие домашний, друг (или заместитель друга), сын, две плакальщицы – одна, представлявшая Изиду, другая – Нефтис и масса других фигурантов. По нужде один и тот же человек мог являться в церемонии в роли различных божественных лиц. Действующих лиц в сущности требовалось четыре: Гор и его три сына – боги четырех сторон света, которые некогда погребали Озириса и облекли его тело в саван. Мумию или статую клали лицом на юг на песке, который представлял собою бесплодную область запада, потом домашний или друг входил на сцену, он ходил по ней с кадиллом, повторяя: ты чист, ты чист, Озирись N и начинал предварительные очищения водою из четырех ваз. „Твоя чистота, говорил совершитель жертвоприношения, есть чистота Гора и наоборот, твоя чистота есть чистота Сета и наоборот, твоя чистота есть чистота Тота и наоборот, твоя чистота есть чистота Софу и наоборот. Ты принял голову и ты очистил кости для Себа. Каждый из богов четырех стран света совершал возлияние над умершим, чтобы возратить ему употребление головы, которое отняло бальзамирование, и чтобы очистить его кости для удовлетворения Себа, в земле которого он будет покоиться. По окончании

первых возлияний немедленно совершаются вторые из ваз так называемых красных, и домашний или друг, в четыре приема обойдя покойного, сверх прежних формул говорил: „ты получил то, что находится в глазах, Гора и две красные вазы Тота очищающие тебя от того, что не должно существовать в тебе. Жертва, которую приносили умершему, называлась глазом Гора. Ее составляли вода, бычья ляшка, вино, молоко, растения, драгоценный камень, благовоние, материя. Очищение водою, как и многие иные церемонии, совершалось два раза, потому, что было два Египта – северный и южный, Египет белой и красной короны. Умерший мог быть обеспечен в своем гробе только под условием иметь доступ в тот и другой и располагать в своей воле тем, что они заключали. Умершему давали пшеницу северную и южную, вино северное и южное и т. д. После очищения водою совершается церемония, с благовониями. Сначала домашний или друг берет пять зерен южного благовонного вещества из города Ненгаб (в древности южнейший из египетских городов) и пройдя четыре раза вокруг статуи за обычную формулою: ты чист, произносит: „благовоние, которое откроет твои уста, Озирисъ N, обоняй благовоние в божественных жилищах. Это благовоние – пот Сета, благовоние укрепляющее, сердце обоих Горов (т. е. южного и северного), благовоние твоих уст, ибо твоим ладонем совершают очищения боги следующее за Гором. Хотя в церемонии называются Гор северный и южный, однако затем таже церемония с новыми пятью зернами совершалась по отношению к северу. „Твое благовоние – благовоние Гора и взаимно, твое благовоние – благовоние Сета и взаимно и т. д. Стань среди этих богов, ибо уста твои также чисты, как уста молочного тельца в день его рождения. Затем приносились еще благовония иноземного происхождения. Домашний подносит к устам и глазам усопшего по два раза благовония, один раз к руке, потом он произносил свои Молитвы: твое благовоние есть благовоние Гора..... ты чист, ты чист, твой двойник чист, ты благоухаешь, ты благоухаешь. Стань среди твоих братьев богов, ибо голова твоя благоухает, кости чисты от всего того, что не должно существовать в тебе; О, Озирисъ N, я дал тебе глаз Гора (фимиама) для того, чтобы украсить им твое лицо, восходи, восходи к себе“. Вслед за тем начинается новое действие. Домашний человек или друг усопшего вместе с обитателем жилища умершего располагаются около статуи. Домашний ложится на коротком ложе около статуи. Он весь закутывается в материи, кулак кладет против кулака, его локти выдаются, он спит и грезит перед статуею, позади неё стоит обитатель последнего жилища умершего. Тогда показываются заведующей церемонией и живущий внутри. Обитатель

гроба кричит (4 раза), видя их появление: „отец“ и будит домашнего говоря: я нашел живущих внутри стоящими у двери. Домашний просыпается и садится на корточках на своем ложе. Затем все четверо соединяются, представляя четырех детей Гора – богов с головою ястреба, обезьяны, шакала и человека, которые одевали усопшего Озириса. Домашний первый прерывает молчание словами „я видел моего отца во всех его формах“. Все трое отвечают ему, указывая на статую: „не здесь ли твой отец?“ Домашний отвечает, делая намек на Озириса: бог, лицо которого покрыто и который закутан в свои погребальные повязки, бог, лицо которого покрыто плетеньем“. Все повторяют слова: „я видел моего отца во всех его формах“. Домашний говорит далее об усопшем, что нет волнения в нем. Масперо толкует это темное выражение в том смысле, что усопший не имеет тени. Лежащий после смерти он не отражался, но теперь он должен начать новую жизнь, и ему нужен его двойник, душа, светящееся начало или имя, или тень. Тень призывается теперь. Статуя, как и умерший, становится чистой. Начинается новая фаза церемонии. Домашний облачается в нечто в роде ефода, надеваешь брыжжи из стекла или из драгоценных камней. Его три товарища теперь называются стражами тела, а все четверо они – дети Гора. Домашний приближается к статуе и приветствует ее жезлом: я желал моего отца, я принес жертву моему отцу, я сделал его великое изображение, он продолжает и все подхватывают: „вот, что полезно моему отцу“. Один из стражей: „устрой ему Голову“. Все: „порази твоего отца“. И с этими словами приближаются к статуе и прикасаются к ней орудиями, при помощи которых должны открыться рот и глаза усопшего. „Я пришел, говорит домашний, для того, чтобы обнять тебя, я – Гор, я коснулся твоих уст, я, Гор, твой сын, который тебя любит“. С палкою в левой руке он поднимает правую руку к голове статуи, касается мизинцем её уст и потом становится позади неё, между тем как остальные трое становятся на его место. Далее домашний преображается в Гора, сына умершего, который обязан отдать последний долг отцу. Ему говорит: иди, взгляни на своего отца. Он снимает с себя прежние инсигнии, облачается в шкуру пантеры и становится сзади статуи, но далее он является уже не Гором, а следующим за Гором. Роль Гора принимает на себя заведующий церемонией. Он возвещает, что скоро будет принесена жертва, словами: „я освободил мой глаз из его уст и я приготовил ему бедро.“ Эти слова указывают на один из эпизодов борьбы Сета с Гором. Сет, превратившись в свинью, схватил глаз, который заключал в себе душу Гора, и хотел его проглотить. Но Гор спас свой глаз. После победы над Сетом его сторонники попрыгали в телах птиц,

четвероногих и рыб. Найденные они все были обезглавлены. Погребальная жертва представляла собою повторение этой сцены убийства. Убивая животных, убивали врагов Озириса. Принесение жертвы совершалось наружи и для жертвоприношения статую усопшего оставляли на некоторое время одну. Быков вероятно закалывали и приготавливали уже ранее. Управляющей церемонией приводил домашнего к животному помещал у ног великой плакальщицы, которая представляла собою Изиду и кричал: „домашний! схвати быка полудня“. Домашний совершал тогда симуляцию убиения быка, затем отрубались головы газелям, закалывался гусь. Мясник давал ляшку заведующему церемонией, сердце другу и они бежали тогда с этими частями к статуе, клали полученные части перед богом и заведующей говорил: „я принес тебе бедро, глаз Гора, я принес тебе сердце твоего врага. Пусть не нападают более на этого бога. Я принес тебе газель, которая нападала на тебя. Я отрезал ей голову. Я принес тебе гуся, отрезав ему голову. Затем начиналась церемония открытия уст. Для этой цели употреблялись два специальные орудия, называвшиеся две божественные (нутрити) тесла; их впервые употребил Анубис при погребении Озириса и затем еще целая серия инструментов. Возлагая эти орудия на уста статуи, домашний говорил: „твои уста были всегда замкнуты, я привел их в такое-же положение, как и твои зубы, статуя Озириса N, я разделил твои уста, статуя Озириса N, я открыл твои глаза, статуя Озириса N, я разделил твои уста теслом Анубиса, я открыл твои уста теслом Анубиса, железной ляшкою (форма тесла), которою разделяют уста богов. Гор, открой уста статуи Озириса N. Ты открыл уста статуи Озириса N, пусть он проходит и уходит, пусть его тело будет с великою девятирицею богов в великом храме владыки, который в Гелиополисе, и пусть он там примет диадему подле Гора – владыки людей. Обитатель погребального жилища полагает конец этой молитвы четырехкратным криком: „отец, отец“. Губы и ресницы теперь разделены, но рана еще не зарубцовалась. Нужны новые обряды для того, чтобы усопший мог действовать. На сцену является новое орудие – оприкау (металлическая фигура в форме змея, оканчивающаяся головою барана, над которою поднимается игаеус – змей). Заведующей церемонией говорит „статуя Озириса N. Нут подняла тебе голову, тогда Гор взял свою диадему и свои доблести, тогда Сет взял свою диадему и свои доблести, тогда диадема сошла с твоей головы, привела к тебе всех богов, ты пленил их, ты заставил их жить, ты стал сильнейшим, ты проводишь жизнь с ними, позади статуи этого Озириса N. Да будет он счастлив и недвижим. Ты смешался с двойниками всех богов. И когда ты поднимаешься, царь

верхнего Египта, когда ты поднимаешься, царь нижнего Египта, владыка между всеми богами и их двойниками, тогда Шу, сын Атму, становится Озирисом N. Если живет он, живешь ты. Он вооружил тебе Шу, он призвал Шу, он возбудил Шу, он сделал тебя властелином Шу и ты проводишь свою жизнь позади статуи Озириса N. Пусть твоя жизненная доблесть будет позади него, пусть он живет и будет недвижим. Статуя Озириса N, Гор разделил тебе уста..... Молитва оканчивается четырехкратным восклицанием обитателя погребального жилища: „отец, отец“. После окончания первой жертвы немедленно начиналась вторая. Глаза и уста усопшего были открыты, но глаза еще были тусклы и безцветны, челюсти сжаты и не действовали свободно. В них нужно вдохнуть жизнь и им нужно дать новые силы. Выступают новые лица, но буквально повторяются прежние сцены. Те же речи об устах и глазах, только появляется еще новый амулет – разделитель челюстей. Заведующий церемонией приносил его в обеих руках и приставлял к устам статуи. „Озирись N, говорил он, я прочно укрепил твои две челюсти в твоем лице и вот они разделены“. Умерший мог теперь разжевывать то, что ему предлагали, заведующий говорил домашнему: „приблизь зерна к его устам“. Тот приносил корзинку или вазу с чем-либо – зернами, маслом, сыром: „Озирис N, тебе подносят глаз Гора, чтобы ты взял, и пусть он не ускользнет от тебя, когда ты возьмешь зерно в твои уста“, после этого домашний обмахивал четыре раза лицо статуи стра-усовым пером, говоря: „глаз Гора предстал пред тобою, Озирись N, чтобы твое лицо не было лишено его“. Далее второй жертве предшествуют те же церемонии, что и первой, но только пред самым жертвоприношением жрецы прежде, чем уйти, разрешают сыну взять отпуск у отца и проститься с ним. Домашний или друг брал его правою рукою, а левою заставлял склонить голову перед статуею и затем совсем повергал пред статуею на землю и передавал амто (значение лица неизвестно), который выводил его из погребального покоя. Второе жертвоприношение было совершенным повторением первого, только слово „юг“ заменялось словом „север“ – бык севера, газель, гусь севера, и на место великой плакальщицы Изиды становилась малая плакальщица Нефтис. Буквальное повторение первой жертвы – вторая кончалась тем же восклицателем „отец, отец“! каждое слово, жест, движение, все в этой длинной церемонии было точно предусмотрено, определено, регламентировано. Между тем эта церемония была только одним из моментов в длинном ряду религиозных попечений живых об умершем.

Таков был тот сложный культ, в котором воспитывался древний

египтянин, который охватывал его всю жизнь и который провожал его за могилу. Трудно в немногих словах охарактеризовать этот грандиозный ритуал, который вырабатывался тысячелетиями и который под своей обычно драматической формой скрывал все то, что выработала мысль и пережило чувство египтянина в течении этих тысячелетий. Мы видим в обрядовых формулах метафизические (характеристика Нейт), космогонические и теогонические элементы. Нельзя отказать им в присутствии морального элемента. Трогательные заботы Гора об усопшем отце говорят о чисто нравственном сыновнем чувстве. Посмертный суд над усопшими говорит тоже о высоком этическом понимании. Но рядом с этими элементами выступают иные. В обрядах открывается механический и магический характер. Строго разработанная теория обряда не оставляет никакого места для свободного порыва чувства, напротив, центр тяжести упорно переносится на искусное, а иногда и искусственное выполнение предписаний. Важны не чувство, не настроенность, производящие действие, а то, чтобы действия были произведены. Их можно производить и механически, и в Египте были орудия, аналогичные буддийским молитвенным мельницам, которые за людей совершали молитвенные действия и умиротворяли богов. Еще более, чем механический, в Египте выдвигается магический характер культа. Постоянно – заклинания и заклинания, и сила их такова, что они поставляют заклинаемого в ряд богов или отождествляют с богами.

7.

Религия египтян была предметом особенного внимания уже для древних греков. Геродот считал египтян религиознейшими из всех народов, и если исследования последнего времени рассеяли, как заблуждение, представления древних о мудрости египтян, то вместе с тем они дали громадный новый материал для изучения их религии. Открытие чтения иероглифов дало ключ к пониманию первоисточников египетской религии. Открытая с тех пор обширная египетская литература оказалась на 9/10 религиозного содержания, но она получается в испорченном виде, частью оказывается неудобочитаемой, частью и ключ к её чтению доселе еще далеко не совершен, вследствие чего и теперь свидетельства древних греков о египетской религии оказываются имеющими значение и вместе с новопрочитанными папирусами и надписями и при свете этих последних расширяют наши представления о религиознейших людях древности. Библия, ассиро-вавилонские летописи, азиатские надписи уже дают нам сведения о египетской религии, но первым трактовавшим о ней подробно

является Геродот. (485–425 г. Р. Х.). Он видел Египет еще не утратившим самобытного характера. Не все в египетской религии он понял и истолковал правильно, но в общем его сведения драгоценны и некоторые из них становятся нам понятными именно при свете новейших открытий. Вот почему например, египтолог Видеман счел нужным издать его вторую книгу (в 1890 г.). Затем сведения о Египте дает Гекатей Абдерит в своих *Αἴυπτιά* (в последней четверти IV в. до Р. Х.). Первый на основании египетских первоисточников дал египетскую историю на греческом языке Манетон (жил в первую половину III в. до Р. Х.). Его схема египетской религии до сих пор служит основой, которую принимают египтологи и, благодаря которой, у них имеется хотя условно сходное представление о последовательном ходе судеб Египта. Но история Манетона, равно как и его другие труды – против Геродота, о праздниках – не дошли до нашего времени, их приходится извлекать из вторых и даже из третьих рук. Из них делали извлечения Иосиф Флавий, Африкан, Евсевий, но и эти извлечения дошли до нас через Георгия Синкелла, армянский перевод Евсевия и excerptsa Barbari. Эратосфен Книдский (275–194) дал список египетских царей (в своих *χρονογραφία*) Агахаркид Книдский (кон. II в.) составил „перикль эритрейского моря“. Полибий (212–123), бывший в Египте при Птолемеях V и следующих, в своей мировой истории дал об александрийцах сведения очевидца. Дюдор Сицилийский (современник Юлия Цезаря и Августа) первые книги своей обширной *βιβλιοθήκη* – истории всех стран и народов посвятили Египту. Полагают, что источником для египетской истории у него служили Гекатей Абдерит. Недостаток критичности, резко выступающей у Дюдора, привели некоторых к гипотезе, что его произведения дошли до нас не в подлинном, а в переработанном виде. Замечательнейшим памятником греческой литературы, посвященным египетской религии, является трактат Плутарха Херонейского (46–120 по Р. Х.) *De Iside et Osiride* (лучшее издание с комментариями опирающимися на данные египтологии принадлежит G. Parthey. 1850). Наконец, у Климента Александрийского (II–III вв. по Р. Хр.) в его *Στρωμάτεϊς* находятся ценные указания по египетской религии. Писали и многие другие о Египте и его религии, но до нас от них не дошло ничего имеющего какую-либо ценность; из названных писателей только последний Климент относится строго отрицательно к египетской религии; напротив, его языческие предшественники не прочь поставить в примеры своим греческим соотечественникам благочестие жителей нильской долины: ищущие фактической точности Геродот и влюбленный в римские порядки

прагматист Полибий и философствующий Плутарх – не говорим уже о египетском жреце Манетоне – все платят некоторую дань почтения седой и священной древности Египта. До девятнадцатого столетия европейские представления о египетской религии составлялись на основании названных писателей. Но когда гениальный Шампольон нашел ключ к чтению иероглифов, в руках европейцев появились и с каждым днем умножаются документы о египетской религии, современные описываемым им религиозные формам и учениям. Важнейшим и наиболее изученным из документов является книга мертвых. На нее обратил внимание уже Шампольон и назвал ее погребальным требником; название „книги мертвых“ первый усвоил ей Лепшус, который и издал ее в 1842 г. Собственно и это название не отвечает её египетскому имени, но хорошо отвечает её содержанию. У египтян, мы видим, с древнейших времен существовал обычай на стенах могил и гробниц писать тексты, которые могли бы руководствовать душу в её загробных странствованиях. В последствии такие руководительные тексты, написанные в свитке, полагались с умершим или даже влагались ему в руки. С течением времени эти тексты и варьировались и разrostались. В общем это – сборник песнопений и молитв, из которых одни дают человеку общие сведения об участи ожидающей его за гробом, другие прилагаются к частным случаям загробного существования. Это, так сказать, гид по загробному миру. По египетски этот гид или книга мертвых называется: „книга о перт эм геру“. Бругш переводил эти слова: выход в течение дня. Навил в своем замечательном издании *Das aegyptische. Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastie* 1886. перевел: выход из дня. По видимому это заглавие относится только к началу книги, именно к первым 15 главам. В развитии её отмечают три главных периода: 1) древнюю эпоху, 2) фиванскую (издание Навиля) и 3) Псамметихов и последующих. Можно отметить содержание некоторых глав этой замечательной книги-библии египтян, как ее называют некоторые. 15 глава содержит гимны в честь солнца, считающиеся наилучшими. 17 глава представляет собою цельную теогоническую и космогоническую систему. Она начинается: „когда еще не было неба, когда еще не было земли, когда еще не было людей и не родились боги и не существовало смерти“, единое Ну существовало, водное начало всего и в этой первобытной воде Туму отец богов. День творения приблизился, Шу поднял воды... (Шу от корня шу – поднимать). 27 глава говорит о возвращении сердца умершему, 44-я глава наставляет, как не умереть во второй раз, 64-я глава в кратком виде содержит в себе все, что содержит книга мертвых, в некоторых рукописях она носит

заглавие: „глава излагающая в одной главе все главы об исходе дня“. 125 глава описывает суд и произнесение приговора над умершим пред трибуналом Озириса, 130-ая глава и следующие за ней описывают вступление усопшего в лодку Ра и совместное путешествие с Ра, 180 содержит в себе заключительные литании, приветствующие солнце при его заходе и вступлении в подземную область. То обстоятельство, что книга мертвых влагалась в руки усопшим, не устранило обычая выписывать отделы из неё на стенах гробниц. Содержание книги мертвых или её отделов иногда повторяется и в других документах. Так, наприм., оправдательная исповедь „книги о вздохах“, употреблявшейся у жрецов и жриц Амона, очень близко напоминает 125 главу книги мертвых. Из других документов важных для изучения египетской религии и в настоящее время прочитанных должны быть названы: книга о том, что находят в царстве мертвых, книга о вратах царства мертвых, книга о бальзамировании, книга о погребении, обрядник жертв за умерших. Из этого обрядника сделаны сокращенные извлечения в предшествовавшей главе настоящего трактата. Имеются еще книги о происхождении вечности, скорбные песни Изида и Нефтис. Найдена целая серия магических сочинений (наприм. папирус Гарриса). Раскопки в Тель-эль-Амарна осветили в религиозном отношении эпоху Аменготепы IV. Даже в описаниях походов, в трактатах по медицине, в сочинениях нравоучительных и беллетристических, ибо беллетристика (наприм., роман о двух братьях) существовала в древнем Египте, находятся религиозные элементы, которые могут помогать в выяснении вопросов относительно египетской религии. Религиозное прошлое Египта встает из гробниц и из под развалин, но было-бы ошибочно думать, что новая наука разгадала религиозные тайны старого царства. Многие открытия, напротив, скорее умножили число недоумений и загадок, чем разрешили их. Некоторые религиозные церемонии древнего Египта, благодаря новым открытиям, могут быть воспроизведены с скрупулезною точностью, но смысл их часто остается темен.

8.

Пытаются дать историю развития египетской религии. Совершить полное построение такой истории доселе не удалось никому, но отмечено много частных фактов в этой истории и высказано немало ценных заключений. На предыдущих страницах уже не раз указывался исторический ход развития того или другого верования, теперь естественно заключить рассуждение о египетской религии рассмотрением

важнейших моментов её развития в её целом. Во время непосредственно предшествовавшее первым династиям, от которых у нас имеются памятники, по видимому многие божества, которые были потом объединены в семьи и соподчинены между собою, почитались отдельно. Так Изида почиталась в Буто отдельно от Озириса, почитавшегося в Абидосе. Гор еще не выступал в качестве, их сына, был Гор древний – бог солнца, совершенно самостоятельный. Сет еще не противопоставлялся безусловно Озирису. По видимому господствовал культ Ра. Учение о загробном мздовоздаянии в эту эпоху не заключало в себе суда Озириса. Умерший спасался силою дел, жертв и заклинаний без всякой юридической процедуры. Его ожидал божественный удел в общении с Ра, а не с Озирисом. Так было в эпоху древнего царства. Затем два ряда фактов шедших из далеко отстоящих одна от другой областей, должны были изменить содержание религии. Происходило политическое объединение номов Египта и вместе с тем развивавшаяся философская мысль жрецов стремилась привести к объединению и согласию разноречивые мифы и верования египтян. Тогда началась разработка того, что дало; потом содержание семнадцатой главы мертвых, и эта богословская работа шла так энергично, что к эпохе двенадцатой династии 17 глава оказывается снабженною тройным рядом примечаний. Вскоре после этого в Египте начинаются неурядицы, волнения, которыми пользуются азиатские народы, названные Манетоном гиксами, которые вступают в Египет и овладевают им. Главным божеством гиксов и вместе хеттеев, которые по видимому представляли преобладающей элемент среди гиксов, был Сутех. Гиксы вообще приспособились и к египетской культуре и к египетской религии, но за всем тем фараоны из гиксов стремились своих богов поднять выше египетских, и это повело к падению и изгнанию гиксов. Ацци хотел принудить египтян поклоняться Сутеху, которого они отождествили с Сетом. Началась борьба туземцев с пришельцами, и гиксы были изгнаны вместе с их богами. После этого начинается цветущий период Египта. Фараоны предпринимая походы в Азию и приводит оттуда не только пленных людей, но и Ваала и Решуфа (финикийского и кипрского бога войны). Низшие слои населения, на которых война ложилась только своими тяготами, всех этих новых богов соединили с Сетом. Между тем богатая военная добыча, жертвовавшаяся в значительной части на храмы, крайне усиливала могущество жрецов. Они были освобождены от повинностей, имели могущественные права и громадные владения. Из этих владений они сделали, так сказать, духовный лен и поставили его под управление „супруги бога“, т. е. Амона-Ра. С

„духовным леном“ пришлось считаться фараонам. Удобный *modus vivendi* создавался вследствие того; что фараоны женились на „супруге, бога“. Но этот *modus vivendi* расстроился при Аменхотепе IV. Его отец Аменхотеп III женился на нахаринской (из Азии) принцессе Ти, которая принесла с собою культ солнечного диска – Атен, отказалась поклоняться Амону-Ра и воспитала своего сына в своей вере. Аменхотеп IV оставил Фивы с их Амоном и основал на восточном берегу Нила город, современная деревушка на месте которого называется Тель-Эль-Амарна. Атен был провозглашен творцом и промыслителем мира. Аменхотеп переименовал себя и назвал себя Хунатеп (сияние Атена – солнечного диска). Все правительственные учреждения были перенесены в новую резиденцию. Как смотреть на эту религиозную реформу? Она совершилась по видимому легко. Это значит, что Аменхотеп не был одинок и имел приверженцев и что предложенная им реформа не оказалась чем-то диким и кощунственным для египтян. Замечательно, что верховный жрец Атен носит тот же титул, что и верховный жрец Гелиополиса. Самого Атена иногда называют Ра, иногда Гором обоих горизонтов. Трудно высказать, что-либо решительное об этом предмете, но позволительна вот такая догадка. Может быть рефлектирующее мышление ко времени Аменхотепа пришло к полному объединению богов и к поглощению их в одном, этот бог по своим свойствам есть древний бог солнца, но Аменхотеп и многие находили неудобным оставить за ним имя Амона-Ра во 1) потому, что с именем последнего связывалось представление и о свойствах чуждых единому богу, – это теоретическая сторона, – и во 2) потому что поглощение всех богов в Амоне было бы новым торжеством жрецов Амона, могущество которых уже и так становилось опасным для царской власти. Это – практическая сторона. Подобные соображения может быть и заставили Аменхотепа провозгласить почитание в сущности тому же Амону, но только под новым именем и на новом месте. Может быть в истории развития египетской религии это был момент её наибольшего приближения к монотеизму. Мнения Шэрэ, Ленормана, что египетская религия в начале была монотеистической, и что процесс её роста был процессом её духовного падения, теперь едва ли может быть принято. Как ни возвышенны древнейшие выражения египтян о божестве, они имеют около себя факт множества богов. Между тем учение 17 гл. книги мертвых об одном, едином существовавшем сущности, принадлежит во всяком случае не первым династиям. Вот, почему позволительно думать, что процесс развития египетской религии в некоторых отношениях – не говорим: во всех – был процессом роста её метафизических или

моральных элементов. Но самый этот рост был неравномерен и неправилен. Нашествие гиксов задержало его и может быть насильственное поднятие его на кульминационную высоту Аменхотепом IV положило ему конец. В интересах жрецов было противодействовать новому культу и они добились того, что преемник Аменхотепа примирился с ними. Вскоре затем, основавший девятнадцатую династию Горемгеб официально восстановил культ, Амона. Затем идет долгий период не официального и официального господства фиванских жрецов. Временно возникает фиванская теократия, и весь Египет становится, так сказать, духовным леном. Затем Египет опять волнуют внутренние смуты и внешние враги. Новый период в жизни Египта вообще и особенно в религиозной жизни начинается с двадцать шестой династии, основатель которой Псамметих утвердил свою столицу в Саисе. Отсюда эта эпоха носит имя саисской. Псамметих утвердился в Египте, опираясь на иностранцев и с его времени в Египет устремляются евреи, греки, финикийцы. Все эти народы несут сюда свои верования и свои культуры, и семитические божества смешиваются с египетскими. Даже и греческие боги начинают проникать в египетский пантеон. Но само правительство пытается сообщить истории совсем иное течение. С религиозной точки зрения саисская эпоха есть повороты ко времени пирамид. Восстанавливаются и вводятся в употребление погребальные обряды царей четвертой династии, снова начинают употребляться древние титулы царей, религиозное искусство возвращается к архаическим формам. Но как попытка Аменхотепа поднять египетскую религию до монотеизма, так и попытка Псамметиха и его преемников вернуть ее к древним традициям кончилась крушением. Иностранцы и иностранные верования все более и более профильтровывались в некогда замкнутую страну чудес. Наконец Камбиз после завоевания Египта (525 г. до Р. Х.) принял имя Месут-Ра (сын Ра) и жрецом Учагором был посвящен в мистерии Нейт. Что это не было торжеством египетской религии, об этом свидетельствует все дальнейшее поведение Камбиза. Он убил Аписа и многократно проявлял крайнее неуважение к египетской религии. Камбиз явился и последователем и преследователем египетской религии. Он знаменует собою начало новой и важной религиозной эпохи в Египте, в котором теперь арийцы открыто вступают в сношения и связи с хамитами и семитами. Этот новый важный период может быть понят лишь после изучения, состояния арийских религий к концу VI в. до Р. Х.

3. Религия хеттеев¹³

1.

В числе защитников Трои Гомером называются $\kappa\eta\tau\tau\epsilon\iota\omicron\iota$ (Од. XI, 521), и в настоящее время многие исследователи допускают, что эти $\kappa\eta\tau\tau\epsilon\iota\omicron\iota$ были те самые $\kappa\eta\tau\tau\epsilon\iota$ – по русскому переводу – хеттеи, о которых говорит Библия, и все исследователи теперь признают, что хеттеи Библии тождественны с Кхета, или Кхата египетских памятников и кхатта или кхате ассирийских. Библия представляет их потомками Хета, потомка Хама (Быт. X, 15). Таким образом они не были ни семитами, ни арийцами. Сейс, судя по сохранившимся их изображениям, усматривает в их типе родство с монгольской расой. Как и у монголов, у них желтая кожа, черные волосы и глаза, они зачесывали свои волосы назад, образуя из них маленькую тонко заплетеную и вытянутую косу. По этой косе равно как и по их обуви с острыми носками загнутыми назад их легко узнать на памятниках. В эпоху Авраама хеттеи жили в южной части Палестины в области Хеврона, и Авраам и его сын жили среди них (Быт. XXIII и XXVI, 34), и по возвращении из Египта евреям пришлось много считаться с хеттеями.

Последние известия, которые дает о них Библия, относятся ко времени Соломона. В 2 Парал. VIII, 7–8 сообщается, что Сохранившиеся останки хеттеев Соломон сделал оброчными. С другой стороны в 3 Цар. X, 29 (ср. 2 Паралип. 1, 17) говорится, что купцы, доставлявшие Соломону колесницы из Египта, доставляли их и царям хеттейским. До 1879 г. недоумевали, как можно согласить эти два указания. Открытия и исследования Сейса разрешили недоумения. Оказалось, что хеттеи Палестины представляли собою только маленькую колонию эмигрантов прибывших с севера. Главный центр, где жили хеттеи, был в области Оронта и верховьев Евфрата, но могущество их давало чувствовать себя и в Малой Азии – от Каппадокии и Ликаонии до Лидии. Могущественное хеттейское государство соперничало порою с Египтом и Ассирией и несомненно подобно Финикии – своею восточною культурою оказало значительное влияние на Европу. В состав гиксов, именем которых обозначается совокупность племен вторгнувшихся в Египет при XIV династии, хеттеи по видимому были преобладающим элементом. Их главный бог Сутех был главным богом гиксов. По изгнании гиксов, когда самые египтяне стали совершать завоевательные походы в Азии, Тутмесу 1-му (XVIII династия) удалось получить контрибуцию с „царя великой

земли хеттов“. Его преемникам неоднократно приходилось воевать с хеттеями и об Аменхотепе III сообщается, что он заключил мир с царем Нахарина (библейский Арам, в области которого было поселение хеттеев) посредством брака с принцессой Ти. О Ти известно, что она отказалась почитать египетского Амона, и под её влиянием её сын Аменхотеп IV совершил религиозную революцию и провозгласит культ солнечного диска. На хеттейских монументах постоянно встречается изображение этого диска, и все заставляет предполагать о широком распространении его культа среди хеттеев. Когда XVIII династия сменилась XIX, преемник Горемгеба, Рамзес I заключил оборонительный и наступательный союз с Сапалелом, царем хеттейским. Рамзес II совершил блестящий поход против хеттеев. Его подвиги под стенами Кадеша-хеттейской столицы на Оронте-воспеты Пантуаром – этим египетским Гомером. Но поход однако кончился почетным договором для обеих сторон. Рамзес женился на дочери хеттейского владыки Кхета-Сира, принцессе дали египетское имя Урмаа-Ноферу-Ра, её замечательную красоту прославляли придворные летописцы. Эпоха Рамзеса II и Кхета-Сира, кажется, была самою блестящею и для Египта и для Хеттеев. Сирия стала законным владением последних. Их владычество простиралось теперь от Евфрата на восток до Эгейского моря, на запад и от Каппадокии на север до южных границ Палестины. Но вскоре их положение в последней земле стало изменяться к худшему. В Палестину вступили евреи. Книга судей (1, 23–26) рассказывает о каком-то обитателе Луза, который показал евреям вход в этот город и сам бежал к хеттеям. Очень может быть, что он сам был хеттеянином. Евреи вытесняли хеттеев, но последние долго сопротивлялись. Некоторый элемент хеттеев должно быть вступал в состав Израиля и растворялся в нем; об этом свидетельствует история Урии хеттеянина (2цар. XI). Другая часть пыталась отстаивать свою независимость. Иерусалим, или Иевус так долго не сдававшийся израильтянам, по видимому был образован и составлен в значительной части хеттеянами. На участие хеттейского элемента в образовании Иерусалима указывает прор. Иезекииль, когда говорит: „отец твой – Аморрей, и мать твоя – хеттеянка“ (Иезекииль XVI, 3, 45). После того как самостоятельность хеттеев была совершенно уничтожена в Палестине, может быть остаток их по примеру предателя эпохи судей удалился на север. Но с этого времени и на севере слава хеттеев стала меркнуть. Рамзес III (второй царь двадцатой династии) нанес сильное поражение хеттеям, и с этих пор Кадеш исчезает из истории и хеттеи из иероглифических записей. Но сведения о них доставляют ассирийские монументы.

Столицей хеттеев с этой поры является Кархемиш – город в области верховьев Евфрата, в шести часах пути от реки. Здесь они вели борьбу с ассирийцами и сирийцами. Как видно из документов, хеттеи долго отстаивали здесь свою самостоятельность. Сначала войны их кончались контрибуциями, более или менее почетными договорами, их относительному благополучию помогало неустойчивое положение их соседей, то затмевался блеск Ассирии, и возвышалась Сирия, то снова усиливалось могущество Ассирии. Однако в VIII стол, могущество последней оказалось для Кархемиша непреодолимым. В 717 г. Кархемиш был взят армией Саргона, и последний царь Кархемиша Пизири стал ассирийским пленником. Таким образом здесь хеттейское царство погибло почти одновременно с израильским. Но часть хеттеев еще в течении двух столетий после этого сохраняла самостоятельность в Малой Азии. Судьбу их отчасти можно проследить по Геродоту и Страбону, которые называют их сирийцами, но относительно которых оставленные ими на местах поселения памятники не допускают сомнения, что они были хеттеями. Конец самостоятельному существованию хеттеев положил здесь Крез, царь лидийский, сам вскоре после этого потерявший царство в борьбе с Киром. С этого времени нигде не является никаких следов существования хеттеев.

2.

При современном состоянии знания можно представить только некоторые обрывки из того, что составляло совокупность хеттейских религиозных верований. Без сомнения, эти верования изменялись не только по эпохам, но и по местам жительства хеттеев. Без сомнения, верования эти давали ответы на все вопросы, которые предлагает религиозная любознательность: какие существуют боги и духи, как почитать тех и других, как приобретать их расположение, узнавать их волю, как вообще должно вести себя? Должны были быть, конечно, и какие либо космогонические и эсхатологические сведения. Но в наших руках имеются пока лишь отрывочные документы и косвенные указания. Воссоздать религию хеттеев пока нельзя, но уже о многом и важном, касающемся этой религии, можно составлять суждения, имеющие за собою по видимому достаточные основания.

Важным документом для суждения о хеттейской религии, равно как и для изучения политической истории хеттеев, является договор Хета-Сира заключенный с Рамзесом II. Этот договор был начертан на серебряных досках, а копия с него помещена на южной стене карнакского ипостыля.

Вот его перевод: „В двадцать первый год, в месяц Тиби, в двадцать первый день месяца, в царствование царя Рамессу-Мей-ямун, вечно и всегда подающего жизнь, почитающего божество Амона-Ра, Гармонеса, Пта, жену Мут озера Амера и Хонса, в царствование царя любящего мир было публичное собрание. Царь возсел на троне Гора среди живых, подобный своему отцу Гармакису в вечности, в вечности на всегда. В этот день царь был в городе Рамзеса, принося свои жертвы мира своему отцу Аммону-Ра и богам Гармакис-Туму, Пта, Рамессу Мейямун и Сутеху, могущественному, сыну богини неба Нут, чтобы они дали ему бесчисленные счастливые годы и покорение всех народов под ноги его навсегда. Тогда приблизился посланник царя и Адан (из его дома, по имени... и он представил посланников) великого царя Кхета Кхеты-Сирз, которые были посланы к фараону, чтобы предложить дружбу царю Рамессу-Мей-ямун, вечно и всегда подающему жизнь, как его отец бог солнца (подает ее) каждый день. Вот какое содержание серебряной таблицы, которую приказал сделать великий царь Кхета Кхета Сира и которая была поднесена фараону рукою его посланника Тартисебу и его посланника Рамеса для того, чтобы установить дружбу с царем Рамессу-Мейямун, быком между князьями, устанавливающим свои границы во всех землях там, где ему угодно. Договор, который был предложен великим царем Кхета Кхета-Сирою могущественным, сыном Мор-Сиры могущественного, сыном сына Сапалеля, великого царя Кхета, могущественного, (предложен) на серебряной таблице Рамессу-Мейямун, великому владыке Египта, могущественному, сыну Менепта-Сети, великого владыки Египта, могущественного, сыну сына Рамессу 1-го великого царя Египта, могущественного, добрый договор о дружбе и согласии, который укрепил мир (и установил согласие) на время более долгое, чем когда либо. Установили на основании этого договора великий владыка Египта и великий царь Кхета: да не допустит Божество, чтобы возникла между ними вражда. Известно, что во время Мотала великий царь Кхета мой брат вел войну с Менепта-Сети, великим владыкой Египта. Но теперь, начиная с сего дня, Кхета Сира, великий царь Кхета, будет охранять этот договор, чтобы могло существовать соглашение, которое создал бог Ра, которое создал бог Сутех между народом египетским и народом Кхета, чтобы не было между ними вражды никогда“. Согласно договору цари Кхета и Египта обязывались не переходить с своими войсками границ друг друга, не начинать войны в случае каких либо недоразумений, поддерживать своими войсками друг друга в борьбе с врагами (при нашествии врага на Египет египетский царь может сказать

хеттейскому: приди, сделай меня сильнее врага, тоже самое в подобном случае может сказать и царь Кхета). Рамессу и Кхета-Сира обязались выдавать беглецов. „Когда этот договор станет известен обитателям Египта и Кхета, тогда они да не осмелятся нарушать его, потому что все то, что написано на серебряной таблице договора одобрено союзом богов, божествами мужскими и женскими, божествами земли египетской. Они свидетельствуют за меня о твердости этих слов, которые они одобрили. Вот список богов земли Кхета.

- 1) Сутех города Тунепа (теперь Тенниба в северной Сирии).
- 2) Сутех города Кхета.
- 3) Сутех города Арнема.
- 4) Сутех города Царанда.
- 5) Сутех города Пилька.
- 6) Сутех города Кхизазара.
- 7) Сутех города Сарту.
- 8) Сутех города Кхилип (Алеппо).
- 9) Сутех города .....
- 10) Сутех города Сарпина.
- 11) Астарта страны Кхета (Астарта==Антарата).
- 12) Бог страны Цаиять–Кхири.
- 13) Бог страны Ка.....
- 14) Бог страны Кхер.....
- 15) Богиня города Акх.....
- 16) (Богиня города.....) и страны А....ца.
- 17) Богиня страны Цаина...
- 18) Бог страны. ....Натх....ер.

Я призвал эти мужские и женские божества страны Кхета, этих богов страны, как свидетелей моей клятвы. Вместе с ними находятся мужские и женские божества гор и рек земли Кхета, боги земли Кацуадана, Аммон, Ра, Сутех и мужские и женские божества египетской страны, земли, моря, ветров, бурь. Тот, кто не будет хранить содержащихся в серебряной таблице определений относительно народов Кхета и Египта, тот будет представлен мщению богов Кхета, будет представлен мщению богов Египта, (он), его дом и его служители. Но тому, кто будет исполнять определения содержащиеся в серебряной таблице –будут ли они касаться народа Кхета или египетского, за то, что он не пренебрег этими определениями, боги земли Кхета и боги земли египетской воздадут ему награду и сохранят его жизнь ему и служителям и тем, которые с ним и с его служителями. Если какие либо жители Египта или два или три жителя

убегут и явятся к великому царю Кхета, (великий царь Кхета) не позволит (им остаться, но) он выдаст их и отошлет к Рамессу-Мей-ямун, великому владыке Египта. Теперь, что касается египетского поселенца, который выдан Рамессу-Мей-ямун, великому владыке Египта, его вина не будет наказана в его лице, его дом не будет у него отнят, ни его жена, ни дети (не осудят на смерть его мать, и он не будет наказан ни повреждением глаз, ни рта, ни по подошвам), ни в каком преступлении его не будут обвинять; точно также если поселенцы страны Кхета убегут один, два или трое и если они явятся пред Рамессу-Мей-ямун, великим владыкой Египта, великий владыка Египта Рамессу-Мей-ямун прикажет их схватить и выдать великому царю Кхета. Тому, кто будет выдан, его преступление не будет вменено, его (дом) не будет у него отнят, ни его жены, ни его дети, ни его люди, его мать не будет осуждена на смерть, он не будет наказан ни повреждением глаз, ни рта, ни по подошвам и никакое обвинение не будет возбуждено против него. Изображение, помещаемое по середине этой серебряной таблицы, есть изображение бога Сутеха окруженное надписью: „вот – изображение бога Сутеха, царя неба и (земли)“. При заключении трактата, который сделал Кхета-Сира, великий царь Кхета...

Как видно из приведенной таблицы, главным божеством хеттеев был Сутех (чтение последнего слога проблематично). Подобно тому как у язычников семитов один и тот же Ваал дробился на Ваала Тирского, тарского, так и Сутех носил многие *nomina appellativa*, которые как бы раздробляли его на множество отдельных богов отдельных городов, но в сущности он оставался одним и тем же Сутехом. Должно полагать, что качества, которыми хеттеи наделяли этого бога, отвечали в общем идеальным требованиям, которые предъявляли к божеству культурные соседи хеттеев. В эпоху владычества гиксов Сутех был довольно благосклонно принят в Египте, хотя потом его в Египте стали смешивать с Сетом. Весьма вероятным представляется, что Сутех являлся у хеттеев богом солнца. Но это не исключает того, что он имел свойства не только солнца и с другой стороны, что хеттеи почитали и других богов солнца. В Киликии уже в греко-римскую эпоху был какой то бог Ρω или Ρως. Думают, что он был хеттейским, но название его отождествляют с египетским Ра – солнце, полагая, что египтяне сблизили какое то солнечное хеттейское божество с своим отцом богов Ра. Хеттейские божества имели свои женские половины, таковую имел и Сутех. Но кроме этих богинь являвшихся пассивными сторонами своих могущественных мужей, у хеттеев были могущественные богини. Договор Рамзеса II и Кхета Сиры упоминают несколько богинь, но называют только одну –

Астарту или Антарату. Имеются еще другие имена богинь. Считают вероятным, что после эпохи Рамзеса II культ Сутеха стал отступать на задний план перед культом великой богини. У хеттеев были так называемые священные города (Кадеш прямо значит священный, святой). Оказывается, что на пути завоеваний и владений хеттеев было много городов посвященных „великой богине“. Так, в Каппадокии весь город Комана был посвящен культу богини, которая носила здесь имя Ма. Ей служили здесь 6000 жрецов и жриц, городом управлял абакль, или главный жрец. Подобные города, посвященные культу богини были во многих местах Малой Азии. Так, в Пессинунте во Фригии, где богиня представлялась окруженную львами и пантерами, весь город управлялся галлами, т. е. жрецами – евнухами. Греческая легенда об амазонках несомненно имеет свое происхождение в хеттейском культе. Амазонкам приписывали построение многих знаменитых городов Малой Азии – Смирны, Ефеса. Эти амазонки были на самом деле жрицами великой богини Азии. Хеттейские армии занесли их культ сюда из Кархемиша. При храме, который посвящали богине, создавали обширный институт вооруженных жриц и жрецов – евнухов. Так было в Комане, так было в Ефесе. Главная жрица называлась здесь пчелой царицей. Когда Ефес попал в руки греков, богиню отождествили с греческой Артемидой, и верховный жрец занял место главной жрицы, но жрица Артемиды продолжала, носить имя пчелы (семитическое: Девора) и богиню продолжали представлять под тою формою, которую усвоили ей хеттеи. Ее представляли в короне хеттейского стиля (бока короны поднимались стенами), представляли, что её колесница запряжена львами, её священным животным стала коза. Комана в Каппадокии и Ефес на берегах Эгейского моря рассматриваются, как типические образцы священных хеттейских городов. Все население этих городов представляло собою служителей богини. В центре города помещался храм. Главным лицом в городе был верховный жрец. Представитель власти светской стоял на втором месте. Священный город весь был тем, чем обыкновенно являлся храм, – местом неприкосновенности личности в известных случаях. Священные города были городами убежища. Убийца, переступивший ограду города, был здесь неприкосновенен для родовой мести. Могли здесь находить спасение и политические преступники и должники. В ту суровую эпоху, когда рядом с величайшею безнаказанностью малейшие нарушения сурового права могли влечь за собою смертную казнь, эти города были, так, сказать, нравственными оазисами, где не допускалось пролитие крови и где налагалось табу на возможность дикой расправы с

врагом.

Богиня Кархемиша, культ которой распространился в Малой Азии, сначала носившая имя Антараты или Астарты, потом стала называться Атхарати. Это имя греки преобразовали в Атаргатис и Деркетто (Δερχέτω). Греки представляли Деркетто матерью ассирийской царицы Семирамиды. Семирамида была вскормлена голубями, сначала была женою правителя Сирии, затем женою ассирийского царя Нина и после его смерти заняла ниневийский престол. С её именем связывают создание культуры, основание городов, все грандиозные постройки и великие походы. Свою жизнь Семирамида кончила тем, что превратилась в голубя. История Семирамиды есть в сущности греческое искажение ассиро-вавилонского мифа об Истар. Семирамида, это – Истар. Деркетто или Астарта или Астароф в сущности тоже самое, мать тождественна с своей дочерью. В Палестине эта богиня называлась Аштарот-Карнаим. Это название показывает, что между хеттейской и вавилонской богинями существовало различие по отношению их к небесным светилам. Истар была богиней Венеры, Аштарот или Деркетто богиней луны. Греческие легенды представляют Деркетто мало отвечающею понятно великой богини, то ее представляют супругою лидийского героя Кайстера, то жертвою лидийца Монса, который утопил ее в священном озере Аскалона. Но это уже не хеттейские сказания. Несомненно, что в представлении хеттеев Атхароти, как и вавилонская Истар, была снабжена своим Таммузом. В Сирии бог, игравший роль Таммуза, назывался Ададом, его отождествляли здесь с Риммоном. Так, и пророк Захария (XII, II) говорит о трауре по Адад-Риммоне в магеддонской долине. В Пераполисе и Анепе его также называли Адад или Дади, но во всей Малой Азии он носил имя Аттиса – пастуха блестящих звезд. Миф об Аттисе отличается от сказания о Таммузе. О нем рассказывается, что он произошел от бога неба и матери земли. С ним совершился целый ряд различных превращений. Он был гермафродитом, миндальным деревом, от которого наконец его родила дочь ручья. Красота юного бога пленила мать богов. Атхарати (тоже самое – Цибела, Диндимена) полюбила его и в своей ревности обрекла безумно. По одной версии Аттис сам оскотил себя, по другой, уже будучи любовником богини, он был оскотлен и убит другими. Как у вавилонян культ Таммуза, так у хеттеев и затем вообще у народов Малой Азии культ Аттиса распадался на два различных момента: оплакивалась его смерть и ликовали по случаю его воскресения. Культ его имел оргиастический характер. На хеттейских памятниках этот бог обыкновенно изображается в виде юноши позади великой богини; как богиня, так и он обыкновенно

представляются стоящими на льве или на пантере.

Были еще у хеттеев боги Тар или Тарку, Мауру, Кауи, Хепа. Тарку в Киликии и Лидии был известен под именем Сандана. Его изображение на медалях называли тарским Ваалом. Представлялся он на рисунках и барельефах в остроконечной Паре украшенной рогами, в короткой тунике и в характерной хеттейской обуви с острыми загнутыми назад носками. Тарку был несомненно богом солнца, отсюда его позднейшее смешение с Ваалом. Был бог Тисбу или Тушпу, функции его отождествляют с функциями ассиро-вавилонского Раммана, т. е. считают его богом гроз и бурь. Надо полагать, что хеттейским богом был Касиу, откуда явился потом греческий Зевс касиос. Хеттейские боги в общем имели дикий и воинственный характер. Из договора Кхета-Сиры с Рамзесом II видно, что все области, стихии имели у хеттеев своих богов. Как у других народов, у них была развита вера в духов, которые посылали бури и облака, жили в морях, реках, источниках, на горах и в лесах. Почитались небесные светила – солнце и луна. Изображения крылатого солнечного диска были часты. Почитались у хеттеев животные. Не говоря об изображениях львов, пантер, быков постоянно встречающихся на их памятниках религиозного характера, от них сохранились изображения быка стоящего на алтаре (см. у Perrot, Hist. t. IV p. 667–668), к которому приближаются лица в молитвенных позах. Почитались и птицы. Есть основания думать, что в Кархемише существовал культ орла. Солнце – царь неба, орел – птица неба. Весьма естественно в последнем видеть символ первого. Замечательно, что у хеттеев существовали изображения двухглавого орла. Только изображения эти очень загадочны и сохранились в несовершенном виде. Так, имеется такое изображение: орел держит каждую из своих лап какое то животное (см. у Perrot 682. ср. у Sayce, Hist, 87) – как будто зайца, на головах орла кто то поставил свою ногу в хеттейском башмаке, но кто неизвестно, так как верха изображения нет. В древних мусульманских Преданиях есть сказание о каком то фантастическом животном Хамса, черты которого отвечают изображению хеттейского орла найденному в Каппадокии. На монетах турецких князей, владычествовавших на среднем Евфрате и в Сирии изображался Хамса – двухглавый орел и, по свидетельству путешественников, он был их гербом. Но трудно установить связь и выяснить происхождение этих изображений.

Из неодушевленных предметов несомненно у хеттеев было развито почитание ашер и бетилей. По видимому теперь можно считать выясненным, что такое ашера. Они стоят в прямой связи с культом fallus'а. Слово это часто встречается в книгах ветхаго завета и было переводимо

словом „дубрава“. Так, в нашей славянской библии о Манассии говорится: и постави изваяное дубравы в храме (4цар. XXI, 7). В русской библии переведено: „и поставил истукан Астарты“. На первый взгляд должно представиться, что преимущество имеет русский текст. Что это за изваяние дубравы? На самом деле русский перевод, давая неверный комментарий темного места подлинника, совершенно отрезывает путь к правильному пониманию повествования, между тем как приведенный текст славянский и соответствующий ему греческий при сопоставлении с данными о культах еврейских соседей, кажется, выясняют дело. Дубравы были местом оргиастического культа Ашеры или Астарты. В дубравах, конечно, имеются деревья с прямым стволом, в странах южных такие прямые стволы без ветвей у многих пальм, которые ветвятся лишь вверху, встречаются постоянно. Прямой ствол дерева очень удобный символ для fallus'а. Ашеры и были эти прямые стволы деревьев служившие предметом почитания. Несомненно их впоследствии имитировали, т. е. изваявали из металлов или вырезывали и вылепляли скульпторы. В памятниках Кархемиша находятся такие символы, рядом с ними обыкновенно помещается изображение полумесяца и очень часто на этот символ помещаемый на изображении вверху указывает рука, как на важнейшие предметы поклонения. При таком понимании ашер понятно то отвращение с которым говорят о них священные писатели и понятно различие смысла этого слова в различных местах их книги. Другим предметом почитания у хеттеев были бетили (греческ. σβαίτουλς несомненно семитического корня bêth – êl, финикийское bêth – êl, сирийское beto aloho) Бетили, это – священные камни, главным образом, должно полагать, аэролиты. „Я видели бетиль, летящий по небу“, говорит Дамасций (род. около 470 г. по Р. Х. см. у Фотия, Библиот. код. 242 стр. 348 изд. Беккера). В фрагментах Санхошатона (время происхождения проблематично) Уранос (Шама – небо) изобретает и производит бетили, и Бетиль есть сын Ураноса. Необыкновенным почитанием пользовался аэролит в фригийской области Цибелы, из Пессинунта где почиталась хеттейская богиня, камень был перенесен в Рим. Он был черный, неправильной формы с острыми углами (таковы обыкновенно аэролиты) и настолько маленький, что его могли вставить в рот статуи богини. С введением культа матери богов в Греции одновременно, кажется, стали почитать и бетили. Так Пиндарь, увидев камень падавший с неба в пламени и с шумом, посвятил его „матери богов“. Псевдоплутарх говорит об одном роде камней, которые находили в Малой Азии в реке Сагарисе и которые считались священными, потому что в них был виден тип матери богов. Любопытно еще выясненное в

последние годы мистическое почитание у хеттеев равностороннего треугольника. Полагают, что эта скромная геометрическая фигура считалась источником могучей силы, даже источником жизни. Изображение равностороннего треугольника помещалось на печатях и к нему присоединяли еще другие образы. Иногда в треугольнике помещались глаза; изображения треугольников имеются из разных мест, некоторые из треугольников снабжены головою. Интересный отпечаток хеттейской печати имеется в Лувре. Основание треугольника закруглено книзу, что, может быть, выражает полноту божественной силы, струя которой исходит из одного конца треугольника, или внимание к обращающемуся с мольбой поклоннику, так как здесь изображена рука протянутая с мольбой.

3.

Хеттейских храмов не сохранилось. Существуют все основания полагать, что многие религиозные церемонии, жертвоприношения, вообще многие элементы культа хеттеев не нуждались в храмах, а скорее в высотах и дубравах. Однако, несомненно, были у них и храмы. В скале Иазили-Каия в Каппадокии найдены и исследованы хеттейские барельефы, которые не только с несомненностью утверждают в мысли, что хеттеи имели храмы, но и дают возможность составить некоторое представление об этих храмах. У Лушана самосатского в его сочинении о сирийской богине описывается храм в Мабогге II века христианской эры. Мабогг сменил собою Кархемиш, и описание мабогского храма сделанное Лушаном прямо нас вводит в Кархемишский, хеттейский культ. Храм возвышался в самом центре города. Он имел внешний двор и внутреннее святилище, в котором находилось еще святое святых. В последнее могли входить только верховный жрец и те из его сослуживцев, которые считались наиболее близкими к божеству. Храм был построен на обширной искусственной платформе, имевшей 12 футов, высоты, во внутренности стены, плафонд и обе створки дверей блистали золотом, святое святых отделялось от остальных частей здания только завесой или покрывалом. С каждой стороны входа возвышались высокие колонны, суживавшиеся кверху на подобие конуса. Они были символом богини плодородия. Во внешнем дворе помещался медный жертвенник, на лево от него идол богини; Лушан называет эту богиню Семирамидою, но у хеттеев эта богиня, очевидно, Антарата, Астарата или Атарата, не вдалеке от

неё было озеро с священными рыбами. На дворе были, кормились и служили предметом усердных почитаний быки, лошади, орлы, медведи и

львы, как посвященные различным почитаемым божествам. При входе в храм на лево возвышался престол солнца, но на этом престоле не помещалось статуи, так как солнце и луна, единственные между божествами, не имели изображений, которые были бы им посвящены. В храме были статуи различных божеств, между ними одна, которой приписывали дар чудес и пророчества. Рассказывали, что иногда статуя эта двигалась с места единственно силою своей воли, и если жрецы не ставили ее обратно на место, она начинала выдвигаться наружу. Тогда жрецы поднимали статую руками и она вела их из одной части храма в другую, между тем верховный жрец, стоя перед нею, делал ей вопросы, на которые она отвечала условным образом, направляя вперед тех, кто ее нес. Главным предметом почитания в храме были золотые статуи двух божеств. Дутан отождествляет их с Герой и Зевсом греков, но нет оснований сомневаться, что это была великая мать и Аттис. На голове богини, по описанию Дутана, помещался золотой голубь, символ Семирамиды, Истар, Астарты, она вся блистала драгоценными камнями, в руках держала скипетр, на голове её была стенная корона, как у хеттейских богинь в каппадокийской Птерии. Помещалась она на львах, а её супруг – на быках. Так обыкновенно изображаются хеттейские божества. Барельефные изображения в Иазили-каия (теперь эта местность Капподокия носит имя Башац-кеи, но имеются твердые основания отождествлять ее с Птерией Геродота (см. Герод. Истор. 1, 16) подсказывают вывод, что в помещениях храмов были ниши, в которых может быть хранились ковчеги и иные священные принадлежности. Вне храмов у хеттеев воздвигались сфинксы. Такие сфинксы найдены в Башац-кеи. Как стражи, они стоят пред дворцом. Сфинкс – египетское понятие. Это существо с человеческой головой и львиным туловищем. Такому определению удовлетворяют и хеттейские сфинксы, но сравнительно с египетскими они однако представляют много особенностей. Найденные сфинксы выбиты в двух громадных камнях (более двух сажень высоты) так, что они имеют только переднюю сторону, египетские сфинксы – законченные скульптурные произведения. Египетские сфинксы всегда имеют лежащее положение, сфинксы хеттейские стоят. Отмечают еще сравнительно с египетскими в хеттейских сфинксах особенности в помещении ушей (у хеттейских – на нормальной высоте, у египетских – выше нормальной), в куафюре, в украшениях.

Институт жрецов и жриц, как уже видно из изложенного, был у хеттеев очень велик. Несомненно, что в некоторых священных городах управление приближалось к теократическому. Уже когда

распространялось христианство и не осталось и имени хеттеев, мы видим, в Ефесе культ хеттейской богини под именем Артемиды пользовался великим вниманием и предполагалось, что все знали, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета (Деян. XIX, 85, о Диопете ничего неизвестно. В греческой мифологии встречается сомнительное имя Диолос. Может быть Диопет при Артемиде был тоже, что Аттис при великой матери). Особенный и высший класс жрецов представляли евнухи. При ефесском храме были еще и обрезанные. Насколько потеря мужской силы связывалась у хеттеев с принятием служения богини видно из мифа об Аттисе, о котором по одной версии повествуется, что он, лишив себя производительной силы стал первым и верховным жрецом любившей его богини. Жрецы и другие священные служители при праздничных церемониях иногда разрезывали себе руки, бичевали друг друга. Так, на этих праздниках рядом с страшными оргиями и разгулом шло кастрирование и самоистязание.

В жертвы приносились различные животные. Козы и бараны были самыми обычными жертвами. Торжественную и добрую жертву, представляли быки. Только свиней было запрещено приносить в жертву и не дозволялось употреблять в пищу свиное мясо. Свиньи у хеттеев трактовались как нечистые животные. Обыкновенно после того, как желавший принести жертву приводил животное к храму, его отводили обратно к дому жертвователя и там закалывали. Иногда животное умерщвляли иным способом, именно бросали его на двор с высоты портика. Таким способом хеттеи приносили в жертву детей. Их закутывали в звериные шкуры и родители низвергали их сверху, крича, что это не их дети, а быки.

Имеются указания относительно некоторых праздников, которые по видимому справлялись хеттеями. Можно полагать, что мабогские празднества II в. по Р. Х. имели свое основание в хеттейских верованиях и установлениях. Два раза в год в Мабоге праздничная процессия отправлялась к расщелине скалы, находившейся под храмом: в эту расщелину, говорили, стекли воды потопа и в нее лили морскую воду. По видимому на эту расщелину указывает Мелитон сардийский (около 170 г. по Р. Х.), когда говорит, что богиня Сими, дочь высшего бога Адада (Адад-Дади), положила конец нападениям демона, наполнив морскою водою расщелину, в которой он жил. У Лукиана на место демона поставлен потоп. Празднование окончания потопа около Кархемиша хорошо согласуется с тѣм, что около Кадеша найдено местечко (майором Кондером), носящее имя „ковчег пророка Ноя“, в том местечке протекает

ручей называемый Таннур или Фур, откуда по вере мусульман вытекли воды потопа. В Мабогe на праздники, которых было не мало, стекались пилигримы из самых различных стран – Аравии, Палестины Каппадокии, Вавилонии и даже Индии. „Человек приходивший в первый раз в Мабог (Мабог – сирийское название, греки называли этот город просто священным – Иерополис, как и во Фригии назывался Иерополисом город где почиталась Дибела), брил себе голову и брови. Принеся в жертву овцу, он разрезывал на куски мясо и устраивал пир. Шкуру расстилал на земле, становился на колена, голову и ноги жертвы возлагал на свою голову, в тоже время заклинал богов принять его жертву, обещая в будущем принести еще лучшую. Потом он и совершавшие с ним путешествие увенчиваются венками. Затем, сложив венок, он отправляется в путь, тщательно заботясь о том, чтобы для питья и омовений употреблять только холодную воду и стараясь спать всегда на жестком ложе, потому что запрещалось спать в постели до окончания паломничества и возвращения в собственный дом. Барельефы Иазили=каия знакомят с праздничными религиозными церемониями, которые имели место в Штерии. Храм, может быть главное святилище птерийцев (исследование и толкование Перо), находился на горе. Около храма без сомнения была священная роща. Сюда раза два или три в год в праздники соединенные с переменою времен года выходило все городское население в праздничных одеждах. Толпа выходила из города чрез большие ворота, предводимая князьями, жрецами и жрицами. Достигнув горы, они медленно взбирались по её бокам, и когда вершина была достигнута, представители племени отправлялись к храму, где жрецы приносили жертвы, а толпа рассеивалась по роще, под тенью деревьев, по лужайкам, под навесами скал. Народ проводил здесь весь день. Пили, ели, плясали, играли, на музыкальных инструментах и пели. Так обыкновенно праздновались панегирии на востоке. На них собирался народ из окрестных селений. Обыкновенно такие празднества, подобные которым существуют и теперь, связываются с ярмарками.

Что думали хеттеи о загробной жизни, как рисовали они себе „по ту сторону бытия?“ На это нельзя дать прямого ответа. Позволительно высказать догадку, что учение о загробном существовании у них было развито более, чем у некоторых их семитических соседей. По своим верованиям и именно в области верований они приходили в соприкосновение с египтянами, но у египтян учение о существовании за гробом было краеугольным камнем веры. Не далеко от Башац-каи найден некрополь по видимому хеттейский. В скале расширена естественная трещина, из неё сделано нечто в род портика поддерживаемого тремя

толстыми и короткими колоннами. Налево и направо от портика погребальные комнаты. Левая комната отделана и украшена гораздо богаче. Её окно разукрашено, между тем как окно правой представляет просто четырехугольное отверстие. В ней устроено в роде алькова погребальное ложе, выбитое в массе скалы. Исследование открывает, что в этой скале и в других, устраивались жилища и для живых, но во всяком случае для умерших отделяют и обставляют удобные жилища лишь там, где предполагают, что со смертью не все кончается для умершего. Любопытно, что нередко на хеттейских рисунках встречается изображение лестницы (см. Perrot. p. 671). Конечно для того, чтобы взбираться на горы, нужно выбивать ступени и делать лестницы, но не намекают ли лестницы хеттейских барельефов на другую идею? Если хеттейский сфинкс, как ни как, все таки имеет связь с египетским, то не имеет ли и хеттейская лестница связи с лестницею египетских гробов. У последних, как мы знаем, лестница должна была вести умерших из мира людей в мир богов, не имела ли подобного назначения и хеттейская лестница?

4.

Выше было показано, что новейшие исследования о хеттеях разрешили одно из недоумений вызываемых библейским текстом. Очень может быть, что дальнейшие исследования о хеттеях окажут еще не мало услуг библейскому экзегезису. Хеттеи близко соприкасались с евреями, и соприкосновение это, несомненно, происходило и на почве религиозной. Библия не один раз рисует хеттеев светлыми чертами. Так, Хеттеи говорили Аврааму: „ты князь Божий, среди нас“ (Бытия 23:6) и были готовы задаром уступить ему лучшее из погребальных мест для погребения Сарры. И Ефрон хеттеянин отдавал задаром свое поле и пещеру для погребения Сарры. Авраам, о котором не говорится, чтобы он преклонился пред народом египетским или филистимским, кланялся сынам хеттейским. Много столетий спустя на сцену Библейской истории снова выступает хеттеянин, и нельзя сказать чтобы при взаимных отношениях этого хеттеянина и народа Божия нравственное превосходство было на стороне последнего. Хеттеянин этот Урия. Он представляется ревностным исполнителем религии Израиля, не допускающим мысли, чтобы можно было спать в доме и наслаждаться радостями и удовольствиями семейной жизни, когда ковчег Божий находится в поле (2 Цар. XI). В библии есть еще важное указание относительно хеттеев. Оказывается, что в состав некоторых хеттейских имен входило слово

Иегова – наименование Бога израилева. Так, в Библии рассказывается, что, когда Давид разбил сувского царя Адраазара и Сирийцев, Фой, царь Имафа, т. е. хеттейский, послал „Иорама, сына своего, к царю Давиду, приветствовать его и благодарить его за то, что он воевал с Адраазаром и поразил его; ибо Адраазар вел войны с Фоем. В руках же Иорама (в еврейском и LXX наименования нет) были сосуды серебряные, золотые и медные. Их также посвятил царь Давид Господу, вместе с серебром и золотом, которое посвятил из отнятого у всех покоренных им народов“ (2, Цар. VIII, 10–11). В кн. Ларалипоменон (1, XVIII, 10) имя посла Фоева несколько изменено (в русском тексте стоит также Иорама). Может быть транскрипция кн. Паралипоменон есть результат описки. Во всяком случае писатель книги царств очевидно, допускал возможным в состав хеттейского имени вводит слово Иегова. Некоторых ученых это короткое сообщение библии заводит очень далеко, они говорят на основании его даже о несемитическом происхождении имени Иегова, но во 1) Иегова весьма удобно производится от семитического יְהוָה – быть, во 2) в состав еврейских имен имя Иеговы входило с древнейшего времени (наприм., Иохаведа, мать Моисея Исх., 6:20). Сопоставляя имя, хеттейского Иорама с его миссией естественнее всего предположить, что не находившие предосудительным уважать евреев хеттеи, не находили предосудительным почитать и их бога. До относительно того, какого рода было это почитание, как они смотрели на Иегову, нельзя дать ответа, который опирался бы на серьезные данные. Некоторые (наприм. Ленорман) готовы видеть в основе религии хеттеев монотеизм и называют единым богом хеттеев Седа или Сета, откуда производная форма – Сутех. Что у хеттеев Сутех имел преобладающее значение, это бесспорно, но бесспорен, также факт их политеистических и полидемонических верований. Самое признание ими Иеговы богом без внесения каких либо изменений в своем религиозном строе скорее подтверждает факт их политеизма. Иегова не поставляется на место прежних богов, но присоединяется к ним, как новый член многочисленной божественной семьи. Что практически хеттеи были политеистами, это бесспорно, но не возвышались ли они теоретически до монотеизма? Из истории египетской религии мы знаем, что там под влиянием хеттейской принцессы Ти была сделана попытка заменить различные культы культом единого Атен, из истории ассирийской религии мы знаем, что гораздо позже под влиянием принцессы Саммурат Рамманирари III пытался культы богов заменить культом единого Небо. Не была ли Саммурат хеттейского происхождения? Ея имя сближают с именем Семирамиды. Семирамиду называют дочерью

Деркетто, и культ обеих под иными названиями мы находим у хеттеев. Мы стоим здесь перед рядом вопросов, ключа для решения которых не дает современное знание.

Можно указать еще несколько пунктов сближения в религиозных сказаниях и культе у хеттеев с евреями. Так, сообщения Лукиана о мабогском храме заставляют думать, что у хеттеев существовало предание о потопе, и, что представляет особенный интерес, это предание у них подало повод к созданию особого религиозного торжества. В богооткровенной религии событие о потопе не увековечено в культе, как не увековечена в культе и гибель Гоморры. Эти события не дают материала для празднования, гибель нечестия не должна вызывать и скорби. В институте жрецов выделялся у хеттеев верховный жрец подобно еврейскому первосвященнику, но он был не один у всех хеттеев. Как это имело место в еврейском народе, а один в каждом священном городе. Полагают, что у хеттеев были ковчеги, но это вероятно нечто аналогичное египетским или ассириовавилонским. В их храмах указывают святое святых, отделявшееся завесой от соседней части Храма. У них были по праздникам паломничества в святые города. Как и евреи, они считали свиней нечистыми. Любопытное сходство между хеттеями и евреями открывается в практике городов убежища. Евреи отделили Кедес в Галилее на горе Неффалимовой, Сихем на горе Ефремовой, и Кириа-Арбы, иначе Хеврон на горе Иудиной; за Иорданом против Герихона к востоку, отделили: „Бецер в пустыне, на равнине, от колена Рувимова, и Рамоф в Галааде от колена Гадова, и Голан в Васане от колена Манассиина: сии города назначены для всех сынов израилевых и для пришельцев, живущих у них, дабы убежал туда всякий, убивший человека по ошибке, дабы не умер он от руки мстящего за кровь, доколе не предстанет пред общество“ (на суд. Ис. Нав. XX, 8–9 ст. определения закона о городах убежища см. числ. XXXV, 9 и след. до конца; Второзак. XIX, 1–13). Это-те города, в которых некогда жили хеттеи и аморреи. Кедес (Кадеш) и Хеврон были местами хеттейских колоний. О Сихеме имеется свидетельство, что он некогда принадлежал аморреям (Быт. XLVIII, 21–22). Восток от Иордана вообще был занят долго аморрейскими племенами. Но аморреи и хеттеи представляются в Библии связанными дружественною родственною связью. Они оказываются живущими в одних и тех же местах и действующими совместно. „Отец твой – Аморрей, и мать твоя – хеттеянка“ (Иезек. XVI, 2 и 45), говорит пророк о Иерусалиме. Этнографически аморреи далеко не похожи на хеттеев. В библейских описаниях (Ам. 11, 9) аморреи являются красивыми и рослыми, хеттеи на всех памятниках представляются

некрасивыми до каррикутуры. Но политически они, видно, сближались между собою в Палестине почти до полного братства. Аморреи были жителями гор и города убежище евреи выбирают на горах. Нет ничего трудно допустимого в том положении, что евреи при вступлении в Палестину назначили местами убежища те города, которые и ранее их у предшествовавших им поселенцев служили той же цели (мнение это принадлежит Сейсу). Нередки были случаи, что языческие храмы превращались в христианские. Нет ничего предосудительного и в том, что города приспособленные для доброй цели хеттеями и аморреями, были приспособлены к той цели и Израилем.

Кто вздумал однако бы проводить параллель между ветхо-заветной религией и хеттеями далее и захотел бы усматривать сходство и в темных сторонах хеттейских принципов с еврейскими, тот впал бы в грубое заблуждение. Несомненно, что евреи допускали деяния, которые у хеттеев освящались религиею и которые в сущности представляли собою зло. Но будучи *законом* у хеттеев, они были *злоупотреблением* у израильтян. Несомненно у хеттеев был культ тельца, он был у евреев, но он всегда рассматривался у них, как преступление, хотя в тельце они может быть, почитали всемогущество Иеговы. У хеттеев найдены статуэтки тельца или быка (имеются в Лувре см. „ рисунок у Перро и Шипье стр. 763), в них хотят видеть идолов. Но должно заметить, что статуэтка хранящаяся в Лувре имеет несколько комический оттенок. Позволительно сомневаться, чтобы это обуславливалось не искусством художника. Рисунки в Иазиликай показывают, что хеттейское искусство было развито, и бык представленный там на алтаре вполне отвечает понятию о божестве древнего востока. Не была ли статуэтка Лувра созданием рефлексии, скептицизма или даже прямого отрицания того, что признавалось священным в Птерии? Распространенный у хеттеев культ ашер был у евреев предметом омерзения и обличения. На хеттейских иероглифах фигурируют иногда зайцы или тушканчики, изображавшиеся для иероглифов в довольно больших размерах. Не имели ли они какого либо религиозного значения? И не должно, ли быть противопоставлено им библейское запрещение употреблять в пищу зайцев (Лев. XI, 4–6. Втор. XIV, 7)? У хеттеев были евнухи жрецы, их мифология освящала лишение мужской силы, и в их религиозно-иерархическом ряду эти самоизувеченные изуверы занимали особенно высокое положение. Библия не только не освящает этого дикого обычая кастрации, но в своих запрещениях относительно этого пункта идет далее всех когда либо существовавших законодательств. „Животного у которого ятра

раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны, не приносите Господу и в земле вашей не делайте сего: и из рук иноземцев не приносите всех таких животных в дар Богу вашему, потому что на них повреждение, порок на них: не приобретут они вам благоволения“ (Лев. XXII, 24–25). Наконец, у хеттев были распространены человеческие жертвы, у евреев они не допускались безусловно и не только у них, но и у ассиро-вавилонян и у египтян не видно существования их в исторически известную эпоху.

Может быть, как заставляет предполагать имя хеттейского принца Иорама, в религию хеттейскую проникало нечто от евреев, но с другой стороны представляется несомненным, что хеттеи влияли в религиозном отношении вредным образом на евреев, и что затем у хеттеев вообще была склонность к пропаганде и приобретению прозелитов. По отношению к Египту это доказывается документами от эпохи гиксов. По отношению к Малой Азии это доказывают культы Цибелы во Фригии, Артемиды в Ефесе. Нет оснований думать, чтобы хеттеи заходили на запад далее берегов Малой Азии, но влияние их распространилось далее. Оказывается, оно сказалось не в азиатской только, но и в европейской Греции. Для объяснения происхождения микенской культуры теперь приходится обращаться уже не к египтянам и финицианам только, но и к хеттеям. Шлиман при своих раскопках в Микенах нашел два золотые кольца, в гнездах которых помещены рисунки в хеттейском стиле, на одном изображены головы животных, на другом женщина под деревом, смотрящая на обращенных к ней двух других лиц в развевающихся одеждах и в башмаках с загнутыми носками, на поле рисунка головы животных. Шлиман нашел еще две золотые статуэтки, представляющие обнаженную богиню с руками сложенными на груди и с голубями на голове и еще маленький памятник в форме храма, на верхушке которого помещены два голубя. В знаменитых микенских львах также сказывается хеттейское влияние. Эти результаты археологических исследований хорошо согласуются с древними греческими преданиями. По греческой легенде микенские вожди пришли из Лидии и принесли с собою в Европу цивилизацию и сокровища Малой Азии. Гомер, рассказывая о легендарной славе Микен, говорит о правившей ими мидийской династии. Сближая все эти факты, покойный Гладстон и высказал гипотезу, что χήτειοι Гомера суть хеттеи Библии. Сейс готов последовать в этом мнении за своим гениальным соотечественником. Но Перро и Шипье предостерегают от того, чтобы в данном случае мы доверились этому „блестящему, но опасному уму“, как они называют Гладстона. Трудно пока высказывать какие либо решительные суждения. Хеттейская религия, как и сами

хеттеи, является пока перед нами более загадкой, чем фактом. Однако все, кто доселе занимался её исследованием, пришли к заключению, что она является ключем для понимания многих явлений в духовной жизни древнего мира. Ждут многого от дешифрирования хеттейских надписей. Опыт дешифрирования других древних памятников, показал что результаты никогда не оправдывали ожиданий. Но эти результаты никогда не были бесплодными. Нельзя ожидать, чтобы в скором времени тайны прошлого вышли из своих тысячелетних могил, но постепенно и верно исследователи раскрывают эти могилы и рассказывают нам, какая жизнь была схоронена в них.

4. Религия финикийцев¹⁴

1.

Два совершенно противоположные представления соединяются с словом „финикийцы:“ представление о маленьком уголке на восточном берегу Средиземного моря, носившем название Финиши, и представление о цветущих городах и колониях по островам и берегам всего Средиземного моря, образованных финикийцами. С одной стороны мы имеем ряд небольших городов с небольшими гаванями, которые должны были постоянно трепетать, перед стремлениями к захвату египтян, ассирийцев, вавилонян, персов, греков, сирийцев, римлян, с другой стороны мы видим смелый и предприимчивый народ, совершавший отдаленнейшие путешествия, устанавливавший взаимоотношение и обмен между отдаленными государствами, передавший духовную культуру азиатского востока европейскому западу.

Ни значение слова „Финикия“, ни происхождение финикийского народа неизвестны. Библия финикийцев древнейшей эпохи называет сидонянами и производит Сидон от Ханаана (Быт. 10:15). Может быть в связи с переселением Авраама из Месопотамии стоит и появление хананейцев и в частности финикийцев (сопостав Геродота Истор. I,1). в Палестине и Сирии. В Египте финикийцев стали звать „фун“ (пени, пуни); отсюда, должно полагать, и образовалось путем удлинения слово Финикия, которое греки впоследствии стали сблизжать и с пальмой и с собственным именем Феникса. Финикийцы заняли побережье средиземного моря, построили здесь городов (самый северный – Арад, самый южный – Ако,) в плодородных и живописных местностях, защищенных от врагов с суши горами и лесами. Финикийские города были независимы один от другого и нередко даже враждовали между собою. Финикийцы скоро повели всемирную торговлю и рано начали образовывать колонии и на востоке и на западе – во всех трех частях древнего мира. Из кн. Исх. Нав. (XIII, 6) и Суд. (XVIII, 7–8) видно, что в эпоху занятия евреями Палестины сидоняне жили в последней. И по видимому гораздо раньше финикийцы заняли Кипр. Маршрут финикийских расселений неизвестен. Некоторые города Финикии лежали частью на острове (Тир), некоторые – на острове близ материка (Арвад), первую чисто морскую колонию их был Крит (одни сутки пути от Финикии), затем, они, должно быть, поднялись к Малой Азии, из островов

Эгейского моря, прежде всего заняли Родос и затем постепенно заселяли острова и берега восточной части Средиземного моря. Несомненно, они рано дошли и до Гибралтара, проникли и на острова бриттов (следов финикийских поселений однако на них не найдено), но вообще в период времени, для начала которого трудно поставить точную дату (приблизительно за 2000 лет до Р. Х.), финикийские колонии процветали на востоке Средиземного моря, а затем начался расцвет финикийских колоний на западе. На востоке преобладающее, а затем в сущности и исключительное значение приобрели греки. Несомненно, что на первых ступенях своего духовного развития греки много позаимствовали от финикийцев. В греческом языке указывают не мало слов, а вместе и понятий финикийского происхождения. Полярная звезда, по которой финикийцы ориентировались в своих плаваниях, у греков получала название *ψοινίχη*, название золота *χρυσός*, полагают произошло от *ἠττῆ*? указывают еще ряд слов в греческом языке, обозначающих продукты культуры, игры, профессии, будто бы финикийского происхождения. Некоторые греческие сказания (наприм., о Кадме) указывают финикийских основателей для греческих городов, но большинство современных ученых отрицает историческую основу этих сказаний. Действительно, в древнейших литературных памятниках Греции финикийцы представляются не как культуртрегеры, а как очень недоброй памяти люди. В Одиссее Гомера они именуется людьми крайне хитрыми – *πολυαίπαλοι*, искусными в обмане – *ἀπατήλια εἰδότες*, эксплуататорами – *τρῶχται*, причиняющими много бед людям (о финикийце *ὃς δὴ πολλὰ χαχ ἀνθρώποισιν ἑώρχει* Од. XIV, 289, ср. Од. XV, 415–484). Во всяком случае, когда греки утвердились в Пелопоннесе, Малой Азии и на островах они скоро и решительно оттеснили финикийцев, число которых здесь было незначительно и которые повидимому в заботе о своих торговых предприятиях не имели в виду играть здесь политической роли. Однако нужно было искать места, фактории где бы они могли действовать, как полноправные хозяева, финикийцы и стали заводить колонии на Сицилии, Сардинии, Корсике, в южной Европе и северной Африке. В ряду этих колоний скоро выдвинулся Карфаген (греч. *Καρχηδών*, лат. *Carthago* представляет собою транскрипцию семитического *Karthchadaschath*) – новый город (Новгород), название многих городов в древности. Карфаген был основан выходцами из Тира, и, достигнув высокой степени могущества и процветания, он не забывал о своей связи с своим материнским городом и ежегодно отправлял туда посольства с десятиною на храм Мелькарта. Карфаген за время своего существования выдержал два периода борьбы – с греками стремившимися

упрочиться в западных областях Средиземного моря, и с римлянами стремившимися ко всемирному господству. Из первой он вышел с честью, вторая кончилась его страшною гибелью. В 146 г. до Р. Х. Карфаген был разрушен и на его место наложено проклятие. Должно однако заметить, что эта трагическая гибель не была последним моментом в истории борьбы между семитами и арийцами на севере Африки. Восемь столетий спустя победные знамена арабов были водружены на месте прежних финикийских колоний. Финикийская метрополия окончила свое самостоятельное существование значительно раньше Карфагена. В начале повидимом финикийские владения простирались к югу значительно далее Ака (Акка Птолемаида, Яффа), и города Аскалон и Газа были финикийскими, филистимляне оттеснили финикийцев к северу. Дальнейшая история Финикии распадается на две эпохи Сидонскую и Тирскую. Границу между этими двумя событиями полагают повидимому переселения с Крита филистимлян и евреев из Египта в Палестину. До этих событий господствовал Сидон, после – Тир. В сидонскую эпоху финикийцы, как это показывает тельэльмарнская переписка, бывали в вассальной зависимости от египтян. Ленорман в своей истории, сопоставляя свидетельства египетских памятников о морских предприятиях египтян с свидетельствами о распространении финикийских колоний, приходит к заключению, что египтяне в своих путешествиях и морских сношениях пользовались финикийским флотом. Тутмес III имел сношения с Кипром, Критом, Архипелагом, с западным побережьем Африки, может быть с Южной Италией и побережьем Черного моря. Сами египтяне не имели любви и склонности к мореплаванию. Поименованные местности суть те, с которыми имели сношения и в которых образовывали колонии финикийцы. Естественно предположить, что финикийцы возили туда и египтян. Фараоны XVIII династии предпринимали путешествия по Красному морю в южную Аравию и может быть до Индии. Путешествия по Красному морю трудны и опасны, они могли быть совершаемы лишь опытными моряками, такими и являлись в эту эпоху финикийцы, как такими они были и в эпоху Хирамов и Соломона. Появление в Палестине филистимлян и особенно евреев переместило центр политической жизни финикийцев из Абидона в Тир. Сидон несравненно доступнее для нападений, чем Тир. Сидон расположен на суше, и его естественная защита не особенно сильна. Тир расположен на материке и острове и в случае опасности жители из первого легко могли переходить на второй. В эпоху господства Тира финикийцы долго были совершенно самостоятельны. Это – эпоха полнейшего расцвета Финикии. С нею

совпадает – позже начавшаяся и раньше кончившаяся – эпоха политического расцвета Израиля. Враги израильтяне были врагами и финикийян. Ассирияне, положившие конец существованию израильского царства, стремились к подчинению и Финикии. Тир долго держался в этой борьбе и отделялся от осад легкою данью. Много должно быть вредило ему то, что другие финикийские города действовали против него в союзе с его врагами. Вероятно причиною этого была зависть к его могуществу и богатству. После падения Ассирии возвысился Вавилон, и финикийские города подчинились господству Халдеи. Подчинился ему и Тир, хотя и продолжал управляться собственными царями. С эпохи Кира господство Вавилона сменилось господством персов. Финикийяне без сопротивления приняли перемену одного ярма на другое. Только, когда Камбиз, совершив поход в Египет, хотел двинуться на Карфаген, финикийяне отказались везти его войска. Карфагеняне остались совершенно свободными. Но все-таки персидские цари пытались рассматривать Карфаген, как обязанный им повиноваться. Так карфагенянам были отправляемы приказы, что бы они не приносили человеческих жертв и не хоронили в земле трупов. Во время похода Александра М. на Азию Тир пытался было оказать ему упорное сопротивление, ему оказывали поддержку Самария и Иудея, но эта поддержка не спасла его, он был взят и разрушен до основания. На нем исполнились во всей их ужасающей подробности слова библейских пророков (Иезек. XXVI, XXVII, XXVIII). С гибелью Финикии и финикийских колоний погибла и финикийская религия.

2.

С финикийской религией прежде всего связывается представление о Ваале. Слову Ваал усвояют значение владыка (𐤅𐤆𐤏 не должно смешивать с вавилонским 𐤅𐤏). Существуют два противоположные воззрения на значение этого имени. По мнению одних Ваал есть собственное имя верховного божества, различные проявления которого носят различные названия. Ваал– берит значит Ваал, охраняющей союзы, Ваал – Гермон Ваал Фегор, т. е. Ваал гор Гермона, Фегора. Но мнению других (решительный сторонник Тиле) Ваал, это – название класса богов, и различные Ваалы суть индивидуальные особи этого класса. Это мнение повидимому имеет для себя основания и в Библии. Пророк Илия говорит о Ваалах, как множестве богов (3 цар. XVIII, 18; см. Суд. VIII, 33). В обоих этих мнениях, кажется, есть доля правды, но в существе они оба должны быть признаны неправильными. Не существует никаких указаний того, чтобы финикийяне исповедывали единого Бога. Рядом с Ваалом у них с

глубокой древности стоят другие боги, не находящиеся по отношению к нему ни в безусловной зависимости, ни в безусловном подчинении. Монотеистической должна быть называемая только, такая религия, в которой все безусловно существующее представляется происшедшими от Бога и все безусловно зависит от него, т. е. может быть им уничтожено и может от него получить счастье. В финикийской религии генезис богов и вещей не ясен и не определен, и боги представляются не осуществляющими единую высшую волю, но могущими и противоборствовать одни другими. Финикийская религия её знает Бога творца и вседержителя. Но с другой стороны под Ваалом она мыслила великого бога, владыку, управляющего судьбою людей, солнце. Сравнительное изучение религии показывает нам, что великие боги всегда мыслились индивидуальными, а не представляли собою класса или множества. Добрые и злые духи классифицировались. Предполагалось, что их существует безчисленное множество, но великих богов немного. Войнов бывает тысячи, но полководцев очень не много. Ваал был один, но с представлением о нем у финикийцев обыкновенно связывалась мысль не о всех его свойствах, а только о некоторых. То он мыслился, как охранитель союза финикийских городов, и тогда именовался Ваал-берит, то его представляли как властелина небес, и тогда его называли Ваал-Шамаим, он управлял течением солнца, и его называли Ваал-Семел. Каждый город, вознося моления и принося жертвы Ваалу, считал себя в праве рассчитывать на его особое благоволение, и Тир мыслил Ваала тирским, и Сидон сидонским, Берит – беритским. Легко, конечно, в представлении неразвитых людей эти различные проявления единого Ваала могли стать различными Ваалами. Отсюда выражения Библии о Ваалах, но рядом с ними обыкновенно встречается и прямо имя Ваал без дополнений (см. Зцар. XVIII, 21, 26). Процесс дробления божественных свойств и действий на богов очень обычен в различных религиях. В ряду различных божеств произведенных из сложения имени Ваала с другими названиями является Ваал-Танит лицо Ваала. Такое божество было бы не мыслимо, если бы существовали только Ваалы, а не Ваал.

Вааль был богом природы и истории. Те, которые видят в нем общее наименование для известного класса богов и сближают его имя с египетским нутер, греческим θεος, латинским deus, санскритским देва, персидским bagha, упускают из вида то обстоятельство, что приводимые ими, как выясняющиеся, понятия на самом деле еще далеко не выяснены вполне; неизвестно их первоначальное значение, и что Ваал известен нам несравненно более. Они хотят известное пояснить неизвестным. На

основании одного ветхого завета можно написать обширную монографию о Ваале, о нем имеются многочисленные свидетельства классических писателей (собраны у Моверса). Ветхий Завет противопоставляет Ваала Иегове, классические писатели противопоставляют его Зевесу и Юпитеру. Ваал является богом небес, богом солнца, особенно формой солнечного бога является Ваал-Зебув. Зебув, – это гигантская муха, снабженная убивающим жалом (символ палящего солнца). Ваал Цефон – бог северного неба, северного ветра и северных бурь. Может быть, как божество солнца должно рассматривать и Ваала Гаммона. Гамманим – столбы, символы солнечных лучей. Они ставились в храмах, наприм., в тирском Хирам воздвигнул их из яшмы. Полагают, что столбы *иахим* (он основывает) и *воаз* (в нем сила) поставленные в иерусалимском храме (Зцар. VII, 21; 2 паралип. 8, 17) были воздвигнуты по финикийскому образцу. Являясь богом природы, Ваал вместе с тем есть бог судьбы. Он почитался, как Ваал-Гад, т. е. как устроитель счастья Ваал-берит, так сказать бог финикийских штатов. Был Ваал Мелькарт. Мелькарт сокращение слов Мелек Кириат, царь города. Под этим именем преимущественно почитался Ваал в Тире (имеются надписи: владыке Мелекарту, Ваалу Тирскому). Название каждого финикийского города было определяющим словом при Ваале. Финикийские собственные имена обыкновенно теофорны и часто, включают в себе имя Ваала-Адонваал, Ваалрам, Охоливаал (Ваал-господин, могущественен, палатка), Эти теофорные имена и мысли в них заключающиеся, полагаем, также указывают на индивидуальный характер понятия Ваал. От Ваала-Зебува произошло имя Вельзевула и от Ваала-Санина или Сана (небес, солнца) произошло перешедшее во все европейские языки слово бальзам; Имя Ваал-Baalim, должно полагать, соответствует еврейскому *elohim* отвлеченному понятию божества. Обыкновенно Ваал изображался в виде человека. Ваал Гаммон (с большою вероятностью можно переводить: Ваал палящий) изображался в виде бородатого спокойно величавого старца с бараньими рогами сидящего на троне, руки его опущены на стоящих около него баранов (см. изображение у Perrot'a Т. III р. 73). На Кипре найдена статуя Мелькарта, которого прежде считали особым богом, но который несомненно есть тот же Ваал. Это – колоссальная статуя в две сажени вышиною. Мелькарт представлен под видом чудовищеобразного человека. Руки его страшно мускулисты, грудь и плечи шерстисты, на голове коротеньки рога, борода завита по ассирийски, руками он держит перед собой за задние лапы львицу (см. изображение у Lenormant'a, L'Histoire. Т. 6 р. 566).

Подобно имени Ваала в св. Писании часто встречается имя Молоха,

как божества финикийян и некоторых других племен (Лев. XVIII, 21; XX, 2; 4 Цар. XXIII, 10). С именем Молоха ветхий завет связывает представление о божестве огня, которому приносили на сожжение детей, а затем и людей вообще. Рационалистическая литература выдвинула в последнее время два мнения о Молохе взаимно уничтожающие одно другое: по одному мнению Молох – общесемитическое божество огня уничтожения и разрушения.

Израильский Иегова в глубокой древности будто-бы тоже наделялся чертами Молоха. В подтверждение последней мысли приводят текст из Второзакония: „Господь Бог Твой есть огонь поядающий, Бог ревнитель“ (IV, 21 см. Евр. XII, 29). По другому мнению бог Молох существует только в воображении ученых. Молох или Мелех (מֶלֶךְ) значит царь. Ваалы, по Тиле, класс богов, Мелехи или Молохи – высший вид или высшая разновидность этого класса. Молох-царь богов. Само собою понятно, что если Ваалы – не класс то и Молохи – не вид этого класса. Но и независимо от теории, считающей Ваал именем нарицательным, теория, усвояющая нарицательный характер имени Молоха, не может быть принята. Молоху неизменно приписываются качества огня, атрибуты разрушения. Он является с определенными индивидуальными чертами жестокого владыки. Он не древнейший общесемитический бог, потому что в древнейших памятниках Халдеи не встречается ему подобного. Стремление рационалистов видеть в Иегове смягченного и возвышенного Молоха буквально не выдерживает критики. Бог называется огнем поядающим во Второзаконии. По мнению рационалистов эта книга написана позже некоторых монотеистических произведений пророков, где раскрыто возвышеннейшее понятие о божестве. С точки зрения рационалистов, люди той партии, из которой вышло второзаконие, задолго до появления второзакония боролись с человеческими жертвоприношениями и с культом Молоха. Как же они могли исповедать, как истину то, против чего боролись, как против ужасного заблуждения? Но может быть, если допустить древнее происхождение Второзакония или данного отрывка, то тогда рационалистическая теория получит для себя серьезное основание? Нисколько. Определение Господа, как поядающего огня, стоит в прямой связи с запрещением израильтянам ставить кумиры, изображающие что-либо (23 ст.) Смысл определения поставленного рядом очевидно тот, что если заповедь о кумирах не будет исполняться израильтянами, то Господь будет уничтожать ослушников, как огонь уничтожает вещи. Как сопоставит это с культом Молоха, которого обыкновенно изображали в виде медной статуи с головою быка и туловищем человека, с распростертыми руками для принятия жертв. В идоле, говорит, делали 7

отверстий, в которые клались жертвы. Без сомнения никаким образом нельзя отождествлять идола, представлявшего собою медную печь для сожжения людей, с Божеством, безусловно воспрещающим почитание и поставление такого идола. Весьма вероятно, что Молох по своему происхождению стоит в зависимости от Ваала. Но он возник не как разновидность возникает из вида, а как из одного образа воображением создается другой частью похожей и частью непохожей на первый. Я Ваал поставлялся в связи с солнцем и с иссушающим зноем. Тирский Мелькарт даже был закован в цепи в знак его зависимости от солнца. И Ваалу приносили человеческие жертвы. Но в образе Ваала были и другие благородные и благодетельные черты. Тип восточных деспотов, которые являлись в Финикию и Палестину, с востока, севера и юга и требовали жертв и даров, которые были кровожадны, жестоки и жадны, подсказывал им образ бога-царя по типу этих земных царей. Подавленная ужасом фантазия и модифицировала Ваала в Молоха, поставила второго рядом с первым и так как этот второй был более требователен и жесток, чем первый, ему стали служить заботливее и усерднее, чем первому.

В именах высших богов Финикии резко подчеркивается, что они властительные владыки. Это значение заключается в словах Ваал, Молох, его имеет и Адонис (אדניס – господин). Но образ Адониса плохо отвечает понятию восточного деспота. Адонис-юный, прекрасный бог, он близко родственен с вавилонским Таммузом и фригийским Аттисом. Сказания о нем и его культ весьма родственны с сказаниями об Аттисе и Таммузе. Наиболее культ Адониса был развит в Библосе и на Кипре. Вот, как совершались (описывает Тиле) библосские празднества в честь Адониса (подробное, но спутанное описание у Лукиана). Когда весна – прекраснейшее время года – подходила к концу, и начинал чувствоваться угнетающий летний жар, в Библосе совершалось празднество мрачного характера. Справлялся погребальный праздник. На улицах и храмах раздавались печальные песни, слышался плач, звучала похоронная флейта. Женщины с распущенными волосами, а некоторые бритые, некоторые с израненною грудью, все в разорванных одеждах с видом ужаса, жрецы – галлы, евнухи одетые в женское платье бродили по улицам, как будто отыскивая кого-то, собирались в круг около выставленного катафалка. На этот катафалк должен был быть возложен труп, который изображала собою пестрая деревянная статуя. Эту статую сначала прятали, затем искали и, найдя, возлагали на катафалк. На трупе виднелась зияющая рана, причинившая смерть. Рядом с катафалком помещалось изображение кабана, который согласно сказанию ранил смертельно на охоте юного

бога. Погибшего бога оплакивали в течение многих дней с выражениями самой глубокой и живой скорби. Потом совершали погребальные жертвы и хоронили его тело. На солнце выставляли вазы, называвшееся садами Адониса. В них были посажены маленькие зеленые отпрыски растений скоро погибавшие от солнечного зноя. Эти растения являлись символом юного бога, скошенного смертью в его цветущем состоянии, это был символ краткосрочности всякого существования. Празднество представляло собою воспоминание гибели Адониса, которого любила богиня плодородия и любви и которого завистливый бог мщения, изображавшийся в виде кабана, поразил на ливанских горах. В конце года осенью (год начинался в октябре) снова совершалось празднество в честь Адониса, но уже иного характера. Осенние дожди, размывая горы и берега, сносили из ручьев и ключей и непосредственно в Библосскую реку Адонис красноватую глину, отчего река принимала красноватокровяную окраску. В этой окраске видели указание на смерть бога, кровью которого окрасилась река. В течение семи дней справлялось похоронное торжество, но в восьмой траур и плач уступали место необузданной радости. Говорили, что бог воскрес и вознесся на небо. Пост предшествовавших дней сменялся необузданным разгулом. Женщины, которые не посвящали своих волос божеству, отдавались иностранцам, девушки должны были жертвовать своей частью для бога, и плата за эту священную проституцию шла в храмовую казну. Как и в других божествах, о которых существуют подобные сказания, в Адонисе видят символ производительной силы весеннего солнца и производимой им жизни.

Изсушающее летнее солнце, сменяющее весну, губит явившуюся во время её жизнь. Молох губит Адониса. Злая сила торжествует над доброю. Но это торжество временно. Смерть не может царствовать вечно. Круговорот времени снова приближается к весне. Адонис воскресает и с ним воскресают жизнь и радости жизни. Миф об Адонисе имеет различные варианты, во многих аналогичных сказаниях господствует версия оскотления или самооскотления бога. Миф об Адонисе показывает что у финикийцев, как и у других языческих народов, рядом с богами существовали и богини. Как и в других религиях, эти богини – двух родов. Одни иредставляют собою пассивную сторону своих богов – мужей, лишены самостоятельного характера и почитания, другие выступают пред нами, как самостоятельные и могучие владычицы, считаться с которыми и заискивать у которых приходилось более, чем у многих богов. Пассивные формы – Ваалтис, Ваалит, Мелькат самыми своими именами ясно показывающие, что они только женские стороны Ваала и Молоха, Но

когда к Мелькат прибавляется определение Хамамаим, и богиня является не просто царицею, но царицей небес, то здесь мы уже видим шаг на пути к образованию индивидуальности. То, что Ваал был в сущности один, не исключает возможности того, что Ваалтис было много. Вернее, их бледные, безжизненные образа никогда не достигали такой степени определенности, чтобы различных Ваалтис можно было отождествить или противопоставить одну другой. Самостоятельными женскими божествами в Финикии являются Ашера, Астарта и Фадите. Ашера-богиня земной, половой производительности. Её культ в Финикии как и окрестных странах, имел орпастический характер. Астарта или Астарет, представлявшаяся или девою или матерью, всегда мыслилась, как божество неба, и противопоставлялась Ашере, богине земли. В ветхом завете нередко говорится об Астартах (Суд. X, 6; 1Цар. VII, 3–4; XII, 10) и в книге Бытия (XIV, 5) упоминается Астарот-Карнаим (Аштероф-Карнаим по русскому тексту нашей Библии). Вследствие этого относительно Астарты делают тоже заключение, которое сделали относительно Ваала, что Астарт было много, и что Астарта – имя нарицательное. Но позволительно думать, что Астарта, как и Ваал, есть имя собственное. Библия, говорящая об Астартах (и поставляющая их всегда с Ваалами), говорит нам и просто о капище Астарты (1Цар. 31, 10), но не ставится капищ богам вообще. Храмы воздвигают богам определенным (афонский жертвенник неведомому богу имеет свое особое объяснение, Деян. XVII, 23). Астарта почиталась многими племенами, да и в самой Финикии, понятно, её образ мог раздробиться на несколько, но это не первоначальный, а последующий момент. Астарта представлялась или, как мать, или, как дева. Как богиня неба (4Цар. XXIII, 4 сближает ее со всем воинством небесным), она представлялась то богиней луны, то богинею Венеры. Астарту преимущественно представляли, как жестокую богиню войны, которая, следовательно, всегда готова жестоко мстить, за город или народ, которые ее почитали и которыми она покровительствовала. Почитание этой суровой богини выражалось в воздержании, самоистязаниях и человеческих жертвоприношениях. В Карфагене великим почитателем пользовалась богиня Танит. В сущности это тоже Астарта. Танит называлась не супругой, но именем или лицом Ваала. Этим указывалось на её девственный характер. Она была *virginale numen* по преимуществу. Она изображалась с головою коровы или с рогами, между которыми помещалась полная луна. Стенообразная корона давалась богине, как заступнице города.

Особенное положение в системе финикийских божеств занимали

Эшмун и кабиры. Слово кабир значит могущественный, их называли кузнецами (П' ум, П' угм, отсюда пигмеи), образователями, великими. Их представляли образователями вселенной, строителями мира, создателями, их было семь, и они назывались сыновьями Седека (справедливого, некоторые полагают, что хеттейский Сутех имеет тот же корень). Число семь очевидно соответствует семи планетам древних – Солнцу, Луне, Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну. К семи кабирам присоединялся Эшмун (буквально: восьмой) – бог, который поставлялся в их главе. Точно также Тот в Египте поставлялся над семью богами, устроителями мира. Астрономия древнего мира представляла, что над землю возвышается семь сфер, в каждой из которых движется особая планета, каждая из которых есть, следовательно, область одного из кабиров. По этому типу небесных сфер строились земные храмы. Над этими семью видимыми сферами предполагали существование невидимой восьмой – области невидимого бога космического огня, скрывающегося в волнах небесного океана. Имя этого бога Эшмун есть синоним бога высочайшего. Некоторые сближают Эшмуна с Ашимой гаматеев, которого обыкновенно представляют в виде козла, как символа огня и жизненной силы, но возможно предположение, что если Ашима и имеет отношение к Эшмуну то только, как его видимое обнаружение. Главные храмы были воздвигнуты Эшмуну в Аскалоне, Бейруте, Сидоне и особенно замечательный был в Карфагене (на вершине акрополя). Греки смешивали иногда Эшмуна с своим богом врачевства Асклепием. Вероятно, это происходило от того, что в болезнях посещали его храмы и вопрошали его оракула. Культ кабиров широко распространился в греко-римском мире, но это был культ мистерий облеченный глубокою таинственностью, и классические писатели делают о нем лишь глухие и неясные упоминания.

За великими богами в финикийском пантеоне следуют боги меньше. Как бы связующим звеном между первыми и вторыми является Таут. В представлении некоторых классических писателей он является величайшим из финикийских божеств (у Варрона, *De lingua lat*, V, 10; *Principes dii coelum et terra, qui in Aegypto Serapis et Isis, Tautes et Astarte apud Phoenices*). Но собственно Таут играл ту же роль у финикийцев, какую Оаннес (Еа) у вавилонян и Тот у египтян, – роль культурутрегера. Ему приписывается редакция священных книг, излагающих космогоническую систему, религиозное учение и принципы социального устройства у финикийцев. Эти книги, представлявшие собою божественный закон, были олицетворены в представлении финикийцев и почитались, как некоторое божество Тура (закон; еврейское – тора) и Кхусарет (гармония). Божество

это рассматривалось, как супруга Таута. На основании филологического сходства с Таутом сближают и карфагенскую Танит. По своим свойствам в некоторых отношениях Таут приближается к Эшмуну. Символом Таута была змея, свернувшаяся в круг и держащая свой хвост во рту. Как бог разума и знания, Таут повидимому в некоторых отношениях должен приближаться к греческому Аполлону, но именем финикийского Аполлона обыкновенно называют Резефа, Решефа или Решеф Микаля, бога по своим свойствам имеющего очень мало общего с Таутом. Повидимому он был солнечным богом и богом войны (как бог войны, он почитался в Египте, см. его египетское изображение у Perrot, Т. III р. 71). Культ его был распространен на Кипре (в надписи найденной на Кипре, в новолуние месяца Этанима назначается для стражей святилища и для смотрителей храма Резефа 20.....чего? неизвестно: текст в данном месте испорчен, но дело идет о жертвах и пожертвованиях). Был у финикийян бог Эл. Практически культ его не был развит, но теоретически его наделяли чертами верховного божества. Слово Эл есть семитический корень для понятия божества, естественно поэтому, что Эл представляется возвышающимся над Элион – божествами (у пророка Исаии в XIV, 13 стихе говорится о нем буквально с еврейского так: „возйду на небо, над звездами Эла вознесу престол мой, сделаю себя равным Элион“). Финикийской и особенно карфагенской богиней (δαίμων χαρχηδονίωv) была Дидона, которая из божества была превращена в историческую личность и с таким характером была увековечена Вергилием в его Энеиде. Иначе Дидона называлась Элиссой, она подобна Семирамиде (тоже игравшей роль в финикийских сказаниях) и вавилонской Астарте. Её отец Бел, её сестра Анна имеет черты Венеры, её возлюбленный Ярбас или Милих, её брат Пигмальон является тоже, как и вся её родня, могущественным божеством. Его имя значит убийца Элион (עליון), Дидона значит планета, Анна – прекрасная), он был чем то в роде бога ада. Имелись у финикийян и еще боги и богини (наприм., богини: Астроноия, Наама), все это маленькая копия с великих Баала и Астарты, около этих второ и третье степенных божеств сплетались мифы, порою поднимавшие их до Элион, но больше низводившие их до участия в самых обыденных интригах самых дюжинных людей.

Но с самой глубокой древности были в Финикии боги иного рода боги иноземного происхождения. Финикийяне были космополитами древнего мира. Финикийские купцы, как полагаемы это известно всем действительно культурным людям развозили по древнему миру не одни товары, но и знания и культуру и привозили в Финикию кроме денег идеи

и наблюдения. Условия торговли в древнем мире благоприятствовали этому. У купцов тогда было много досуга. И на своих медленно двигавшихся кораблях и в гаванях в ожидании благоприятного пути они должны были оставаться по долгу, кроме торговых операций им естественно представлялась возможность беседовать и об иных вещах, выслушивать религиозные и исторические сказания народов, приглядываться к их обычаям и нравам. Их прибывших издалека должны были слушать с жадным любопытством. Представимы себе длинные вечера южных стран, в которые можно заниматься только беседой, вечера, в которые на открытом воздухе или в домах при скудном освещении светильников древние люди вели свои долгие беседы. Древние люди были религиозны, и религиозные сказания должны были в этих беседах следовать без перерыва одно за другим, как безостановочно воды Нила изливаются в Средиземное море. С ранних пор в Финикии вместе, с произведениями чуждых стран проникли и чуждые боги. С пантеоном Финикии эпохи Соломона, т. е. почти за тысячу лет до Р. Х. представляется нам, не мог бы поспорить ни один современный музей религиозных реликвий. Южными соседями финикиян были евреи. Колонисты из Финикии жили даже среди евреев. О финикийском влиянии на евреев свидетельствует вся Библия: сидонские и иные финикийские боги были предметом постоянного увлечения для евреев, но имеются некоторые свидетельства, показывающие, что евреи влияли на финикиян. Сохранилась стела воздвигнутая великой владычице Библоса (==Гебала) одним библосским царем (изображение см. у Perrot, p. 68). Владычица эта похожа и на туземную Астарту и рассматривается, как египетская Изидат-Гатор. Но вот, что заслуживает внимания царя, воздвигшего стелу, зовут Иегова-мелек (Иегова-царь). Собственные имена финикиян были теофорны, т. е. они заключали в себе имена божеств. Чтился ли Иегова, как бог у финикиян? Позволительно думать, что на этомт вопрос должно дать положительный ответ. Другое дело, какъ представляли себе этого бога финикияне? По всей вероятности различно. Многие может быть без особенного раздумья присоединяли его к ряду иных чтимых ими богов. Но нельзя сомневаться и в том, что некоторые должны были составлять себе то представление о Иегове, которое исповедывали евреи. Для выяснения этого должны иметь значение указания классических писателей о почитавшемся у финикиян божестве Иао.

Санхониатон называет Иао отцомъ Урана (неба). У Макробия Saturn. 1, 18 consultus Apollo Clarius, quis Deorum habendus sit, qui vocatur *Iaó* ita effatus est.

*Ὅργια μὲν δεδαῶτας ἔχρῃν νηπενυέα κεύθεν
Ἐν δ' ἀπάτῃ παύρῃ σύνεσις καὶ νοῦς ἀλαπαδνός
Φρᾶζω τὸν πάντων ὕλατον θεὸν ἔμμεν Ἰαῶ
Χείματι μὲν τ' Αἴδην, Δία τειάρος ἀρχομένοιο
Ἥλιον δε θέρευς, μετοπώρου δ' ἀβρόν Ἰαῶ.*

Плутарх считает имя *Ἰαῶ* имеющим таинственное (ἄρρητον – неизреченное) значение подателя или производителя жизни. Некоторые отождествляли *Ἰαῶ* с φῶς νοητόν греческой теософией (Иоанн. Лид, De mens. IV, 38, 74). *Ἰαῶ* давался эпитетом Саваоф, но Моверс полагает, что не Ἰ Π Ι Κ Ω, а Ἰ Π Ψ Ω, т. е. не бог воинств, а бог семи (планет). Едва ли однако это различие существенно и еще более сомнительно, чтобы значение слова Саваоф, принимаемое по производству Моверса, умаляло величие *Ἰαῶ* : быть владыкою светил и планетных божеств гораздо выше, чем только повелевать полчищами духов. В понятии Ἰ Π Ψ Ω необходимо уже по семитическому языческому богословию заключалось Π Ι Κ Ω Ψ, но обратное не представляется необходимым. Очень может быть, что филологически *Ἰαο* и *Иегова* различного происхождения, но звуковое сходство легко могло побудить тех, кто, познакомился с еврейским учением о *Иегове*, перенести его черты на *Ἰαο*. Говорят, что *Ἰαο* был халдейским богом, на месте своей родины он мог не иметь тех черт, какие приобрел в Финикии.

Религиозное влияние Египта сказалось на Финикии очень рано. Оно идет в глубь веков далее тэль-эль-амарнской эпохи. Необыкновенно широко был распространен в финикийской метрополии и её колониях культ Озириса. Миф об Адонисе и его супруге Астарте переплелся с мифом об Изиде и Озирисе. И египетский миф об Озирисе говорит о Библосе, куда пристал ящик с телом Озириса, и финикийская легенда рассказывает, что египтяне в день посвященный воспоминанию о смерти Озириса опускали в море осмоленную корзинку, в которую было заключено известие, что Озирис воскрес. Корзинка приплывала в Библос в тот день, когда скорбь о смерти Адониса сменялась радостью, вследствие его воскресения. Широко было развито почитание Пта. В финикийских колониях находят массу его изображений обыкновенно в виде эмбриона. В Испании между финикийскими богами нашли Гарпократа, Гор-пе крути, Гора-дитя с его чисто египетским эпитетом *Иатан гаим*, тот, кто подает жизнь, Бог-дитя, бог-пигмей, это – образцы особенно любимые финикийским искусством. У финикийян не было способности к идеализации, они не создавали образов идеальных, но у них была способность к карикатуре, и эта способность подмечать и подчеркивать дурное нашла себе приложение в их религиозной скульптуре. Пта-

эмбрион, египетский Бес (см. у Perrot p. 420–421) и даже боги высшего порядка находили для себя каррикатурное воплощение в руках финикийских скульпторов.

Египетское влияние на финикийскую религию относят к глубокой древности. Либлейн предполагает его уже в эпоху VI династии, Тиле говорит, что при Априесе (Уахет-пра, Хофра) финикийская религия была уже египтизирована, но как бы далеко и глубоко не сказывалось египетское влияние и по приматству и по силе оно должно уступить место влиянию вавилонскому. В сущности здесь дело идет не о влиянии, а о родстве. Родину финикийцев Геродот указывает на берегах Эритрейского моря, т. е. в южной Месопотамии, иначе в области прародины евреев и вавилонян. Также родственны финикийцам и божества хеттеев, религия которых имела чисто семитический характер. Бел, Риммон, Сандан, Деркато, Аргатис, Адад, Гадад, Гад, Соламбо, все эти божества находят сочувственный приют себе у финикийцев. Несомненно влияли на них в религиозном отношении и их южные соседи (не семитического происхождения) филистимляне. Филон говорит о почитании у финикийцев бога Дагона. Филон производит это имя от „дагал“ жатва, но несомненно это – фантастическая филология. Дагон происходит отъ 17 – рыба (он может быть примета множественного числа), это национальное филистимское божество, о котором часто говорит Библия (1 Цар. V, 2–5; Саф. 1, 9, Суд. XVI, 23 и след. 1 Макк. X, 83–84), имело хвосте и туловище рыбы, а верхнюю часть – голову и руки человеческие. Греческое влияние сказалось на Финикии с самого начала исторического существования Греции. У автора финикийского богословия Санхониатона (жившего едва ли позже V века до Р. Х.), уже встречаются имена греческих божеств Плутона и Прозерпины. Классические писатели находят у финикийцев всех своих богов.

Во взаимоотношениях финикийских божеств некоторые хотят видеть и идею тройственности божества и теорию триад. Моверс хочет видеть в высшем божестве финикийцев воплощение трех сил производящей, разрушающей и сохраняющей, Адонис-бог весеннего живительного солнца, сила производящая, убивающий его бог Марс или Ваал-Гаммон, палящее солнце лета, Сатурн или Ваал-Хаван, зимнее солнце; в пору зимы истощенные силы природы накапливаются постепенно для произведения новой жизни. Указывают в финикийской религии триады совершенно аналогичные египетским. Таковы – Ваал, Астарта и Мелькарт (подобно: Озирис, Изида и Гор), другая триада в северной Финикии – Эль (Сатурн), Ваалтис (созвездие рыбы) и Адонис.

Культ духов, полидемонизм был развит менее у финикийцев, чем у вавилонян. Но за всем тем, как и во всех древних религиях, они почитали – и признавали не мало всевозможных высечеловеческих существ. Особенно в ряду их должно отметить рефаимов. Рефаимы, – это маны финикийцев. Это – тени гигантов (Ис. XIV, 9; Иезек. XXXI, 16). Почитались животные. Были голуби и рыбы посвященные Астарт. Почитались хвойные (смолистые) деревья и другие растения. Почитались небесные светила. У Евсевия в его Praeparat. evang. (lib. 1. 27) есть свидетельство *Φοίνικας καὶ Αἰγυπτίους πρώτους ἀπάντων κατέχει λόγος ἥλιον καὶ σελήνην καὶ ἀστέρας θεούς, ἀποφῆναι μόνους τε εἶναι τῆς τῶν ὄλων γενέσεώς σε καὶ φθορᾶς αἰτίους*. На самом деле несомненно, что халдеи предварили в этом деле и финикийцев и египтян. Но может быть полярная звезда в финикийском культе имела особенное значение. Для земледелия и вообще для житейских дел необходимы небесные светила, по ним измеряется время, суточные и годовые перемены. Лишь полярная звезда, остающаяся для каждого данного места на неизменном пункте неба, не нужна оседлым людям. Но она нужна морякам. По её перемещению на небе они могут определять свое положение на море. Полярная звезда была финикийской звездой. Греки называли ее *Φοινίκη*. Условия мореплавания требовали от финикийцев особого внимания и к некоторым созвездиям. Планеты имели и религиозное и магическое значение. Юпитер – планета большого, Венера – малого счастья, Сатурн – большого и Марс – малого несчастья. Меркурий назывался коварным. Горы, скалы, источники имели своих духов, которые почитались, или вернее почитались самые горы и реки. Вефили (аэролиты), ашеры, неодушевленные предметы, случайно остановившие на себе внимание и поставленные в связь с какими-нибудь благоприятными или несчастными событиями, признавались заключающими в себе сверхъестественную силу и приобретали религиозное почитание.

3.

В системах древних религий господствовал тот принцип, который в новейшее время введен в естествознание: все ставилось в связь по происхождению и между всем устанавливалось взаимоотношение по родству. У них были теогонии и космогонии. Имели их финикийцы. Несомненно, что в каждой области были своя теогония и космогония, потому что каждая область ставила на первый план свое население и тех богов, которые в ней преимущественно почитались. Эти теогонии и космогонии были изложены Санхониатом. Произведением

Санхониатона воспользовался Филон Библосский (жил во II в. по Р. Х. при Адриане), из него сделал извлечения Евсевий Кесарийский (Praeparatio evangelica), у которого они и сохранились. Анализ сохранившихся отрывков приводит к такому пониманию финикийской мировой системы. В начале был Хаос (Вогу), и хаос был мрачный и мятущийся, и Дыхание (Руах) носилось над хаосом. И хаос не имел предела и он так существовал в течении веков и веков. И Дыхание возлюбило свои собственные начала, и произошло их смешение, и это смешение было названо желанием (Шефет). И желание было причиной создания всего, и Дыхание не знало своего собственного создания, И Дыхание и хаос смешались, и родился Мот (ил или вязкая тина), и из него вышли все семена творения, и Мот был отцом всего. Мот имел форму яйца. И солнце, и луна, и звезды и великие созвездия засветили на небе. Тогда явились существа, у которых не было чувств и от них произошли существа разумные, и их назвали Тсофесамим (созерцающие небо). Началась борьба элементов, которые стали разделяться между собою. Раскаты громов разбудили разные существа, которые были как бы во сне, и тогда мужские и женские существа стали двигаться по земле и по морю. И Дыхание родило северный, южный, восточный и западный Ветер. Хаос и западный Ветер соединились и они произвели Улома (время) и древнего (Кадмон) и эти произвели потомство (толедет) и население (моледет), которые населили Финикию и почитали солнце под именем Ваала-Самим, как владыку небес. Улом и Кадмон родили сыновей, имена которых суть свет, огонь и пламя, они ввели употребление огня путем трения одного куска дерева о другой. От них явились на земле сыновья-гиганты (рефаимы), которые назывались Касий, Ливан, Антиливан и Фавор. От этих родились Самемрум (поднимающийся до небес) и Узо (косматый). Самемрум жил на острове Тире, где изобрели искусство строить хижины из камыша и папируса. Брат его Узо, живший несогласно с ним, изобрел приготовление одежд из шкур животных. Уз был первый пустившийся в плавание. От молнии произошел пожар в лесу, покрывавшем остров Тир. Срубив одно пылавшее дерево и бросив его в море, Узо увидел, что оно не тонет, что навело его на мысль об устройстве плотов и судов для плавания. Самемрум имел сыновей и дочерей, из этого племени произошел Сидон, который изобрел рыболовство и охоту и был отцом сидонян. Это – сидонская космогония. Существует подобная ей библосская. Сед (всемогущий) родил садим, которые изобрели построение домов. От них родились Елим и титаны. От них произошли Амин (?) и Маг (?) изобретшие земледелие, От них родились Мизор (египтянин) и Сидик (справедливый). У Мизора был сын Таут, который изобрел письмо, а от

Сидика родились кабиры, создавшие мореплавание и медицину. Таммуз-Елиун (высочайший), который погиб жертвою дикого животного и в честь которого устраивают траурное торжество, дал рождение человеку, вышедшему из земли (Адаму и человеческому роду, который жил тогда в Гебале==Библосе).

Существует еще третья версия. В ней представляется затруднительным восстановление имен, так как они эллинизированы. Высочайший (Елиун) произвел небо и землю. Когда они соединились, небо и земля произвели Ела, Вефиля, Дагона и Атласа. Потом небо имело много детей от других супругов. Разгневанная земля разошлась с небом, и небо задумало умертвить детей, которых имела от своей сестры. Ел по советам Таут выступил тогда на борьбу против неба, своего отца. Ел родил Прозерпину (судя по этому имени, у финикийцев были божества подземного мира) и Минерву (Танит) Прозерпина умерла девой. С согласия Танит и Таута Ел изобрел аркан и копье. И Таут научил Елогим, происшедших от Ела и ставших его сотоварищами, магическим средствам для борьбы с небом. Наконец, Ел достиг того, что низложил могущество Неба, своего отца. Одна из супругов Неба, ставшая пленницей Ела, была отдана Дагону, и она родила Дагону Фамира (Ваал-Фамара), зачатого от Неба. Ел стал основателем города Гевала и он похоронил под землю своего брата Атласа (Адониса? Таммуза?). Это было сделано по советам Талла. Тогда кабиры (сторонники и родственники погребенного бога?), с крайней поспешностью, построив корабли, отплыли под парусами, чтобы построить храм на горе Касия. Ел убил также своего сына Сидика и одну из своих дочерей. И небо пыталось низвергнуть Ела при помощи его трех дочерей – Астарет, Реи (Атаргатис) и Дианы (Ваалит), потом еще посредством Имармены (Гада – судьбы, счастья) и Горы (Ноамы). Но Ел возмутил их в свою очередь. И небо изобрело вефили, живые камни. Ел имел от Астарет семь дочерей – титанид (?), от Атаргаты семь сыновей и еще дочерей от Ваалтис. От Астарет он имел двух сыновей Желание (Шефет) и Любовь (финикийское имя и божество неизвестно). Дагон изобрел плуг и культуру пшеницы. От Сидика и одной из титанид родился Эшмун. И Ел имел еще трех сыновей от Аргаты: второго Ела, Ваала и Аполлона (Ваал-Самим?) От него родились Понт, Тифон и Нерей. И Понт родил Посейдона и Сидона, который изобрел искусство пения. Ваал-Фамар родил Мелькарта. И возгорелась война между Небом, Понтом и Ваалом-Фамар. И Ел, занявший престол Неба, своего отца, оскотил его так, что его кровь окрасила ручьи и источники. Великая (кебират) Астарет, Ваал-Фамар и Гадад царствовали тогда с Елом. И Астарет, у которой была

голова коровы, проходя по земле, нашла звезду упавшую с неба, она принесла ее на священный Тирский остров для того, чтобы ей воздавали религиозное почитание. Подобным же образом Ел, проходя по миру, дал своей дочери Танит в царство Аттику. Затем Ел, чтобы искупить оскпление, совершенное над собственным отцом Небом, принес ему в жертву единственного своего законного сына и он установил обрезание, подвергшись ему сам. Его сын, принесенный в жертву, назывался Мот (смерть). И Ел отдал город Гевал Ваалит, Берит Посейдону и Сидон Кабирам. Таут придумал изображения богов, священные письма, религиозные образы и он создал инсигнии царства Ела. И Ел, прибывши на юг, отдал Египет Тауту. И все это было утверждено в священных книгах написанных под редакцией Таута семью Кабирами, сыновьями Сидика, и их восьмым братом Эшмуном. Принявшими наследство и передавшими посвящение своим преемникам были Озирис и Ханаан, предок финикийян.

Имеются еще варианты, развитие и дополнение космогонии и мифической истории финикийян. Но они мало прибавляют и мало изменяют изложенное. Анализируя изложенное, мы видим, что в сохранившихся отрывках – содержащих, заметим, значительные пропуски – финикийские воззрения грецизированы и латинизированы, но за всем тем они излагаются с финикийской точки зрения. То обстоятельство, что в отрывках имеются пропуски, лишает возможности восстановить и установить связь между всеми предполагаемыми в Финикии устроителями древнего мира (откуда явился Сидик в последнем повествовании?). То обстоятельство, что классические авторы не переводят только имена богов, но по представлявшемуся им сходству заменяют финикийские божества классическими, делает невозможным восстановление некоторых имен и выяснение подлинного характера некоторых финикийских божеств. Что это за безвременно умершая Прозерпина? Это имя заставляет догадываться, что в финикийских религиозных представлениях существовало нечто подобное классическому аду и классическим подземным богам. Что это за Мот, о котором Санхониатон свидетельствует: *Θάνατον δὲ τοῦτον καὶ Πλούτονα φοίνικες ὀνομάζουσι*. Но хотя на изложенных сказаниях сильно классическое влияние, они изложены или финикийянами или по крайней мере людьми финикийского образа мыслей. Автор финикийской первоистории не забывает Аттики и Египта, но они явились по его представлению после Финикии и были лишь ленами финикийских божеств. Повидимому такой точки зрения мог держаться только сын Финикии, но имеющиеся у нас данные заставляют воздерживаться от подобного заключения. Геродот был греком и однако

идеализировал египтян и их верования. Увлечения иноземным и идеализация иноземного не представляют собою явления нового времени, но нередко бывали и в древности. Это должно помнить при спорах об авторах древних документов: не всегда можно определить нацию и даже религию автора по его симпатиям. И не финикийцы могли предположить Финикии мировым центром, все равно как не француз, а пошехонец или дорогобужец может думать, что Париж есть соль земли и свет мира. Финикийские сказания – особенно в своем развитии и подробностях – имеют сходство с библейскими. Существуют два противоположные воззрения на этот факт. По мнению одних те и другие сказания имеют один языческий источник, который писателями Библии был переработан в монотеистическом духе, по мнению других финикийские сказания представляют собою языческое искажение монотеистической истины, изложенной в Библии. Каких бы кто не держался религиозных воззрений, научное безпристрастие, думаем, обязывает отвергнуть оба эти воззрения. Существуют предположения, что Санхотатон представляет собою просто миф. Думаем, что он действительность. Но когда жил он? Евсевий Кесарийский говорит: во время троянской войны. Для нас такое указание есть определено одного неизвестного посредством другого неизвестного. Теперь время его жизни относят к эпохе греко-персидских войн. Но если он даже жил в VII–VIII в., то несомненно со всякой точки зрения – в эту пору существовали и еврейский монотеизм и финикийский политеизм. Живое общение между этими нациями было уже при Хираме и Соломоне, т. е. за 1000 лет до Р. Х. При таких условиях естественно, что Адаъ в финикийской истории должен был занять не менее почетное место, чем какое было отведено Египту и Аттике в географии. Разобраться в генезисе и хронологии финикийских сказаний при современном состоянии знания невозможно, но должно обратить внимание на некоторые черты этого сказания. В них явно выдвигаются два принципа, которые пользуются широким распространением и авторитетом теперь, это – эвгемеризм и эволюционизм. По Эвгемеру, боги настоящего суть обожествленные люди прошедшего, согласно мнению многих современных ученых культ богов возник из культа предков. Несомненно, что изложенные финикийские сказания сложились у финикийцев за долго до Эвгемера (современника Александра Македонского), но видимо, они сложились уже по тем началам, который Эвгемер и в измененном виде ученые XIX века, возвели в принцип. Боги финикийцев представляются тех предками и в сущности некогда жившими людьми. Достаточно отбросить в повествовании о них некоторые фантастические подробности, изменить некоторые выражения

и указания и они снизойдут до уровня обыкновенных исторических деятелей. Но анализ этих повествований, сопоставленный с данными о древнейшем состоянии финикийской религии по семитическим памятникам, не оставляет никакого сомнения, что здесь мифологический процесс состоял не в том, что образ смертного человека превращался в бессмертного бога, а наоборот в том, что божество низводилось до человеческого уровня. На самом деле, для того, чтобы бога Солнце превратить в тирского царя, нужно делать не шаг вперед, а несколько шагов назад. За полторы тысячи лет до Р. Х. финикийцы несомненно имели представления о великих богах, владыках неба и мира, тысячу лет спустя поэтическая фантазия так тесно сплела образы этих богов с земною жизнью, что божественные черты в них совершенно отступили назад пред человеческими. Другое начало финикийских сказаний эволюционизм. Развитие культуры представляется в них совершающимся эволюционным путем. Важным фактором является случай. Дерево, упавшее в воду, поплыло. Это наводит на мысль об утилизации деревьев для плавания. Создаются плот, лодка, корабль. Конечно, открытия и изобретения совершались постепенно. Но вот что представляется странным. Изобретение огня, одежд, хижин и плотов повидимому должны далеко заходить за пределы исторической памяти человечества. Дикари Сирии, Нильской долины и Аравийских пустынь, так давно сжились с этими изобретениями, что повидимому их потомкам человек и употребление огня должны были казаться не разъединимыми. Финикийские сказания о происхождении культуры подсказывают мысль, что переход из некультурного состояния в культурное совершился незадолго пред составлением этих сказаний и совершился скоро. Что привело к этой мысли финикийских повествователей о началах?

4.

Первоначальными местами общественного культа в Финикии были высоты (ג'ר'ג). При обращении к божеству человек естественно выбирает пункты, где бы он был ближе к божеству. Боги жили на небе, светила находились на небесных сферах; значит, поднимаясь от земли и приближаясь к небу, человек приближается к богам. Кроме того при обращении с молитвой человеку естественно желать видеть, если не само божество, к которому он обращается с молитвой, то по крайней мере ту область, где он предполагает его преимущественное присутствие. Этою областью является небо. При развитии культа идолов небо и звезды становятся ненужными. Божество или его заместитель находятся на лицо,

но никто не станет оспаривать, что в исторической жизни финикийян идола были сравнительно позднейшим явлением. Поэтому отправление культа на высотах предшествовало отправлению его в храмах. Возникновение последних, конечно, не уничтожило сразу первых. Те и другие должны были еще долго существовать совместно. Многочисленные свидетельства о высотах находятся в Библии (Иерем. VII, 31; Иезек. XVI, 16; 3Цар. XIII, 32; 4Цар. XVII, 9, 29). Первоначально дело, должно быть, происходило таким образом. На скале, холме или горе расчищали место, ставили алтарь из необделанных камней и на нем приносили жертвы. Так скоро и просто создавались места общественного богослужения. Выбор места определялся конечно не одними только собственно удобствами, но и тем, что было около него. При жертвоприношениях нужна была вода для омовений, для того, чтобы можно было предаться жертвенному пиру, нужны были тенистые места, т. е. рядом с алтарем должны были быть лес и вода, алтари и воздвигались около истоков, ручьев, рек, рощ и лесов. Иногда без сомнения места становились священными не по своим топографическим условиям, а потому что в них по мнению финикийцев появилась особенная божественная сила. Аэролит, упавший на какое либо место, освещал его и сам являлся святыней и естественным алтарем. Так, если с одной стороны финикийяне сами выбирали вефили – дома божии, то с другой стороны они могли получать указания, что те или другие места суть вефили (указывают, что никакой семитический текст не говорит о священных камнях под именем вефиля, но несомненно, что священный камень считался знаком вефиля. Быт. XXVIII, 17–18. Отсюда, естественно заключение, что греческое (βατύλιον, βαίτυλος, обозначающее священные камни, семитического происхождения). Священные места финикийяне обносили священными оградами. Еще один шаг – поставление навесов должно было превратить эти места в храмы. На финикийских храмах видят преимущественное египетское влияние. Но в сущности они резко отличались от египетских храмов. Площадь земли ограниченная со всех сторон рядом или несколькими рядами колонн и покрытая кровлей, вот – основа финикийского храма. Обыкновенно в задней части такого строения воздвигалась палатка или небольшое здание, в котором помещалось изображение божества. Это называлось святилищем. Во святилище имели доступ лишь жрецы. Там помещались предметы нужные для религиозных процессий и там был архив летописей, который велся жрецами (храма Эшмуна в Карфагене). Вне святилища помещался жертвенник для принесения в жертву животных, чаша для омовений, жаровня с постоянным огнем. Жертвенники вероятно были подобны, обычным

языческим жертвенникам. Раввинское предание говорит, что в идоле Молоха было семь отверстий или семь камер, из которых в первую клали пшеничную муку, во вторую – голубей, в третью – овец, в четвертую – баранов, в пятую – тельцов, в шестую – быков, а в седьмую – детей. Но позволительно усумниться в достоверности этого предания. Найденная на Кипре статуя Мелькарта не соответствует этому описанию. Скиния Молохова, о которой говорит пророк Амос (V, 26), тоже не отвечает такому представлению о статуе Молоха.

Финикийские храмы стоят в связи с храмом Иерусалимским. Израильский храм истинному Богу был построен преимущественно из финикийского материала при содействии финикийских рабочих. В деле этого построения имели большое значение три лица, в имени которых заключалось слово Хирам: Хирам, царь тирский, финикиянин, Адонирам (Адон Хирам) – еврей, Хирам-художник-финикиянин по отцу и еврей по матери (3Цар. V, 7–10, 14; VII, 13–14). Значит за 1000 лет до Р. Х. религиозная архитектура получила уже широкое развитие у финикийян. Храм Соломонов разрушен две с половиною тысячи лет тому назад, но еще доселе в учении франк-масонов имеют важное значение столбы иахин и воаз, молоток, ватерпас, лопатка и ветвь акации – символы, связанные с легендой о иерусалимском храме. „Для соблюдения порядка при расчете с легионами мастеров, подмастерьев, мастеров и простых учеников Адонирам разделил их на группы, дав каждой вместе с особенным одеянием свои пароли и лозунги. Мастерские, завидуя мастерам и желая получить большую против заслуженной плату, задумали образовать отдельную шайку костюмированную подобно мастерам, дабы получить от Адонирама более, нежели им следовало. Изменить одежду было нетрудно. Главное препятствие было в пароле и лозунге мастеров, неизвестных простым мастерам. Принужденные вследствие этого отказаться от хитрости, мастерские решились тайно убить Адонирама и ограбить казну, бывшую на его попечении. Первое им удалось. Они умертвили Адонирама, но не могли доискаться, где у него были спрятаны деньги, ассигнованные на жалование рабочим. Досадую на неудачу и раскаиваясь в напрасном преступлении, мастерские зарыли труп Адонирама в груду щебня и извести, пометив это место веткой акации, чтобы после похоронить убитого. На другой день при первом слухе об исчезновении Адонирама царь Соломон разослал на поиски за ним нарочных во все концы его царства, еще не зная, жалеть ли ему о верном слуге или негодовать на него, как на вора. В это время левиты, пришедшие к царю, доложили ему, что на месте строения храма совершилось чудо: за ночь, на груде сухого

щепня вырос и расцвел большой куст акации.... Действительно, к удивлению всех рабочих и к ужасу убийц, ветка акации, которою они поместили место погребения Адонирама, в одну ночь дала корень и разрослась кустарником. Соломон с левитами и вельможами, придя на место, не мог не подивиться, каким образом на сухом щепне и извести могло явиться деревцо; желая убедиться с корнем ли оно, царь приказали разрыть щепень... Сочные корни далеко разбегая в глубину, достигали самого трупа Адонирама. Все присутствовавшие оцепенели от ужаса, и один из левитов, взяв мертвеца за руку, почувствовал, что она оторвалась от туловища, так как тело от пребывания в извести начало тлеть. Мак бен-ак! воскликнул левит, и слова эти означали: тело отделяется от костей. Виновные были найдены и казнены.... Мак бен-ак сделалось с того времени условным лозунгом каменьщиков“ (масонов. Аноним. автора-История религий и тайных религиозных обществ. Т. 4-ый стр. 312–313).

Институт жрецов был очень обширен у финикиян, он распадался на много классов и имел различные виды и типы. Во главе жрецов в каждом месте стоял верховный жрец. Во многих местах жреческое достоинство было наследственным. В Тире верховный жрец выбирался из царской семьи. Так было и во многих малоазийских святилищах. При таких условиях верховный жреци мог иногда носить даже царскую корону. По местам сан верховного жреца был пожизненным, по местам верховный жрец избирался на определенный срок. За верховным жрецом следовали жрецы.

Специальностью одних было принесение кровавых жертв, другие совершали возлияния, третьи поддерживали священный огонь и курили благовония, были жрецы предсказатели. Так как знать будущее человеку нужно не только из любопытства, но и во имя важных практических расчетов (предпринимать ли плавание, начинать ли предприятие, вести ли войну), то весьма справедливым представляется предположение Моверса, что в Тире (а может быть и в других местах) предсказатели содержались на царский счет (см. 3 Царств. XXII). Число лиц исполнявших низшие религиозные обязанности было чрезвычайно велико. Страбон в различных святилищах (он указывает и хеттейские) насчитывает их тысячами. Этим числам не нужно удивляться, если принять во внимание указания 3 Царств, по которым при Ахаве в Израильском царстве было 450 пророков Ваала и 400 пророков дубравных (XVIII, 19–22, снеси XXII, 6 и 2 Паралип. XVIII, 5). Гиеродулы занимались земледелием и скотоводством на полях – часто весьма обширных – принадлежавших храму. Были служители, специально занимавшиеся пением и музыкой. Они приветствовали восход

и заход солнца, они играли и пели при жертвоприношениях и праздниках. Были служители, носившие воду и рубившие дрова для храмов (подобные нефинейам Ветхаго Завета, т. е. рабам подаренным, отданным Богу. Втор. XXIX, 11; Иис. Нав. IX, 23; 1 Ездры VII, 24). Были женщины, прислуживавшие при храмах, чистившие их, делавшие одеяния нужные для храмов, идолов и процессий.

Особенный тип религиозных служителей представляли собою кедешим и кедешот (от קֹדֶשׁ – святой, посвященный... в данном случае Венере). Русская библия всегда переводит эти имена словами „блудники“ и „блудницы“ (славянская переводит различно, иногда даже оставляет это название без перевода 4Цар. XXIII, 7). Одни из них жили при храмах (Осии IV, 14), другие свободно ходили по стране. Кедешим обыкновенно просили милостыню, кедешот торговали собою. Обыкновенно им платили козленком, как жертвой богине (повидимому в образе подобной кедешим явилась некогда Фамарь Иуде. Быт. XXXVIII, 14–17 срав. Быт. XXI, 22 по еврейскому тексту Иерем. III, 2). Женщины, отказывавшиеся принести богине жертву своими волосами, должны были один раз принять на себя обязанности кедешим. Возможно, что жертва волосами вместо жертвы честью представляла собою замену и смягчение последней. Может быть жертва волосами имела и более глубокий смысл и более благородное происхождение. Она была развита так, что существовал особый класс храмовых служителей, занимавшихся исключительно стрижкою волос. Особый вид кедешим представляли собою галлы. Полагают, что имя заимствовано от малоазийской реки Галл, воды которой будто-бы приводили в изступленное состояние жрецов Астарты. Может быть само слово галл представляет собою определение этого состояния, т. е. равно греческому *Θεοφόρητος*. Были так называемые женоподобные галлы. Это – галлы лишившие себя мужской силы. Лутан рассказывает, что, совершивши над собою ужасную операцию и имея в руке что, что получено от неё, галл вбегал в какой либо дом, и там были обязаны дать ему женское платье и женские украшения.

Наоборот, и женщины жрицы облачались иногда в мужское платье. Это облачение в одежды не соответствующие полу стояло повидимому в связи с мыслью о некоторой двухполости (гермафродитизме) в божестве.

Одним из распространенных способов выражения богопочитания у финикийцев было поставление стелл, столбов более или менее грандиозных и художественно устроенных с надписями, говорящими, что эти памятники посвящаются тому или иному божеству. Вот образец таких вотивных надписей (финикийские буквы здесь заменены еврейскими) на

финикийском и латинском языках.

לחותול לרבת Dominae. Tanaiti et Baali

בעלן לארן לב nostro, domino, Baali

על חמו אש נר Nhammano vir vovens Gad-Astoreth

ר נועשחרר scriba, filius Abd-Melcar.

ספר בן עברמלקר

Постоянным способом выражения богопочитания, как и везде, у финикийян была жертва. Важнейшим данным для составления о них понятия является массилийская надпись, найденная в 1845 г. и содержащая определения относительно платы за жертвы. Она не вполне сохранилась и ее дополняют по найденной подобной же таблице в Карфагене, хотя за всем тем остаются еще проблематические места. Недавно найдена еще таблица жертвенного тарифа на Кипре. Эти таблицы, написанные на камнях, несомненно были помещаемы на видных местах при входе в храм, чтобы желающие приносить жертвы могли ими руководствоваться. Вот – текст массилийской надписи. „В храме Ваала должна существовать следующая плата за жертвы, которая утверждена (в правление) суффета... ваала, сын Бод-танита, сына Бод (Эшмуна и в правление Хальци-Ваала) суффета, сын Бод Эшмуна сына Хальци-Ваала и (их совета). За быка будет ли это всесожжение, или просительная жертва или полная благодарственная жертва – жрецы (должны получать) десять секелей серебра за каждую штуку скота. И при жертве всесожжения жрецы, кроме того должны получить (300 секелей мяса весом). И при просительной жертве они кроме этого получают קערק (предположительный перевод: мелкие части) и עגל (предположительный перевод: жареное мясо), но кожа и задние части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За ל 1 ׀ (не вполне выросший бык) который уже имеет рога, но еще не вполне крепшкие, и который уже начал работать, или за оленя при всесожжении – будет ли это просительная жертва или полная благодарственная жертва – уплачивают жрецам пять секелей серебра (за каждую штуку скота и при всесожжении) должны кроме того получить 150 секелей весом мяса и при просительной жертве мелкие части (?) и жареное мясо (?), но кожа и задние части и ноги должны принадлежать жертвователю. За овцу или козу при всесожжении – будет ли это просительная или полная благодарственная жертва – жрецы (должны получать секель серебра) и два цара за каждое животное и при просительной жертве кроме этого им должны принадлежать мелкие части (?) и жареное мясо (?), но кожа и задние части и ноги и остальное мясо должны принадлежать

жертвователю. За ягненка или за молоденькую козу или за маленькую козулю при всесожжении – будет ли это просительная или полная благодарственная жертва – жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и (два) цара (за каждое животное и в случае просительной жертвы они должны получать) вместе с этим мелкие части (?) и жареное мясо (?), но кожа и задние части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За птицу – все равно домашнюю или дикую при всесожжении будет ли это $\text{ḫ} \text{ḫ} \text{ḫ}$ или $\text{ḫ} \text{ḫ} \text{ḫ}$ (два различных рода жертвы?) жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и два цара за каждую птицу и (кроме того много мяса). За птицу или за жертву перворожденного какого бы то ни было животного или за хлебную жертву или за жертву масла жрецы (должны получать) десять монет за каждую. Во всяком случае просительной жертвы, которая приносится богам, должен жрец получать мелкие части (?) и жареное мясо (?) и при просительной жертве... и за пироги и за молоко и за жир, и за всякую жертву без крови, которую кто либо приносит... И при всякой жертве, которую приносит какой-либо человек бедный скотом или птицею, жрецы ничего не должны получать... Все прокаженное, порченное или больное запрещается. И каждый должен из того, что он жертвует (?) кровь убитого. Плата за каждую жертву должна быть сообразна с тем, что утверждено в этом объявлении.. Что касается всякой другой жертвы, относительно которой нет предписания на этой таблице, и которая совершается не согласно с определениями которые (опубликованы в правление... ваала, сына Бод-Танита) и Бод-Эшмуна, сыра Хальци-Ваала и их совета, каждый жрец принимающий жертву, которая неопределена в написанном на этой таблице, должен быть наказан.... Что касается до жертвоприносителя, который не уплатит за жертву (её цены, тот также должен быть наказан?)“. Кипрские камни представляют собою счета по уплате, на одной стороне в месяц Этаним, на другой – в месяц Пеулат. „Плата в месяц Этаним, в новолуние месяца Этаним, богам новолуния два... Строителям, которые строили храм Астарет, каждому дому... Хранителями святилища и надсмотрщиками храма Резефа 20... людьми, которые ходят за скотом в присутствии святой царицы в этот день... За двух мальчиков... за две жертвы... Двум пекарям, которые пекли пироги для святой царицы. Тому, кто стриг, за его дело, два... десяти каменщиикам, которые строили фундамент и храм солнечного бога. Эбед Эшмуну, главному писцу, который послан был в этот день, три... За собаку и её ценят“... На другой стороне написано: „В новолуние месяца Пеулата. Богам новолуния два... владыками дня... благовония и мирную жертву...

Для идолов в храме солнечного бога и других богов... Для Карфагенского Эбед-баста. Человеку, который купил высохшие растения (?)... Пастухам страны два... ...Главной певице (альма) и 22 девам (аламот) с жертвою... За собаку и её щенят три??.

Эти темные докумены, без сомнения, не были бы даже переведены, тем более истолкованы без помощи библии и затем других семитических памятников. Какие это пироги или хлебы небесной царице? Конечно, те о которых говорил пророк Иеремия (VII, 18; XLIV, 19). О какой говорится здесь плате за собаку? О той, которая запрещена во Второзаконии (XXIII, 18). Каким брадобреям устанавливается плата? Производящим стрижку запрещенную в книге Левит (XIX, 27).

Очевидно, жертвы делились на несколько типов. Несомненно, первое место занимала жертва всежжения. Она имела несколько видов. Жертва просительная всегда вместе с тем была жертвой всежжения, жертва благодарственная могла быть и не быть всежжением. Была жертва мирная. Были жертвы без крови. Жертвы из птиц, надо полагать имели характер гадательный. Были жертвы, о которых и не говорят, приведенные тексты и которые представляли собою, так сказать, самопожертвование: жертвовали волосами, честью, мужскою силою, обрезывались, уродывались. Важные моменты и события жизни заставляли финикиян приносить жертвы по личной инициативе и уплачивать за них по определенной таксе. Высокие цены марсельского тарифа заставляют заключать, что и животные и вообще материал жертв продавались при храме. Без сомнения эта такса не только за совершение, но и за материал для обряда. Кроме жертв личных были постоянные храмовые жертвы – вечерние и утренние, в новолуние и полнолуние, в счастливые дни (ваалеямиле), во дни весенних и осенних торжеств, во дни воспоминаний особенных событий, явлений и действий божества. На марсельской таблице не говорится о человеческих жертвах, в конце тарифа даже утверждается, что совершение незаконных жертв будет преследоваться, но на кипрских счетах есть какое то загадочное упоминание о двух мальчиках. Факт человеческих жертвоприношений в Финикии не сомненен. Полагают, что на марсельской таблице сказалось гуманизирующее европейское влияние. Но происхождение этой таблицы относят к VI-ому веку до Р. Х., когда едва ли Эллада и Рим могли влиять на народы облагораживающим образом. Поэтому не лучше ли и не проще ли предположить, что человеческие жертвоприношения не числились в ряду жертв, они были жертвами необычными, которые вызывались необычайными событиями. Ужасные бедствия, свидетельствовавшие о

необычном гневе богов, требовали необычных жертв для их умиловления, великие предприятия тоже требовали великих жертв для соискания благосклонного содействия божеств. За великие удачи тоже должно было платить великими жертвами. Принесение в жертву пленников, рабов, конечно не было еще великой жертвой. Рабы также, как и скот, представляют собою нечто, за что должно платить по таксе. Великою жертвою являлось пожертвование богам сыновей и дочерей. Верю, что богам нужны подобные ужасные жертвы, повидимому, руководился Ахиил вефилянин при восстановлении Иерихона (3 Цар, XVI, 34; ср. Ис. Нав. VI, 25).

5.

У египтян в культе, преобладающее место занимали заботы о посмертной участи усопшего. У народов семитических невидно, чтобы область по ту сторону бытия была предметом больших их забот в этом бытии. Финикияне в этом отношении не представляют исключения. Ничего не известно об их погребальных обрядах, о поминовении или их умерших. За всем тем ряд данных позволяет заключать почти с несомненностью, что они признавали посмертное существование человека, что они представляли его подобным земному, что сравнительное посмертное благополучие они ставили в связь с тем, как человек провел жизнь и с тем, как другие позаботились и отнеслись к нему по смерти. Наконец, должно думать, финикияне признавали возможность взаимообщения между живыми и умершими. Обыкновенно подчеркивают мрачный и жестокий культ финикийских жертв, но возможен ли такой культ, если бы в основе его не лежали какие-либо светлые надежды? На получение какой награды рассчитывал галл-евнух, лишив себя мужской силы? Какого счастья ждали для себя и сына человек, приносивший этого сына на алтарь Молоха? Уродуя себя, лишая себя потомства или даже возможности иметь его, финикиянин, конечно, понимал, что на земле он не получит достойного возмездия за свою жертву. Его должна была руководить мысль о награде посмертной. Финикийские писатели называют в ряду божеств Прозерпину и Плутона (Мута). Это – названия божеств ада, божеств загробного мира. У финикиян были праздники воскресения богов: праздники воскресения Адониса, праздник воскресения Геракла (последний совершался при начале весны в месяце Перитии и повидимому с этим празднованием связана история Илии в 3 Царст. XVIII). В этих праздниках хотят видеть лишь стихийный характер – победу весны над зимою, жизни над смертью, но на самом деле в этом

случае у финикийян, как и других народов, явления природы давали только возможность в конкретной форме выразить нравственные идеи: в мире существует добро и зло, они борются, между собою, временно может побеждать зло, но окончательное торжество принадлежит добру. Смерть, это – торжество зла, но после смерти может еще произойти воскресение. Найдено много финикийских гробов и найдены надгробные надписи Табнита и Эшмуназара – царей сидонских. Полагают, что Табнит – отец Эшмуназара, и время Эшмуназара относят к IV веку, разногласия относительно более точного определения даты. Надпись Эшмуназара изучена тщательно (надпись Табнита имеет подобное же содержание), но это изучение дало лишь отрицательные результаты. Подобно тому, как в некоторых египетских надписях, в ней слышится глубокая скорбь по земной жизни и невидимо никаких светлых ожиданий относительно будущего. Надпись содержит в себе обращение от лица Эшмуназара. „Я покоюсь в этом каменном заключении, в этой пещере, в этом саркофаге, который я построил. Я заклинаю всякого человека царского или обыкновенного рода не открывать саркофага, чтобы искать в нем сокровищ, в нем нет сокровищ. (Я заклинаю) не разрушать каменного заключения, в котором находится мой саркофаг, не тревожить у меня в моем саркофаге сводчатой комнаты второго саркофага“. Но повидимому те, которые составляли надпись от имени царя, не были уверены, что достаточно заявления покойника, что в его гробе нет сокровищ, для того, чтобы отнять у воров охоту самим проверить это заявление. Финикийские раскопки новейшего времени показывают, что эта неуверенность имела для себя серьезные основания. Гробы большей частью оказываются разграбленными, но что любопытнее всего, что и сами они по крайней мере – некоторые оказываются воровского происхождения. Некоторые из них египетского происхождения. Затем, должно сказать, что на всех их сказались египетское влияние. Гробы антропоидны, т. е. имеют вид человека мумии – тип египетский. Заботясь о сохранении гроба Эшмуназара, устроившие его гроб устрашают любителей исследований в гробах следующими словами. „Всякий человек, который откроет свод этого саркофага или который потревожит камеру моего саркофага или который потревожит меня в моем саркофаге“ (надо полагать: будет жестоко наказан). Почти буквально те же заклинания повторяются в последних словах надписи, Эшмуназар призывает Ваала Сидонского, Астарту Шем-Ваала, лечителя Эшмуна и их храмы во свидетели, что, кто потревожит его гроб, тот сам будет наказан за это кощунство, его дети погибнут и сам он будет лишен мира в своем последнем сне, так как не

уважил покоя в гробе другого. Эшмуназар перечисляет в своей надписи заслуги свои перед богами, шлет отчаянные жалобы: жизнь моя преждевременно отнята у меня, величю моему настал конец, и вот я достойный лишь скорби лежу мертвым. Хотя надпись Эшмуназара относится к IV веку, но нет никаких оснований сомневаться в том, что Эшмуназар погребен по обычаю своих предков и что на его гробе можно видеть обычаи, державшиеся столетия. Финикийские гробы находят теперь не только в Финикии, но и во многих местах европейских, азиатских и африканских побережий. Проводившие жизнь в странствованиях финикияне, понятно, не редко умирали далеко от дома. Понятно, что в дали от родины финикиянам приходилось изменять архитектуру гробовых построек и приспособляться к местным условиям, но основным типом погребальных жилищ у финикиян вообще был такой: покойнику приготавливали пещеру, каменный саркофаг и деревянные гроба. Устраивались фамильные пещеры, ставились памятники. С покойником ставили и клали предметы, нужные ему в обычной жизни, полагали драгоценности, амулеты, вазы с благовониями, белье, посуду. Полагают, что клали пищу, но прямых указаний этого не найдено. Этот способ погребения указывает, что финикияне, как и египтяне, представляли себе, что в загробном существовании человеку нужны те же предметы, которые нужны ему на земле. Та настойчивая заботливость о сохранении гроба, которая слышится в надписи Эшмуназара, заставляет предполагать, что это сохранение ставилось в связь с посмертным благополучием покойника. Египетские представления могут послужить в данном случае комментарием к финикийским обычаям. Готовность приносить богам тяжкие и страшные жертвы тоже, очевидно, предполагает собою надежду на загробную расплату.

Представляя себе загробную жизнь подобную земной, финикияне – полагают – думали, что между тем и настоящим миром возможно общение на земле, что живые могут тревожить тени усопших и могут пользоваться их указаниями для своих выгод. Это предположение относительно финикиян основывается отчасти на аналогиях и главным образом на некоторых запрещениях библии, относительно которых заключают, что они были направлены против финикийских обычаев. В XIX, 31 Левит. повелевает: „не обращайтесь к вызывающим мертвых и к волшебникам не ходите“. То же самое повеление повторяется в XX, 6 ст. причем оно поставляется в связь с запрещением служить Молоху и следовать оргиастическим культам (ст. 6 и предыдущее). Во второзаконии XVIII, 11 опять повторяется запрещение обращаться к вопрошающим мертвых, ему

предшествует здесь запрещение иметь в своей среде проводящих детей своих чрез огонь. Галеви обратил внимание на XXVI, 14 ст. второзакония: „я не ел от неё (святыни, имевшейся в моем доме) в печали моей, и не отделял её в нечистоте, и не давал из неё для мертвого“. Под святынею здесь разумелась десятина от начатков, которая в третий год отдавалась левиту, пришельцу, сироте и вдове (12). Слова „не давал из неё для мертвого“ ясно указывают на существование обычая делать приношение пищи мертвецам. Из текста и контекста нельзя заключать с необходимостью, что в данном месте имеется в виду финикийский обычай. Группа исследователей рационалистического направления приходит к этому утверждению своеобразным путем. Второзаконие, говорят, написано при последних царях Иудеи, тогда представители закона вели упорную борьбу с языческими и в частности – пожалуй, даже преимущественным образом – финикийскими обычаями, отсюда, естественно заключение, что и данное запрещение направляется против финикийского обряда. Но когда поднимается вопрос о времени происхождения второзакония, данный текст вместе с другими, как направляющейся против финикийян, является указанием на седьмой век даже последнюю четверть этого века. Не всем подобная аргументация покажется убедительной. Здесь есть нечто близкое (не говорим совершенно тождественное) к тому, что называется логическим кругом и здесь упускается из виду, что финикийские колонии существовали в Палестине в эпоху Моисея и Гисуса Навина, что Саул начал свое царствование с преследования вызывателей мертвых, а кончил тем, что сам обратился к одной из таких вызывательниц (1 Дар. XXVIII). Вызывание мертвых естественно предположить связанным с приношением мертвым. Последние книги царств, вообще документы VIII-VII в.в. не говорят о подобных вызываниях. Нет указаний, чтобы они в эту эпоху происходили у финикийян. Финикийская религия связана с египетскою. Представления о загробном мире, отвечающие обычаю вызывать усопших, и здесь отходят в далекое прошлое. Тоже должно полагать и о Халдее. Конечно, в низших слоях населения могли держаться какие угодно воззрения, но в слоях более развитых культурно некромания должна отступать на задний план. В эпоху Моисея и Иисуса Навина многовызывателей усопших должно было существовать в Нильской долине, на Синайском полуострове, в передней Азии, но 900–800 лет спустя число их должно было значительно уменьшиться. Конечно, не в эту позднюю пору должен был явиться закон, преследующий это вызывание, закон который за много столетий ранее

пытался так ревностно осуществить Саул.

Религию называют санкционированной моралью. Какую же мораль санкционировала религия финикийян? Недобрую память сохранили по себе финикийяне по южным побережьям Европы и Малой Азии. Геродот свою историю начинает с повествования о вероломном и безчестном похищении Ио финикийцами, греки считали их жадными и безжалостными обманщиками, в произведениях римлян *fides púnica*, представляется как крайняя степень вероломства. Однако, если обратиться к религии финикийян, то здесь за образами жестоких и чувственных богов можно найти благородные и возвышенные идеи. Божество Сидик или Седек (Мельхиседек-царь правды), т. е. справедливость, правда, было отцом Кабиров. Финикийская космогония знает божество любви. Финикийский культ признает право на существование за безмерною скорбью. Горе и скорбь вследствие смерти Адониса, несомненно имеют в себе этическую основу. Жертвы и самопожертвование свидетельствуют также о могучем нравственном духе. Историки крайне неблагоприятствующие финикийцам свидетельствуют нам о них, что они были трудолюбивы, предприимчивы, смелы. Но и нравственное понимание и добрые качества духа ступеньками и меркнут перед темными сторонами их характера. Финикийяне были купцами. Страсть, овладевающая купцами известна. Это – корыстолюбие. Оно ужасно тем, что по мере того, как развивается, заглушает все благородные и добрые качества сердца. И в современной торговле обман играет крупную роль, в древнем мире обман был существенным рычагом торговли. Кроме обмана для удовлетворения корыстолюбия требуется безжалостность. Если будешь жалеть бедных, упускать случай овладеть чужим, не наживешь много. Так думают многие в настоящее время, в древности так думали почти все. Корыстолюбие развивает жестокость. В начале европейцы были гораздо менее культурны, чем финикийяне. Последние и обманывали их самым жестоким и бессовестным образом. Но их нравственное огрубение само в себе заключало для них кару. По своему образу они стали истолковывать своих богов. Корыстолюбие, безжалостность и жестокость они приписали и им. Жестокие, как купцы, финикийяне в тоже время любили роскошь и чувственность, как люди востока, как семиты. И эти черты перенесли на богов. Так, финикийяне сами над собой создали жестоких тиранов, которым и приносили мучительные и тяжкие жертвы. Это – в эпоху могущества и блеска Финикии и финикийских колоний. Но история показывает нам, что над ними был совершен и иной высший нравственный суд. Они, как корыстолюбивые купцы, стремились отнять

все у других и кончили тем, что погибли, отдав все другим. Они передали культуру европейским народами, а европейские народы уничтожили их.

Финикияне были близки с евреями. Пытаются утвердить между ними и факт религиозной близости. Говорят, что верования евреев в первое время поселения их в Палестина, не отличались от финикийских, и что только впоследствии возникло и развилось их религиозное разделение. Финикияне, сосредоточив все свои духовные силы на торговых интересах, не пошли вперед в религиозном развитии, у евреев напротив имела место быстрая религиозная эволюция, закончившаяся утверждением чистого монотеизма. В этой теории истина тесно переплетена с заблуждением. Поэтому, кто отвергает ее всецело, тот сам впадает в заблуждение, но кто принимает ее всецело, тот принимает чисто рационалистическое воззрение. В этой теории должно разобраться. Для этой цели должно установить различие между прогрессом культурным и прогрессом религиозно – нравственным и затем между судьбами Откровения и судьбами еврейского народа. Культурное развитие на пространстве векови имело место у финикияни. Страбони называет какого-то древнего финикийского философа Моха будто бы основателя атомизма. В Карфагене известен географ Магони, несомненно там были историки, были там философы Аструбалн Клитомахн. Эти имена дошли до нас, но несомненно там существовали и многие иные, имена которых погибли. Однако вместе с этим культурным развитием не шло параллельно религиозное развитие. Тиле, сторонник изложенного рационалистического взгляда на судьбы финикийской и еврейской религии, сознается, что древние финикийские культы были менее жестоки и суровы, чем культы позднейшие. Так, на самом деле он констатирует у финикиян не факт религиозной неподвижности, а факт религиозного регресса. С другой стороны, кто бы и чтобы ни говорил, учение о едином Боге-всемогущем творце и промыслителе было у евреев в эпоху Моисея, но оно в своей полной ясности и определенности было воспринято далеко сознанием не всех евреев. Отсюда не мало евреев увлекалось финикийскими обычаями и несомненно, что в первое время по переселении евреев в Палестину таких увлекающихся было гораздо больше, чем в иудейском царстве в предпленное время. Человеческая слабость могла толкнуть Соломона (3Цар. XI, 5) или Иуду (Быт. XXXVIII, 15–17) на путь порочных культов, суеверное корыстолюбие могло пожертвовать даже сыном в пользу божества покровительствующего торговле, но рядом с этими слабостями и страстями существовало сознание истинной правды (Быт. XXXVIII, 26; 3Цар. VIII, 23–53). Это сознание постепенно глубже и сильнее вкоренялось

в евреях, и в эпоху вавилонского плена богосознание народа возвысилось до того, что исключило возможность следовать нечистым-чувственным и жестоким языческим культам.

Говорят, что евреи в средние века были такими же безжалостными и нестесняющимися правдой торгашами, какими были финикияне в древности. Только условия складывались не всегда благоприятно для евреев. Против них поднималось раздражение и негодование масс. В средние века это происходило особенно часто, но это имело место уже и в древности, было и во дни Клавдия в Риме, бывает это и в настоящие дни. И теперь при этом не хотят часто видеть, что дали хорошего евреи, и в прошедшем упускают из вида, что дали финикияне. Евреи дали миру нравственную правду, финикияне дали культуру. Кто знает, сколько веков понадобилось бы грекам для того, чтобы путем собственной самостоятельности подняться до эпохи Перикла? Им в их первых шагах помогли финикияне. Но на финикийских кораблях бывали и евреи, бывали, конечно, и евреизированные финикияне. Если для всех такие корабли привозили культуру и произведения культуры, то для отдельных – наиболее чутких нравственных личностей – названные лица произвели религиозно-нравственную правду. Это был один из путей, которыми семена нравственной правды рассеивались по миру. Некоторые апологеты древности представляли себе, что из этих семян развились сравнительно возвышенные идеи о божестве в классической философии. Такое представление не может быть правильным. Философия может приготовить почву для принятия религии, в некоторой мере такое значение имела и классическая философия, но религия, если она выражается в философии, погибает. Действительная религия есть практика жизни. Она есть то, во что верует сердце и что исповедуется словами и делом. Древние семиты не были склонны к философии, но они были сильны в религиозной практике. С различными формами её знакомили финикияне древних обитателей побережья Средиземного моря, и в ряду этих религиозных форм жизни должны были быть и еврейские.

5. Религиозные верования сирийцев и арабов¹⁵

Культурное и религиозное развитие древней Греции не может быть выяснено и истолковано во всем своем объеме из особенностей арийских племен и местных географических условий. На культуре Эллады оставили свой сильный отпечаток культуры Египта, Финикии, хеттеев и ассирово-вавилонян. Чтобы понять религию Греции, нужно понять религии этих народов. Но чтобы вполне понять религии этих народов, нужно изучать не только их – каждый особенно и все во взаимоотношениях, – но должно изучать и ту историческую и этнографическую среду, в которой протекало их развитие. В египетском пантеоне отыскивают богов Сомали, наприм., Беса, и через Египет этот бог оказывается переданным Финикии. Тем более в пантеоны и культы древних культурных народов должны были проникать верования и обычаи родственных им, но менее их культурных соседей. Ведь не только люди более образованные влияют на менее образованных, но всегда происходит еще и обратное влияние. В религиозной области такое влияние снизу вверх, а не сверху вниз сказывается еще сильнее, чем в других сферах. Черты арамейского бога Барку или Бирку ассирийцы перенесли на своего бога Раммона, хотя ассирийцы в культурном отношении стояли гораздо выше арамейцев, которым по некоторому недоразумению было усвоено в искажении имя ассирийцев, их называли сирийцами и страну их Сирией. Хеттеяне не были семитами, однако их религия, поскольку она выяснилась в настоящее время, является чисто семитической. Культурные народы передней Азии жили около и среди семитических племен, и между ними была тесная религиозная близость. Малокультурные сирийские и некультурные арабские племена были тою средою, чрез которую или на которой и сталкивались и вели мирные сношения Ассирово-вавилония с Египтом, Финикиею, хеттеями. Вот, почему обозрение верований сирийских и арабских племен является существенно важным при изучении религий культурных народов древнего востока.

Под Сирией, носившей в древности имя Арама, разумелась область ограниченная с востока – Евфратом, с юга- аравийской пустыней, с запада – Палестиной и Финикией, с севера – ливанскими горами, где находилась область хеттеев (теперь пределы Сиры расширены). Границы эти не оставались неизменными, в счастливые времена они расширялись, в несчастные сирийцев теснили с севера хеттеи, с запада евреи, с востока ассирияне. В Сиры обитало много племен, которые были независимы одно

от другого и представляли – каждое – самостоятельное царство. Когда кончились цветущие времена еврейского царства, и ослабели царства иудейское и израильское, тогда возвысилось царство Дамасское при преемниках дамасского царя Рецина. Но слава Дамасского царства не могла быть продолжительной. Сирия была проходною дорогою для войск великих монархов. Лишь только она стала расширяться по направлению к западу и почувствовала себя свободнее на севере вследствие ослабления царства хеттеев, через нее по направлению к тому же западу двинулись полчища усилившейся Ассирии. Затем поднялся Вавилон, затем явились персы, затем греки. За три столетия до Р. Х. область Арама превратилась собственно в сирийское царство.

Арам был тесною родственною связью связан с евреями, и отец еврейского народа Иаков называется в Библии странствующими арамеянином (Второзакон. XXVI, 5). История Иакова и Лавана раскрывает нам эту родственную близость, но вместе с тем указывает на громадное их религиозно-нравственное различие, при сем, как показывает Библия, влияние Арама на израильтян было далеко неблагоприятным (Быт. XXXI, 34–35). Религиозные воззрения в Сирии были по существу теми же, какие держались на востоке в Ассирии и Вавилонии и на западе в Финикии. Признавалось и почиталось в Сирии общесемитическое божество Эл, Илю и его женская форма Илат. Повидимому преимущественно это божество почиталось в южной Сирии, где это имя употреблялось предпочтительно для обозначения высшего Божества. Находят это имя во многих арамейских именах и позднее у набатеев. За имеющими неопределенные и неясные очертания Илю следовали имевшие гораздо более конкретные формы Адоны, Ваалы, Мелеки. Слово Адон встречается очень часто в именах хананейских царей (Иис. Нав. X, 1 Суд. 1, 5–7). Почитался Ваал с разными определениями, наприм., Ваал Ермон (Суд. II, 1, 3; 1 Паралип. V, 23). Библия часто называет Молоха, как главное божество аммонитян. Те, которые рассматривают Молоха, как имя класса, полагают, что за названием Молоха у аммонитян скрывалось божество Аммона или Аммана. Эта догадка не колеблется, если под Молохом разуметь индивидуальное божество. Божество аморреев, моавитян в Библии обыкновенно называется Хамос, а божество аммонитян Молохом (Суд. XI, 24; Числ. XXI, 29; 3 Царств. XI, 7; 4 Цар. XXIII, 13). Указывают на то, что Молχом по переводу LXX равняется ὁ βαφτσιλεὺς αὐτῶν (см. по еврейскому и греческ. тексту 2Цар. XII, 30; 1 Паралип. XX, 2). Но дело в том, что и на земле у сирийцев – у каждого самостоятельного племени – был один царь, который правил пожизненно, одного постоянного царя естественно им

было мыслить для себя и на небе, поэтому под Молохом или Милхомом аммонитяне мыслили всегда один определенный образ. Может быть этот бог носил еще имя Аммона или Аммана. Почитался среди сирийцев, как и у финикийян и у египтян, Решеф, почитался Шамас, хотя и другим некоторым божествам усвоились черты солнечного бога. Особенное положение в арамейском пантеоне занимали Адад или Хадар и вместе с ним Риммон. Это наиболее почитавшийся божества Дамаска. Имя Адада, по свидетельству Николая Дамасского, заключалось в именах десяти дамасских царей и имя Риммова (см. 3Цар. XV, 18; о Риммоне см. еще Цар. V, 18). Адад и Риммон сливались в один образ и должно полагать, что с именем Гададриммона у сирийцев был связан миф и праздник такой же, какой у финикийян связывался с именем Адониса. На это указывает пророк Захария, когда сравнивает плач имеющий быть в Иерусалиме с плачем Гададриммона в долине магеддонской (XII, 11). Почитался в Сирии и Дагон. Позднейшая история представляет нам его божеством филистимским (1Цар. V.), но как имеются свидетельства о том, что он почитался в Финикии, так существуют указания и на то, что он был почитаем хананейскими племенами, может быть даже в эпоху, когда филистимляне еще не вторгнулись в Палестину. В Палестине были города, в состав которых входило имя Дагона (Иис. Нав. XV, 41; XIX, 27). В тель-эль-амарнской переписке упоминается Дагантакала: по всему вероятно Дагон почитавшийся в Сирии был по своим свойствам подобен Еа (Оаннесу) богу – рыбе Халдеи. Был в Араме божеством молнии Барку или Бирку весьма похожий на халдейского бога бурь Раммана, хотя с другой стороны между Рамманом и Риммоном существовало не только звуковое сходство. В них видят одно божество, произношение имени которого и свойства изменились с течением времени у различных народов.

Рядом с мужскими стояли женские божества. Была Ваалт-Гевал. Была Милькат. Почиталась Астарта с различными поднаименованиями. Была Астарет Наамах (Дамасций называет божество *Ἀστρουόη*, Моверс полагает, что справедливее читать *Ἀστρουόμη*), имея в виду семитическую основу). Была Аштеров Карнаим. Она изображалась повидимому в виде египетской Гатор. Изображение её хотят видеть в каменном памятнике, находящемся в Харране и называемом у арабов камень Иова (она изображалась, с рогами, имевшими вид молодой луны). Богиня оргиастического культа нередко именовалась Кадшу. Были божества Атаргатис, Деркетто. Деркетто в женском образе представляла собою то, что Дагон в мужском. Была богиня Гад-божество судьбы, фортуны (Ис. XXV, 11; это имя входило в географические названия Иис. Нав. XI, 17; XV, 37). Почиталась богиня

Анат, иначе называвшаяся Анаити, Анити. Это имя также встречается нередко в библейских книгах (Иис, Нав. XV, 59; XIX, 38; XXI, 18; Суд. I, 33; 3 Дар. II, 26; Иерем. I, 1; XXIX, 27), встречается оно (карт-Анители) и на египетских памятниках. Была богиня Азити. Есть выражение: Азити-иакхуру, что переводят предположительно: Азити воспламеняется от гнева. Ей повидимому приписывался воинственный и жестокий характер. За богами в иерархическом порядке, как и в халдейской религии, следовал безчисленный цикл духов. Трудно решить – к классу божеств или духов должно быть отнесено Лилит – загадочный образ о котором говорит пророк Исаия (XXXIV, 14 по еврейскому тексту לִלִית – по русски переведено – ночное привидение). Проявление вышечеловеческой силы божеств и духов видели в нижечеловеческих существах и просто неодушевленных предметах. Были священные животные, птицы, рыбы, растения. У Плитя в его естественной истории (XXXVII, 71) есть свидетельство, что в Сирии некоторые геммы почитались, как почки, глаза, пальцы бога Адада. Отсюда делают вывод (Галеви), что в Сирии вообще почитали бога Адада под формою камней, которые поражали своим сходством с некоторыми частями человеческого тела. Камни конической формы сначала были символами божественного образа, затем они стали подвергаться более совершенной обделке и превратились в идолов. Были у арамейцев терафимы – какие то небольшие изображения богов (Быт. XXXI, 19 и след, впоследствии видим у евреев были терафимы повидимому по размеру подходившие к людям I Цар. XIX, 13) Сабезизм, т. е. почитание светил было развито значительно в Сирии, хотя и менее, чем в Халдее. Полагают, что в Сирии каждая область считала себя находящеюся под покровительством того или другого из задикальных созвездий. Почиталось в Сирии божество Марна, считавшееся у филистимлян покровительствующими Газе: Это было божество планеты Юпитера. В честь этого божества устраивались в определенное время игры и бега колесниц. При Антиохе Епифан получил распространение культ Моазина, полагают, римского Марса, но этот культ, должно полагать, потому и встретил себе сочувствие, что планета Марс пользовалась большим почитанием уже ранее. Красный цвет Марса имел особенное мистическое значение. Это был цвет пустыни, цвет Сета-Тифона в Египте, цвет греха и зла.

В сирийских областях имелись жрецы всех тех типов, какие были в Финикии и у халдеев. Верховные жрецы, жрецы совершители обрядов, специализировавшиеся на тех или иных подробностях религиозного ритуала, галлы, галлы-евнухи, певцы, музыканты, жрицы различных

профессий, в числе которых были и религиозные танцовщицы и кедешы, были и пророки и пророчицы (Аод выдал себя за моавитского пророка Суд. III, 16–22), и волшебники и волшебницы (I Цар. XXVIII, 7). Храмы Сирии, должно быть, были многочисленны. Храм Мабога (Гиераполиса), описанный Лукианом, позволительно думать, был хеттейским. Может быть наиболее замечательным из сирийских храмов был дамаский в честь Риммона (4Цар. V, 18). Вероятно при этом храме был жертвенник, который так пленил своею красотой иудейского царя Ахаза и по образцу которого он поставил жертвенник в Иерусалиме (4 Цар. XVI, 10–14). Может быть в областях Сирии храмы служили иногда и крепостями (см. историю Авимелеха. Суд. IX, особенно 46 и след. Размеры храма Дагона в Газе тоже подтверждают это. Суд. XVI, 28 и след. особенно 27 и 30). Кроме храмов в Сирии был обычай воздвигать в религиозных целях памятники. Ставились памятники в виде простых столбов или с капителями (стелы) в память событий, счастливый исход которых приписывался, божественной помощи. Ставились надгробные памятники, они назывались нефеш. Так называли их и евреи (Быт. XXXV, 10 по еврейск. тексту), Нефеш значит жизнь, дыхание, душа. Понятно, что наименование надгробного памятника душою обуславливается целою системою верований в загробное существование души. Жертвы сирийцы приносили те же, какие вообще приносили северные семиты. Кровавые жертвы были распространены. Иногда, полагают, приносили богам в жертву всех детей, на которых указывали боги. В 4 Царств. III читаем о Месе, царе моавитском, что он в тяжелых обстоятельствах, когда израильтяне одолевали его, взял „сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него и вознес его во всеожжение на стене“ (27). В 1869 г. открыт памятник („камень спасения“), который Меса воздвигнул Хамосу за свое избавление из рук израильтян. Обращают внимание на то, что Меса в своем памятнике, не говорит о принесении им в жертву сына. Объясняют это различным образом. Некоторые полагают, что найден камень не весь, что нижней половины у него не хватает (две последние строчки и на найденном камне неразобраны) другие склонны заподозрить точность библейского известования¹⁶). Трудно объяснить это. Может быть сирийцы, финикияне, карфагеняне в минуты ужаса решавшиеся на заклание собственных детей, потом находили тяжелым самое воспоминание об этой ужасной жертве. На массивной таблице тарифов, где говорится подробно о самых различных жертвах, нет речи о жертвах человеческих. Ничего не говорится о них, и на карфагенской надписи. Отчаяние могло подвинуть Месу на то, чтобы поднять руку на

собственного сына, Писатель четвертой книги Царств сообщает, что страшное всежжение Месы вызвало большое негодование у израильтян, и они отступили от осаждавшегося ими Кир-Харешета. В конце концов, как показывает памятник Месы, Меса избавился от всех страхов и опасностей. Отчаяние должно было смениться радостью. Но потеря сына и даже воспоминание об этой потере должно было омрачать радость. Радость была дарована Хамосом за ужасную цену. Не только нравственный такт, но и простой здравый смысл побудил Месу умолчать об этой цене. На подобных победных колоннах не говорят о трауре вдов, смертью детей которых куплена победа. Принесение богу в жертву сына заставляет предполагать в боге глубокую жестокость. Но бог за полученную жертву даровал победу. Достаточно поблагодарить бога за победу, не напоминая ему о той цене, которую он за нее взял. В ряду других жерхв в сирийском культе останавливает на себе внимание жертва рыжего осла или рыжего тельца. В постановлениях ветхого завета повелевается все перворожденное приносить в жертву, первенца человеческого выкупать, а первородное из ослов заменять агнцем или выкупать его (Исх. XII, 13; XXXIV, 20). Здесь осел как бы выделяется из среды животных и приближается или даже уравнивается с человеком. Кажется это можно объяснить так. Осел приносился в жертву темным божествам – Сету-Тифону. Жертва темным силам запрещается евреям и вместе с тем запрещается и вообще употреблять в жертву животное, которое обыкновенно приносилось этим силам, чтобы первое не навело на мысль о последних. На место жертв нечистым силам в ветхом завете поставляется жертва, очищающая от нечистоты. Это – жертва рыжей телицы, пепель которой должен был служить очищающим средством (Числ. XIX). Восточные соседи еврейского народа не знали ничего более ценного и потому более приятного для богов, чем кровь (в крови – душа), и поэтому они приносили богам в жертву самую дорогую кровь человеческую; по соображениям разного рода они пришли к заключениям, что животные рыжего цвета приятны некоторым божествам, и кровь их охраняет от зла. Отсюда жертвы рыжего осла и рыжего тельца. Сирийские праздники представляли собою чествование солнца и перемен в его отношениях к земле, формы этого чествования были аналогичны хеттейским и финикийским. Затем следовали праздники в воспоминание различных событий. Были празднества, определявшиеся потребностями и обстоятельствами жизни. Такими повидимому в некоторых местностях было религиозное празднество после собирания винограда (см. Суд. XXI, 19–23). В своей поэтической классификации религий Гегель назвал

сирийскую религию религией страдания. Верования и культ южных семитов-арабов представляют собою значительное смягчение северных верований. Едва-ли можно сомневаться, что прародина семитов лежала к северу от арабского полуострова, но условия жизни заставляли в различные исторические периоды передвигаться одну за другою ветвь семитов. Библия указывает предков арабов и в Араме, сыне Сима (Быт. X, 22–23), и в Иоктане, сыне Евера (Быт. X, 25–30), и в Измаиле, сыне Авраама (Быт. XXV, 12–19), и в Мадiane, другом его сыне (Быт. XXV, 1–4), и в Едоме или Исаве (Быт. XXXVI). Были народности, жившие на арабском полуострове до появления там семитов (кушиты), но они были оттеснены семитическими племенами, хотя без сомнения оставили некоторый след в духовных воззрениях последних. Одним из источников для суждения о верованиях арабов в древности являются гимиаритские надписи. Гимиаритский – один из семитических языков, на которых говорили арабы. Ленорман полагает, что его следовало бы назвать сабейским. Религиозные верования различных арабских племен, понятно, представляли различия, как различались между собою верования различных сирийских племен, но сущность и дух этих верований были одинаковыми.

Боги древней Аравии, это те же старые боги Халдеи. Ил, Бил, Шамс, Атхор, Син, Симдан представляют собою лишь слегка измененные (а Син даже и неизменное) имена вавилонского пантеона. Такое имя, как Дху-Самави представляет буквальный перевод финикийского Ваал-Самаин. У северных арабских племен встречаются культы и буквально тождественные с культурами ханаанских, сирийских и вавилонских племен (см. Чис. XXII–XXV). Но одно божество выделяется в арабском пантеоне, поднимается над другими, заслоняет собою их и в конце концов их вытесняет. Это – Аллах. В глубокой древности ему придавалось еще имя Ил-Маках==бог, который внимает. Культ его был наиболее распространен. Его называли Аллах таала – высшее божество. В клинообразных надписях, говорящих о состоянии Аравии в VIII–VII в. в. до Р. X. имя Аллах часто входит в состав географических обозначений, каковы – наприм., Ау-Аллах Шам-Аллах. Пред временем Магомета секта ганифов исповедывала веру в единого бога Творца-Аллаха. В верованиях этой секты, как вообще в верованиях арабских племен позднейшей эпохи, было много иудейских и христианских элементов, но имя Аллаха ведет нас в древность много предшествующую появлению христианства. Аллах вытеснял других богов постепенно, он ограничивал их власть, закрывал их имена своим именем, и они постепенно ниспадали на роль – духов, благодетельствующих или

вредящих людям. Таковы, джинны, гули (духи вредоносные), подобными являются и Бенат, Аллах – дочери Аллаха. Но прежде чем настала эта эпоха, следы которой видны еще в коране, древние боги семитов господствовали в Аравии под самыми различными именами. С свойствами бога солнца являются здесь Атар-Самаин, Уротал, Изаф, Вад, Манаф, Ягут, Яук, Хобал. Лунное божество, которое управляет рожденьями, называлось Алилат-Аллат, Хайла, Саваха, Монат. Характерно развит в арабской теологии образ гермафродитного божества Атор или Атар. Это имя часто встречается на гимнаритских надписях. Атор представлялся, как лицо мужское и назывался отцом Сина, но в то же время Атор лицо совершенно женское. Атор == Venus barbata, царь Астарта. Атор упоминается в клинообразных надписях Ассур-банипала, как одно из главных арабских божеств: Атар-Самаин-Атар небес. Этот образ сближают с египетской Гатор и полагают, что культ её был введен фараонами на западном берегу аравийского полуострова.

В религии арабов получил преобладающее значение сабеизм – почитание светил. Почитали семь планет (т. е. солнце, луну и пять планет известных древним), наиболее обращающая на себя внимание звезды, каковы – Альде- баран (глаз тельца), Канопус (Сохаил), Сириус (Шаари лебур), почитались плеяды, зодиакальные созвездия. Жившие в своих пустынях жизнью природы, арабы ближе и больше должны были видеть связь земной жизни с небесными переменами. Весною перед равноденствием арабы держали тридцатидневный пост в честь поднятия солнца на небо (на наибольшую высоту), и затем при наступлении равноденствия, когда солнце вступало в знак овна (V), у них устраивался торжественный праздник. Зодиак арабы называли кругом двенадцати укреплений. О звездах у них была составлена целая серия поэтических сказаний. Звезды для них были живыми душами, история которых часто представляла ужасную трагедию. Канопус был мужем Альяузы (Оршна), он умертвил жену, бежал к полярной звезде, его преследовал Шаари лебур. Год у аравитян был лунный, некоторые из месяцев назывались святыми, названия некоторых буквально должно переводить так: непоколебимо святой, высоко чтимый, месяцы открытия, месяц паломничества.

Арабы воздвигали храмы (beit) хотя понятно далеко не такие роскошные, как в Халдеи или у финикийян. Храмы строились и представителями власти и воздвигались на частные средства. Обыкновенно они окружались священной оградой (hami haam), которой вообще ограждались священные места у семитов. Храм посвящался обыкновенно специально одному божеству, но затем в каждом храме

отводилось место для почитания еще тех или иных божеств. В храмах ставили, как посвящение или дар богам, статуи, посвятельные таблицы, драгоценности, золотые и серебряные слитки. Храмы владели землями, стадами, рабами. Существовал обычай торжественно посвящать себя, семейство и имущество в услужение тому или иному божеству. При храмах, понятно, были жрецы. Но институт жрецов не был развит у арабов. Жреческие обязанности в семье исполнял и глава семьи, мог исполнять в племени глава племени.

Будучи по существу тою же, что и халдейская и сиро-финикийская, религия арабов представляла собою упрощение и смягчение северных религиозных форм. Храмы Аравии не были так роскошны, как храмы Вавилона или Тира. Вместе с тем в их устройстве не было и такой пестроты и сложности, как в храмах названных городов. Идолопоклонство не было развито в Аравии. Оно не пользовалось там сочувствием. У арабов можно заметить способность к исполнению заповеди о том, чтобы не творить себе кумиров и каких-либо подобий. У них не было склонности обожествлять символ, в чем состоит сущность идолопоклонства. Сделанное произвольно подобие бога они не были расположены принимать за бога. Может быть ограничению идолопоклонства содействовал и сабеизм. Уже в хеттейском храме Мабога не было идолов солнца и луны, потому что они у всех перед глазами. Этот взгляд несколько развитый делал излишним поставление статуй Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру, Сатурну. Созерцая в чудные южные ночи на темноголубом небе величественные созвездия, загадочные планеты, порою чудесные метеоры, араб естественно должен был предпочитать связывать свое религиозное почитание с этими светлыми образами, чем с варварскими произведениями своих детских живописи и скульптуры. Арабы приносили кровавые жертвы – быков, баранов, верблюдов. Несомненно, были у арабов и человеческие жертвоприношения. Но этот дикий культ не получил у них развития, и может быть такие жертвы допускались лишь, как страшное исключение. Существует позднее сказание (приурочиваемое ко времени близкому к рождению Магомета), как один правитель для спасения осажденного города хотел принести в жертву своего сына, но по совету вещей женщины заменил его сотнею верблюдов. Сто верблюдов стали для араба чем-то в роде городов убежища: ими можно было откупаться при убийстве кого-либо от опасностей родовой мести. Этот рассказ, очевидно, относится к эпохе борьбы с родовой местию, а не с человеческими жертвами. В культуре арабов помимо кровавой стороны была еще и другая, не оскорблявшая

нравственного и удовлетворявшая эстетическое чувство. В их жертвенном ритуале играли большую роль благовония и в их религиозном культе отводилось место почитания деревьев. Вокруг одного египетского терна (*spina aegyptica*) в Накке был воздвигнут храм. Тоже самое было сделано по отношению к одному финиковому дереву (*Dhatanvat*) вблизи Мекки. На жертвенных алтарях у арабов не только дымилась кровь заколотых животных, но и поднимались благовония от бальзамов, мирр, ладанов, различного рода смол. Говорит, что Магомет сказал о себе, что он любил молитву, женщин и благовония, но больше всего молитву. Религиозного культа женщины не было и нет у арабов, но с глубокой древности арабы заботились о том, чтобы фимиам воскуряемых ими благовоний обильно поднимался к небу, как символ их усердных молитв обращенных к Творцу неба..

С слабо развитым идолопоклонством у арабов соединялся широко развитый фетишизм. Они знали и почитали много предметов имевших сверхъестественное происхождение и обладавших сверхъестественною силою. У них повидимому было развито ношение талисмановъ. Может быть роль таких талисманов играли серьги. В книге Судей повествуется, что Гедеон попросил у израильтян из захваченного ими у врагов: „дайте мне каждый по серьге из добычи своей (ибо у неприятелей много было золотых серег, потому что они были измаильтяне (VIII, 24). **Предметами** фетишистического почитания у арабов было то, что встречается наиболее часто и наиболее редко в их пустынях. О том, что камни играли роль в их обрядах и договорах, свидетельствует Геродот. „Нет в мире народа, говорит он (Истор. кн. III, 33), который бы так свято соблюдал данное слово, как арабы. Дают свое слово они таким образом. Стороны, заключающая союз, избирают посредника, который острым камнем делает у них надрезы на ладонях; затем обмакивает в кровь края их одежды. Эту кровью посредник натирает семь камней, которые помещаются между заключающими договор. При этом посредник призывает имена Дионисия Вакха и Урании. Кроме этих божеств арабы не знают никаких других. Они подбривают себе волосы на висках и стригут их кругом, говоря, что такова была прическа Вакха. Вакха они называют Уроталом, Уранию же Алилатою, Милиттою“. Очевидно Уротал (Уртаала – высший свет) есть солнце, Алилата (Ал-лат) – Астарта, луна. Камни, которые почитались арабами, были, полагают, преимущественно аэролитами. В ряду таких камней стяжал себе громадную славу и сохранил ее до ныне камень каабы. Это – небольшой черный камень. Легенда, вероятно, уже позднейшая рассказывает следующее о

происхождении этого камня и святилища, в котором он помещается. Тип храма каабы был создан на небе до создания Адама и его почитали ангелы, которые по повелению Аллаха собирались вокруг него для религиозных церемоний. Адам, который был первым истинно верующим, воздвиг храм каабы на земле, после него его сын Шит (Сиф) перестроил Каабу. Во время потопа храм был поднят на небо за исключением его основания, которое было скрыто под землей. Впоследствии Аллах приказал Аврааму при помощи сына Измаила возстановить святилище. Когда по повелению отца Измаил отправился отыскивать камень, который должен был обозначать угол, откуда пилигримы должны начинать обход (таваф), он встретил ангела Гавриила. Ангел предстал пред ним с камнем небесной каабы. Этот камень был тогда ослепительной белизны, но изменил свой цвет в черный от грехов людей. Полагают, что сначала в камне каабы арабы видели манифестацию какого-либо звездного божества – Каивана (Сатурна) или Венеры (Астарты), что гораздо вернее. Около храма каабы помещалось еще несколько камней тоже повидимому считавшихся проявлениями каких то менее важных божеств. Замечательно, что храм, в котором был заключен камень, был сам построен по форме этого камня, т. е. значит и сам храм представлял собою, как и камень, образ божества.

С храмом каабы у арабов соединяется необычайно широкое развитие религиозного обычая паломничества. Паломничество существовало и у северных семитов и в разных странах и у разных народов. Различные арабийские племена имели много местных святынь, к которым в определенные дни стекались соплеменные пилигримы. Но кааба замечательна тем, что на поклонение к ней стекались арабы всех племен без различия. Она была объединяющим религиозным, а вместе – понятно и национальным центром для всех арабов. Праздничное торжество, к которому собирались пилигримы к каабе, падало на десятый день двенадцатого месяца, почему этот месяц и назывался джу-л-хиджа – месяц паломничества. Так как год у арабов был лунный, то понятно, что каабский праздник по солнечному счислению ежегодно справлялся на 11 дней раньше, чем в предыдущей год (12 лунных месяцев немного более 354 дней) и в течении 35–36 лет он проходил все времена года и затем опять проходил по этому кругу. Джу-л-хиджа считался священным месяцем, и во время него должны были прекращаться войны и распри между различными племенами. Джу-л-хиджа был для древних арабов тем, чем был мир Божий для средневековых европейцев. Этот мир должен был устанавливаться еще в предшествовавшей месяц – месяц открытия. Религиозное паломничество называлось у арабов хадж. Лишь только

пилигрим, начавшей хадж, вступал на священную землю, ему давали ирам – священную одежду. Эта одежда состояла из двух кусков: один обертывался вокруг чресел, а другой набрасывался на шею и плечи так, что оставалась свободной часть правой руки. И в настоящее время мусульманские пилигримы в Мекку обязаны сменить свое платье на этот ирам. Прибывши, пилигрим совершал поклонение каабе, благоговейно целовал ее и затем совершенно обнаженный семь раз обходил вокруг каабы. За поклонением каабе следовало посещение других священных мест (омра) и поклонение другим священным предметам. Поклонялись священной пальмовой роще и двум священным горам Софа и Марвах, где находился священный источник Замзам. Существует легендарное сказание, что здесь блуждала Агар с Измаилом, и Замзам был ей указан ангелом. Священной обязанностью считалось поклонение горе Арафат, которая в древности рассматривалась повидимому, как особенное проявление божества. Коран представляет, что здесь соединились Адам и Ева после долгого разделения. После Арафата посещали минскую долину, здесь стояло семь священных камней – образы планетных божеств. Каждый пилигрим бросал к подножию каждого из камней три камешка и это повторялось три раза в два дня. Магомет оставил только три из семи камней и установил взгляд, что они указывают три места, на которых диавол являлся Адаму. Но только теперь каждый пилигрим к подножию этих трех камней бросает не три, а семь кремней так, что сумма камешков бросаемых арабом мусульманином осталась та же, какую бросал и араб язычник ($3 \cdot 7 = 21$). После обряда бросания камешков в минской долине приносили торжественные жертвы. В пальмовой роще окружавшей каабу пролитие крови и, значит, принесение жертв – было запрещено с глубокой древности. Окончивши жертвоприношения, пилигрим возвращался к каабе, совершал опять семикратное обхождение святилища, слагал ирам, надевал свое обыкновенное платье и возвращался к месту своего постоянного жительства.

В культе каабы, как можно видеть, заключались высокоморальные черты. Около величайшей святыни запрещалось проливать кровь животную, во время празднования ей предписывалось прекращать проливать кровь человеческую. Запрещались войны. Враждующие между собою племена совершали мирное совместное поклонение святыне, и здесь у черного камня, у божественных гор, у священного источника должно было развиваться и крепнуть у них сознание этнографического и религиозно-нравственного единства. Здесь должны были сглаживаться темные и крепнуть добрые стороны араба. В нравственном отношении:

араб являлся странным, двойственным существом. Геродот восхвалял верность арабов, но рядом с этою верностью в одних отношениях стояло ужасное вероломство в других. Арабы были гостеприимны, они готовы были давать гостям очень многое, но они нисколько не стеснялись грабить своих бывших гостей, встретив их вне дома и недостаточно защищенными. Гостеприимство у них соединялось с страшною вспыльчивостью и склонностью к ссорам. В своей поэзии арабы окружили женщину ореолом и отвели ей очень почетное место, но в действительности у них было развито многоженство, при котором женщине отводится слишком жалкое место в семье. Религия должна была смягчать жесткие и темные свойства араба, но понятно, что некоторые темные черты она и поддерживала и освящала. Так, в древности ею освящался обычай родовой мести. По представлению некоторых арабских племен душа, отделившись от тела, принимала вид птицы похожей на сову, ее называли хама или сада, она летала около гроба усопшего, испуская жалобные крики. Она сообщала усопшему об участи и образе жизни его детей. Если усопший был убит, птица кричала: ешунни (дайте мне пить, т. е. крови убийцы) и продолжала кричать так до тех пор, пока родственники не удовлетворяли этой кровавой жажды. Религия поддерживала суеверия. Особенно ею освящались гадания, деление дней на счастливые и несчастные и т. д. Было очень развито гаданье по стрелам. Оно совершалось в храмах при участии специального оракула. Брали семь стрел без острий – все различно окрашенные и каждая с особою меткою. Перемешивали их в мешке, из которого и вытаскивали затем одну, по её окраске и метке оракул давал ответ на вопросы поставленные в гадании.

Эсхатологические представления у различных арабских племен повидимому были различны. У некоторых как будто было даже представление, что все кончается смертью. Многие представляли, что за гробом человека ожидает жизнь подобная земной. На гробе усопшего (гробы были по своему типу подобны финикийским и еврейским) закалывали верблюдицу или привязывали ее к гробу и оставляли без пищи так, что она издыхала с голоду. Делалось это в том убеждении, что усопшему она будет нужна для того, чтобы в загробном мире ехать на суд к Аллаху. У знатных семейств иеманских племен найдены памятники, свидетельствующие о развитии культа предков. Так религиозные посвящения после призывания главных богов содержат в себе призывание отца того лица, которое обращается с посвящением, его ближайших предков и предков расы. Клермон-Ганно нашел на одной стеле барельеф с такою надписью: „изображение Галилат, дочери Мофаддата; да поразит

Атор того, кто его испортит“. В нижней части барельефа изображена умершая Галилат, лежащая на смертном одре. В верхней части Галилат изображена сидящей, размеры её по отношению к стоящим около неё фигурам гораздо больше; значит, из ряда людей она перешла в ряд высечеловеческих существ; стоящие около неё фигуры оказывают ей религиозное почитание (см. рисунок у Lenormant'a, L' Hist, ancien, de l' orient T. III p. 400, описание на 401 стр.). Этот барельеф, равно как и призывания умерших предков с несомненностью свидетельствуют о существовании культа предков у некоторой части арабов. Были у арабов и домашние божки и семейные святыни, которые обыкновенно также связываются с культом предков.

Так, верования арабских племен представляют собою такую же пеструю смесь противоречий, как и арабский характер. В последнем совместно уживались великодушие и жестокость, решимость отдать свое и готовность отнять чужое; одною рукою араб возводил женщину на педьестал божества, и другою низводил ее до участи рабыни. То он являлся кровожадным, то мягким. Так и в религии. Несомненно в дохристианскую эпоху в Аравии исповедывался монотеизм, но рядом с монотеизмом равноправно существовали политеизм и полидемонизм. У арабов были и отрицание загробной жизни и культ мертвых. У них отрицали идолопоклонство и поклонялись камням. Не признавали жрецов и верили гадальщикам. Эта странная и разносторонняя непоследовательность объясняется особенностями духовного склада араба. Араб – это нервная чуткая натура способная подниматься до самых возвышенных представлений. Отсюда – вера в Аллаха, бога милостивого и милосердного. Отсюда возвышенная арабская поэзия. Но араб способен и ниспускаться до самой глубокой грязи. Араб – натура глубоко чувствующая и вместе с тем глубоко чувственная. Он глубоко чувствует обиду и потому мстителен, он чувственен и потому стремится превратить женщин в послушных рабынь. Эстетическое чувство араба смущается безобразием идола и не позволяет видеть божественное в этом изделии человеческих рук, но в тоже время он своею способною к экзальтации душою готов чувствовать везде биение божественного пульса и он видел проявление божественного и в камне упавшем с неба и в стреле пущенной на удачу и приведшей к источнику.

6. Общие черты в религиях древнего востока

Месопотамская низменность и нильская долина являются очагами древнейшей культуры. Наука не знает более древних памятников, чем египетские и ассириовавилонские. Древнейшие храмы, религиозные изображения, надписи, вообще реликвии принадлежат этим странам и населявшим их народам. Позже их на историческую арену являются хеттеи и финикийцы. Культура у них приобретает свой особенный отпечаток, они живут иначе, чем их старшие и могущественные соседи. В истории человеческого развития эти народы, кажется, были не столько самостоятельными насадителями тех или иных отраслей промышленности и искусств, сколько комиссионерами между цивилизациями семитохамитических и арийских народов. Что финикийцы находили в Вавилонии и Египте, то они передавали Элладу и Риму. Через посредство финикийцев прежде всего должны были народы Европы знакомиться и с религиозным достоянием востока. Затем с этим достоянием европейцы стали знакомиться и непосредственно и самостоятельно. Факт глубокой религиозности этих народов повидимому произвел глубокое впечатление на европейцев. Над этой глубокой религиозностью должны задумываться и исследователи настоящих дней. Что представляют собою открываемые в настоящее время надписи Гудеа, Рамзесов, Кхета-Сиры, Месы? Исповедание религиозного характера человеческой истории. Чем более надпись приближается к нашим дням, тем менее веет от нее религиозным характером. Такова, например, надпись Эшмуназара, таковы египетские надписи птоломейской эпохи. Как будто религиозное чувство постепенно ослабевало и замирало у народов, живших на берегах Ефрата и Нила. В конце концов, мы знаем, погибли и жившие там народы и исповедывавшиеся там религии. Но если эти религии представляют собою теперь явление прошедшее, то изучение их является очень полезным для выработки правильных взглядов на религию настоящего. В сфере религиозно-нравственной религиозный пример и опыт прошлого имеет несравненно более могучее значение, чем даже в сфере экономической и политической. Конечно, делают и будут делать различные выводы из одних и тех же фактов, различным образом пользуются и будут пользоваться одним и тем же опытом. Но важно прежде всего выяснить самые данные опыта, факты, и в настоящее время сравнительное изучение религий дает возможность установить не мало общих положений относительно религий исповедывавшихся народами древнего востока.

Все они верили в богов и духов. С этими фактами стоят в несогласии теории утверждающая, что первичною формою религии у народов востока был монотеизм и что первичною формою у них был пандемони́зм. На самых древних памятниках не содержится ни исповедания веры в единого Бога, ни отрицания веры в богов. Думают, что этот факт стоит в несогласии с Библиею. Многие писатели признающие авторитет Библии хотят найти монотеизм в религиях древнейших народов; напротив писатели рационалисты ищут следов изначального пандемони́зма в самой Библии. Позволительно думать, что и те и другие стоят на ошибочном пути. В Библии есть свидетельство, что некогда политеизм был почти всеобщим явлением. Это – в эпоху перед временем Авраама (Иис. Нав. XXIV, 2). Если отступление от религиозной истины отцов Израиля и не было полным, если в ту пору и сохранялись племена и семьи содержащие в существенном истинное Богопочитание, то во всяком случае религии царств той эпохи представляли собою политеизм. Памятники утверждают это. Книги Библии все написаны после Авраама, поэтому их авторы – с какой бы точки зрения не смотреть на Библию – как культурные люди – не могли проводить принципов полидемонизма. Но что такое политеизм? Его легче определить отрицательно, чем положительно. Он противоположен монотеизму, признающему бытие единого Бога, от которого все находится в безусловной зависимости по происхождению и существованию. Политеизм представляет, что многие премерные существа (боги) образовали этот мир и управляют в нем течением явлений. Образы божеств в политеистических религиях всегда в большей, или меньшей степени неясны, изменчивы, противоречивы. Должно признать с несомненностью, что в создании их имело большое значение художественное творчество. Отсюда целые ряды фантастических сказаний, легенд и мифов. Действительность представляет много несогласованного и противоречивого, это свойство мира смертных жители древнего востока переносили на мир бессмертных. Однако этические, логические и практические потребности должны были ограничивать произвол и вносить некоторый порядок в представления о небесных владыках. Во имя этических требований египтянин или халдей должен был стремиться идеализировать каждого бога, о котором размышлял или которого хотел почтить. Все равно – был ли это Шамас, Син, Кнуму, Пта, Озирис; но идеализировать бога значит расширить и увеличить его свойства до бесконечности. Таким образом, один из многих боговъ, когда его свойства, силы, могущество, мудрость и любовь расширяют до бесконечности, становится единым Богом. Прочие боги в сравнении с ним

не суть боги. Эта мысль ясно выражается во многих гимнах, например, в гимне Син. Но потом предикаты бесконечности переносятся на свойства другого бога. А так как двух бесконечных не может быть, то второй бог оказывается тождественным с первым. Отсюда процесс слияния; Пта-Сокарн-Озирис и даже Ваал-Астарт. Можно предполагать, хотя этого и нельзя утверждать решительно, что этот процесс слияния в религиях приводил к тому, с чего эти религии начинали. В глубокой древности Озирис, Гор, Пта были местными божествами. Весьма вероятно, что не раз происходило, что одно и то же божество в различных местах получало различные названия. Затем, когда происходило этнографическое и политическое объединение таких мест, боги с различными именами являлись различными богами. За этим периодом наибольшего раздробления и размножения Божеств – периодом в значительной мере ускользающем из исторического поля зрения – наступал тогда период – всецело протекавший на глазах истории – постепенного слияния божеств. Нередко, конечно, происходило и то, что раздробление шло параллельно слиянию. В позднейшую эпоху факт слияния божеств подсказал философам теорию, что различные имена богов суть обозначения различных проявлений единого Божества. Это выражено, например, в *De mysteriis* прописываемом Ямвлиху. Но это уже, западное истолкование восточного факта, потому что в этом толковании сказывается влияние греческой философии.

Логическое стремление к единству побуждало иначе объединять различные и даже противоборствующие божественные начала. Уже с глубокой древности, видно, теологи стремились: устанавливать связь и определять взаимоотношения между божествами. Объединение Божеств в триады – факт имевший место и в Ассирио-Вавилонии и в Египте и Финикии. В дальнейшем своем развитии систематизация Божеств совершалась по двум принципам. Взаимоотношения Божеств определялись по их происхождению и по тому, какое участие каждый из богов принимал в деле управления миром. Первый принцип породил теогонии. К счастью сохранились теогонии Санхониатона, Мапетона, Бероза. В основе их лежат положения о единстве существующего, о том, что все связано единою неразрывною связью, и о том, что Божественный мир по отношению к земному не есть какое-либо инобытие, а только высшая часть бытия. Все развилось из чего то одного – хаоса, бездны, мирового яйца. Система богов, это ряд поколений вышедших из единого. Люди произошли от богов. Земля, это сравнительно – низшая часть существующего. Эта теория, является с одной стороны пантеизмом, хотя

это слово и не может быть приложено к ней в строгом смысле, с другой – иерархическим политеизмом. Эта теория естественно подсказывает вывод, что значение каждого из богов определяется его местом в ряду божественных поколений: Божества ближайšie к началу, – выше, ближайšie к людям ниже по своему значению и могуществу. Но религиозная практика сильно расшатала эту теогоническую теорию. Образы древнейших богов заволокли туманом и отошли куда-то в даль, воображение создало представления об управлении мира богами, так что каждый заведывал или особою географическою и этнографическою областью, или особою группою явлений. Вселенная по своим областям и свойствам была поделена между богами, при чем более важное и более высокое оказывалось иногда во власти богов вовсе не высших по происхождению. Так, выдвинулись Мардук, Озирис, Адад. Халдеи и египтяне не противопоставляли землю небу, как конечное бесконечному, а рассматривали их лишь как неровные части одного целого. Они признавали, что мир действительно таков, каким он кажется. Пространство для них было несомненною и всеобъемлющею реальностью. Поэтому Божества в их представлении должны быть приурочиваемы к определенным областям мира. Их астрономия должна была неизбежно создать семь небесных сфер. Они видели, что звезды при своем вращении около полярной звезды не изменяют взаимоотношений и отсюда заключали, что они прикреплены к одной сфере, которая вращается вокруг оси мира, верхний конец которой проходит через полярную звезду (это кажущееся движение звезд происходит от действительного движения земли вокруг своей оси). Но солнце, луна и пять планет известных древним перемещали свое положение между звездами, отсюда мысль, что каждая из них имеет свою особую сферу, в которой и движется. Легко подсказывалась мысль, что могут быть и еще высшие небесные сферы – небеса небес. Удобнее всего представить, что Божества живут в области небесных сфер. Естественно сблизить Божества с некоторыми светилами, влияние которых на землю велико и несомненно. В ряду светил, от которых зависит в своей жизни земля, первое место занимает солнце. Отсюда божество солнца занимает первенствующее или одно из первенствующих мест в религиях. Нередко высказывалась мысль, что люди древнего востока поклонялись солнцу, как Божеству, непосредственно, что они видели в солнце живое Божество. Утверждают, что в глубокой древности так и было, и что только позднее произошло относительное разделение солнца и бога солнца. Этот взгляд должен быть признан безусловно неправильным. В эпоху позднейшую, когда Лушан

или кто-либо другой присвоивший его имя писал трактат о сирийской богине, в мабогском храме не было изображений солнца и луны, а только их престолы, потому что солнцу и луне каждый мог поклоняться непосредственно. Эти боги видны и открываются всем людям. Но в эту пору солнце и луна считались уже не первоверховными Божествами, а трактовались, как второстепенный, ставшие в зависимости от высших начал Божества. Напротив, в глубокой древности, мы видим, Шамас (солнце) вовсе не отождествляется с видимым солнцем, последнее трактуется, как одно из колес его колесницы. Точно также в Египте Ра (солнце) призывает к себе солнце и сообщает ему силу света, но сам он может быть и жить и независимою жизнью от солнца, Ра даже был царем на земле. Точно также луна называлась глазом Гора, сближалась с Син и Астартой, но даже и Син (луна) не отождествлялась с лунным диском. Для души Изиды указывали место на Сириусе, но вместе с тем мыслили Изиду пребывающею и в других местах. Вообще можно установить с несомненностью, что в религиях культурных народов древнего востока в древнейшие эпохи светила не рассматривались непосредственно, как боги и не рассматривались, как материальные оболочки Божества. Почитавшиеся светила признавались местами, средою особенного присутствия Божеств, или даже орудием для особенного проявления Божественной силы. Что сказано о светилах, то должно сказать о стихиях. Ануне небо, но небо – место особенного присутствия и пребывания Ану; Еа – не океан, но океан вышел из него и является средою, которою он управляет. Боги не тождественны с различными сторонами бытия, – но одни из них управляют одними, а другие другими сторонами бытия. Различие сфер их деятельности определяет характер различия и взаимоотношений между ними. Боги суть иерархия существ производивших мир и управляющих миром. Они связаны с миром, как родившие с рождением, как отцы с детьми. Поэтому в сущности они с миром составляют одно. Существуют законы бытия, по которым живет мир и по которым действуют боги, духи и люди. Но взгляды мыслителей древнего востока на эти законы остались неизвестными. Их системы иерархического политеизма, их теогонии и сказания о богах предполагают пантеизм, но у них не найдено ясно выраженного философского учения о пантеизме.

Иерархический политеизм в своем развитии невидимому мог бы привести к монотеизму таким образом. Первое начало всего, как все производшее, должно было бы рассматриваться, как высочайшее и могущественнейшее. Анализ и размышление должны были бы приводить к

мысли, что все происшедшее от первого Божества стоит от него в безусловной зависимости, между первым богом и вторичными генерациями богов мысль должна была бы вырыть пропасть, первобог безмерно поднялся бы над миром, а второбоги приблизились бы к миру, к людям, приняли бы образы гетев и демонов. Так повидимому должно бы было быть. Но история религий показывает, что было иначе, что древнейшие боги в сознании людей представлялись безличными, неопределенными, к ним не возносили молитв и от них не ставили в зависимость своей судьбы. Иерархический политеизм, который повидимому должен был направлять мысль к монотеизму, в конце концов направлял его к пантеизму. Был еще путь который повидимому должен был тоже привести к монотеизму. Это путь практический. Служа преимущественно какому нибудь божеству, служители этого божества легко могли поставить в исключительную зависимость от него всю свою жизнь и благополучие. Ревностное почитание одного бога могло вести к забвению и отрицанию других богов. Так и бывало. Жрецы фивского Амона дискредитировали не только других жрецов, но и других богов. На некоторое время действительно существовавшей культ Атона явился, как противовес возможности установления единого культа Амона. Что такая возможность временно могла переходить в действительность, об этом свидетельствует и временный успех культа Атона в Египте и временный успех культа Небо в Ассирии. Хамос моавитский тоже выступает почти, как единственный бог. Но замечательно, что и этот практический монотеизм не имел поступательного движения, и от него опять переходили к чистому политеизму. Культ Атона исчез совсем, звезда Небо затмилась и он занял второстепенное положение по отношению к Мардуку. В сообщество Хамоса у моавитян была привлечена Астарта, и моавитяне, как это видно из памятника Месы, не отрицали существования и Иеговы. Нельзя устанавливать параллели между выражениями Месы о Иегове и выражениями Библии о Хамосе. В Библии Хамос – не бог, а мерзость моавитская (4Цар. XXIII, 13; 3Цар. XI, 7). В одном месте, правда, Хамос представляется как бы действительным богом. Это – в послании израильтян к аморреям. „Не владеешь ли ты, спрашивает израильский народ у аморрейского, тем, что дал тебе Хамос, бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш“ (Суд. XI, 24). Но очевидно, что здесь дипломатический оборот речи: приведенные слова представляют собою сокращение такой мысли: не владеешь ли ты тем, что, как ты веришь, дал тебе Хамос. Весь контекст приведенного места показывает, что с израильской точки зрения не Хамос, а Иегова дал удел

аморреям и моавитянам, и эта мысль находит себе прямое выражение в других местах библейского текста (Второз. II, 9 и XXXII, 8). Оставляя в стороне евреев, мы видим, что культурные народы древнего востока только приближались порою к монотеизму, но никогда не становились действительно монотеистическими. Монотеизм развился у некультурных арабов. Но был ли он здесь самостоятельным? Арабские предания представляют собою библейские перифразы и несомненно представляется, что у этих преданий и у их монотеистических воззрений имеется один и тот же источник – Библия. Но как в арабских преданиях искажается библейское повествование, так и образ единого Бога оказывается в их древних сказаниях затемненным и рядом за ним, хотя и на значительном расстоянии – поставляются второстепенные божества, следы которых имеются еще и в коране.

Так, люди древнего востока, – хотя многое вело их к монотеизму и сами они порою приближались к нему – являются почитателями не Бога, а богов и духов. Духи, демоны не тоже, что боги. Боги выше мира, духи находятся в мире, они связаны с домами, реками, горами, они обладают могуществом, но вообще их назначение служебное. В веровании в духов добрых, благодетельствующих семье, благополучию, довольству, здоровью, чадородию находила себе успокоение потребность древнего человека в близкой и полезной помощи. Боги были высоко и далеко, между духами и людьми не мыслилось большого расстояния. Мир духов был чрезвычайно обширен. Но факт постоянных и часто неожиданных неудач естественно должен был привести к мысли, что кроме духов добродетельных есть и злые, и число последних может быть даже более числа первых. Полидемонизм всегда влечет за собою много суеверий. Суеверие вообще есть признание, что некоторые силы, явления, или действия – независимо от высшего Провидения – могут устроить наше благополучие или неблагополучие. В религиях естественных трудно произвести разграничение Веры и суеверия. Религии естественные представляют собою бессознательную замену Божественного откровения и Божественных заповедей человеческими измышлениями. На место веры, которой Бог требует от человека, человек ставит свое суеверие. С точки зрения теории признающей все религии естественными, все содержание религий есть суеверие. Сущность религий обыкновенно есть факт Богообщения, но вера в это Богообщение с рационалистической точки зрения, ошибочна суетна, есть суеверие. Тот, кто признает, что есть религия Богооткровенная, не может рассматривать и в содержание естественных религий, как суеверие. Надежда на то, что Божественное

управление все приведет к хорошему концу, мольба о помощи при несчастном начинании не могут быть считаемы суевериями. Но в верованиях древнего востока имели большое значение магические действия и заклинания, в которых не было не только нравственного, но и вообще, смысла. Знахари и жрецы произносившие их, видно, не соединяли с ними никакого мистического и философского значения. Странное и загадочное явление представляет собою эта вера в могущество слова. Может быть она развилась на почве таких соображений. Могучему властелину достаточно сказать, чтобы другие немедленно поспешили исполнить его слово. Египетский Тот творит словом. Слова обыкновенных людей исполняют другие люди, слова богов исполняются сами собою. В сфере магии заклинательные слова представляют собою приказание, которое один дух дает другому, или другим от него зависящим и которое последние непременно исполняют. Знание заклинаний и умение произносить их приобретается не задаром. Те усилия, деяния, жертвы, благодаря которым человек приобретает знание заговоров, есть та дань, которую получает дух подчиняющей в заговорах человеку силу других духов. Наклонность видеть знамения или предзнаменования в тех или других явлениях в своей основе законна. Великое событие всегда имеет пред собою предвещающие его явления. Землетрясениям предшествуют легкие сейсмические явления. Зюсс, полагающий, что потоп, от которого спасся Самас-Напистим, произошел вследствие поднятия дна в Персидском заливе, говорит, что этому движению вод с моря должен был предшествовать целый ряд явлений (выступления воды из почвы, малые наводнения) предвозвещавших о грядущей катастрофе. Смертельной болезни предшествуют болезненные припадки, мучительные сны. Кроме этих фактов естественных предзнаменований и иные соображения могли направлять мысль к принятию веры в сверхъестественные знамения, Боги предвидят будущее. Созерцая грядущие бедствия, они испытывают скорбь и эта их скорбь выражается во вне в явлениях природы – затмится лик луны, неестественное смущение и волнение охватывает животных и они совершают необычные действия, расстраивается естественный порядок – рождаются уроды. Египетское сказание об истреблении людей при Ра, халдейская сага о потопе показывают, что в эпоху страшных бедствий боги способны буквально потерять голову. Но тогда, понятно, в природе все должно принять необычное течение. Бедствие в той или другой, частной области предшествуют нарушению нормального строя или появление необычного в одной определенной сфере. Предзнаменования человеку посылаются неожиданно без просьб и стараний с его стороны. Солнечное

затмение, появление кометы внезапно поражали ужасом смущенные души. Но можно искать предзнаменований. Можно спрашивать богов о будущем. Оракулы были в Египта, Халдее, и Финикии. Их спрашивали не только во имя личных интересов, но и во имя самого искреннего Богопочитания. У богов должно узнавать – угодны ли им предприятия намечаемые народом? Иначе не только предприятие не будет иметь успеха, но и боги будут разгневаны. В истории развития гаданий, примет и магических обрядов обращает внимание на себя тот странный факт, что при руководстве этими явлениями и действиями люди стремятся не к выяснению высшей воли для добровольного Подчинения ей, но исключительно к устроению своего благополучия в моральных и даже религиозных интересах. Смысл заговора давно был забыт, между приметой и событием не видели никакой связи, для веры в те, или иные формы гадания не имели никаких оснований и однако гадали, произносили бессмысленные формулы и отступали назад пред самыми невинными явлениями.

Какое начало поддерживало грубый политеизм и дикие суеверия у культурных народов востока? Они обладали тонкою наблюдательностью, широким опытом, богатыми практическими познаниями. У них были скульптура и живопись, богатая техника металлов и материи; они умели справляться с сложными архитектурными задачами. У них была поэзия и литература. Египет завещал нам не одно беллетристическое произведение. Их астрономические познания были и точны и обширны. Тоже должно сказать о многих их метеорологических и естественно-научных наблюдениях. Их теории – даже и математическая – вообще были неудовлетворительны и неверны. Это неудивительно, ибо несомненный удел большей части научных теорий и настоящего времени – лета. Верные обобщения и истолкования являются и вырабатываются с крайней медленностью. Но странно, что в этой области, где и логика и нравственные потребности и размышление и даже, так сказать, практика жизни направляли древних людей к тому, чтобы отказаться и отстать от заблуждений, они непрестанно и упорно возвращались к ним. Перенесение на бога предикатов высочайшего существа заставляет мыслить Его единым, стремление к систематизации принуждает поставить во главе богов одного, даже практика жизни делала то, что один бог постепенно выдвигался из ряда других и над другими повидимому как бы для того, чтобы потом остаться одним. Амон, Озирис, Сутех, Ваал, Мардук, Хамос, Аллах, вот – имена, с каждым из которых повидимому легко могло соединиться представление о Боге едином и единственном. Что же упорно отводило древних людей от этого вывода и от этого исхода?

Их образ поведения в этом отношении поражает своею наивностью и легкомыслием. Египетский фараон, нуждающейся при жизни в содействии Сета, называл себя Сети. Умирая он без смущений и угрызений совести менял имя Сети на имя Озириса, потому что Сет ему не был нужен более, а нужен был противник Сета – Озирис. В сущности, значит, фараон думал, что очень легко обмануть того и другого бога, а между тем в эпоху фараонов Сети о ведении, мудрости и силах Божества произносились разумные и возвышенные речи. Гимны Нилу, Ра свидетельствуют об этом. Затем, на какой бы точке зрения не стоят по вопросу о происхождении Библейского текста, в 9–8 в.в. пред Р. Х., несомненно, пророческие речи о единобожии повторялись по всему востоку. Пусть Пророки не достигали обращения к религиозной истине тех, к кому они говорили, но во всяком случае, те слышали религиозную истину и должны были размышлять о ней. Безспорно, что голос еврейских пророков доходил до самых восточных областей Ассирии и Вавилонии и достигал крайних западных и южных пределов Египта. Но вне Палестины происходило тоже, что и в самой Палестине: слушали, забывали и не исполняли. Теперь многие ученые рационалистического направления из фактов политеизма у евреев делают вывод, что в древнейшую пору своего пребывания в Палестине весь еврейский народ держался политеизма, и что монотеистические воззрения выработались у него и были восприняты им лишь постепенно и утвердились у него окончательно лишь в эпоху вавилонского плена. Разсуждая так, рационалисты крайне преувеличивают значение фактов политеизма и совершенно игнорируют ту силу, которая породила и утвердила монотеизм у евреев. Что евреи постоянно склонялись к идолопоклонству и что лишь в незначительной части они содержали истинное богопочитание, об этом ясно и твердо свидетельствует писание. Но почему лучшая часть исповедывала единобожие, почему лучшие люди и из других народов принимали это единобожие и почему во всем еврейском народе в эпоху всеобщего идолопоклонства уже утвердилась вера в единого Бога? На совокупность этих вопросов разумнейшим ответом является тот, который был дан издревле; потому что им было дано Божественное откровение для наставления в истине и Божественная помощь для осуществления её.

Идеалом древних людей было Богоподобие. В сущности ведь и возможны для человека только два идеала – Богоподобие или скотоподобие. Или человек должен стремиться к тому, чтобы приобщиться к высшему бытию, или к тому, чтобы заглушить в себе самые, эти стремленья и удовлетворять только свои животные потребности. В

древнейших сказаниях Халдеи уже развивалась мысль о возможности для человека приблизиться к богам и принять участие в их бессмертии. Самас-Напистим приобрел бессмертие и жил на блаженных островах. По учению египтян умерший должен стать озирисоподобным, должен слиться с Озирисом, стать Озирисом N. Различие между миром Божественным и человеческим в древности не мыслилось столь громадным, как его стали представлять впоследствии, и поэтому переход из мира низшего в высший мыслился сравнительно допустимым. Забота человека о Божестве на земле главным образом должна была выражаться в ревности о славе Божества. Велик Бог народа, который совершает великие победы. Ассирийцы, поднимавшиеся в походы во имя Ассура и жестоко расправлявшиеся с врагами, считали эту жестокость справедливой, потому что они карали за непочитание Ассура, за непризнание его силы. Когда народ был побежден, это не роняло в его глазах его бога. Ассур, Хамос, Решеф, Мелькарт был чем-либо разгневан на своих почитателей. Но свои победы народ всегда считал торжеством своего Бога. Расширяя свои территории, народ расширял область почитания своего бога – Сутеха, Бела. Некоторые представляют, что в древности имел неограниченное значение принцип *cujus regio, ejus religio* – чья власть, того и вера. Это далеко несправедливо. Политеисты в завоеванных территориях не ставили своих богов на место прежних, а присоединяли прежних к своим. Иногда даже при перемене территории повидимому готовы были переменять и богов. Несомненно, что гиксы в эпоху своего владычества в Египте восприняли многое из Египетской религии (ср. 4, цар. XVII, 24 и след.). Но вообще понятно, что Божества правящего народа и их религиозные требования имели значение для всех покоренных областей. Персы, подчинив Финикию, требовали от Карфагена, как финикийской колонии, чтобы в нем не приносили человеческих жертв и не хоронили умерших в земле, потому- что то и другое оскорбляет Ормузда. Таким образом, завоевание языческого востока имели также религиозный характер, как впоследствии и завоевания мусульман. Когда походы не достигали цели, и приходилось кончать дело договорами, тогда без сомнения в этих договорах приходилось несколько поступаться не только своими честолюбивыми стремлениями, но и религиозными убеждениями. Приходилось выражать более почтения к богам противников и выражаться о величии своих богов более скромно, чем это было желательно. Но это была уступка обстоятельствам, временное подчинение силе, которую в конце концов нужно и должно было сломить.

У древних людей востока религиозно-нравственные идеалы в

некоторых отношениях были яснее и тверже, чем у людей современных. Идеальной задачей вавилонских и египетских монархов было подчинить своим богам все земли и всех людей. Распространить власть и почитание Ассура до пределов земли, вот – тот идеальный строй, о котором мечтали могущественные ассирийские владыки. Но идеальный строй обуславливается не одним почитанием богов. Имеются некоторые нормы, которые должны быть осуществлены. На земле должны царствовать порядок, правда, милосердие. Египетские надгробные надписи, молитвы к Белу, Син, Гуле в Ассирио-Вавилонии показывают, что святость милосердия хорошо понимали древние люди. „Несомненно, что у древних семитов было чрезвычайно развито гостеприимство. Выражают удивление, каким образом рядом с благородными моральными правилами признавалась и даже официально освящалась такая ужасная жестокость. Брат убитого должен был убить убийцу. Можно, кажется, найти некоторое моральное истолкование и для этих неморальных действий. Все показывает, что у древних людей была идея норм, которые должны быть осуществлены, и закона возмездия, по которому всякое нарушение этих норм восстанавливается через кару того, кто их нарушил. Человек совершил убийство. Это – нарушение нравственных норм, это – преступление божественного закона. Кто нарушил божественный закон, тот должен быть наказан. Но кто должен явиться судьей и мстителем? В те суровые времена не было действовавших по определенным уставам и с строго разграниченными полномочиями судебных институтов. Защитником поправленного божественного закона являлся тот, кого дело касалось всего ближе, кто должен был наиболее пострадать от этого нарушения – родственники убитого. Однако уже в глубокой древности совесть народов стала смущаться пред жестокими требованиями родовой мести. Убийцы могли находить убежище у алтарей, затем возникли города убежища. Наконец явился выкуп за убийство. Но вообще в древности был силен закон возмездия. За малые преступления люди подвергались великим наказаниям. Дело в том, что тогда очень многое оставалось безнаказанным. Может быть поэтому, когда закону предстояла возможность торжествовать, торжество полагалось в том, чтобы он явился, как можно более безжалостным.

Нельзя отрицать у древних не только идеи долга, но и правильного понимания добра. Не может быть никакого сомнения в том, что египетские сановник, говоривший, что он был палкою (опорой) для слабых, мужем для вдовы, сыном для старца, был очень близок к пониманию правды десятословия. Но бесспорно, что между этим теоретическим

пониманием и действительной жизнью было мало общего. Наиболее странным представляется не то, что существовали преступления с корыстными целями, а то, что существовало множество преступлений бессмысленных, не приносящих ничего кроме вреда тем, кто их совершал – бесполезная жестокость, порождавшая озлобление и месть, утонченное мучительство. Человек, сознававший свою вину перед богами и просивший их милосердия, повидимому должен бы был думать, что он и сам должен быть милосерд к слабейшим и поработанным. Его молитвенные и заупокойные речи показывают, что он так и думал. Но он не делал так: он резал уши и носы своим пленникам, кормил рабам своих рыб. Отчего это? Откуда в человеке эта пагубная склонность делать другим зло, не причиняя этим ничего кроме зла самому себе?

Древние видели могущество зла. Жизнь была полна бедствий и опасностей. Отношениями людей управляла сила, а не правда. Между добродетелью и счастьем далеко не всегда было соответствие. Были ли безусловно блаженны сами боги? Нет, в борьбе со злом если они и выходили победителями, то нельзя сказать, чтобы эти победы для них ровно ничего не стоили. Были острова блаженных, сады Иалю, но не видно, чтобы они представлялись особо притягательными магнитами для смертных. Условия для того, чтобы оказаться их обитателями, были довольно неопределенными, характер жизни, которую вели там, не был выяснен. Вследствие незначительной оплошности Гильгаме и Адапа не овладели бессмертием. Восторгается ли добро когда-либо? В природе древние люди востока видели многое, противоборствующее благополучие людей, в своем собственном сердце и сердцах других людей они видели много темного и нехорошего. И они законно предполагали, что было нечто, что гораздо выше человека и что обуславливает и поддерживает зло в нем и в природе. Окончится ли когда-либо борьба светлых сил с этими темными, и, если окончится, то как? На этот вопрос не находится ясного ответа в ассирийских и египетских сказаниях, не видно, чтобы они владели определенной эсхатологией. В Вавилонской религии говорится о судьбе, о птице судьбы Цу, но сказания о Цу не только не показывают, что вавилоняне представляли, что строй мира направляется к определенному концу, напротив, ими повидимому допускалась возможность возникновения самых хаотических беспорядков. Теогонии и космогонии культурных народов востока, строго говоря, не могут быть названы ни оптимистическими, ни пессимистическими. Вавилонские сказания сначала процесс образования мира представляют как бы, как процесс постепенного преобладания добра над злом, Мардука над Тиамат, но эта

точка зрения не выдерживается. В мифической истории Египта сначала исторический процесс представляется как бы регрессивным. Эпоха Ра была золотым веком, после Ра все пошло к упадку, но и эта точка зрения также не выдерживается. За то во всех сохранившихся космогониях – вавилонских, египетских, финикийских утверждается факт культурного прогресса, однако не развивается теория, что этот прогресс будет идти в безпредельность. За всем тем в вопросе о добре и счастье один факт признается классическим востоком с несомненным и непоколебимым убеждением – факт преобладания добра над злом. В этом отношении глубоко поучительными и знаменательными являются общие всему востоку сказания о безвременной гибели и затем воскресении добрых богов. Сказания о гибели Таммуза, Озириса, Адониса, Адада, Адодариммона, все это – в сущности мало между собою различающаяся вариации одной и той же темы: временно добро может быть побежденным, но затем оно непременно восторжествует. Получившая широкое распространение теория, по которой сказания о всех этих богах суть персонификация смены живительной весны убивающим летним зноем, несомненно несправедлива. Прежде всего явления природы не отвечают мифу, летнее солнце не является на смену весеннего, а есть тоже самое весеннее солнце. Природа не знает борьбы между солнцами. Точно также подробности мифов несколько не отвечают естественному ходу явления. За всем тем бесспорно остающаяся аналогия между сменой весны летом – временем, когда засыхает и гибнет цвет – и погибелью цветущего бога, позволительно думать, может быть истолкована следующим образом. То, что добрые начинания и добрые люди нередко погибают от злых нам неизвестным образом, нашло себе у древних выражение в мифе о гибели цветущего бога. Для этой гибели представлялась аналогия в засыхании летом весеннего цвета. Физическим явлением воспользовались, как символом события, имевшего места в нравственном мире, и приурочили воспоминание события к окончанию весны. Но собственное сердце, опыт, надежды говорят человеку, что добро не может погибнуть совсем, что в мире имеется перевес добра над злом, что торжество зла может быть лишь временным, преходящим. Отсюда – воскресение бога. Это – вторая радостная половина события. Она опять находит себе аналогии в природе: жизнь в природе всегда торжествует над смертью. Вследствие этого праздник воскресения природы становится праздником воскресения бога. Однако этот праздник воскресения в языческих религиях не является праздником полного и окончательного торжества добра. Воскресший бог не овладевает безраздельно миром, его снова ожидают борьба,

столкновения, опасности. Идеи окончательного и всеобщего торжества добра нет. Но за всем тем в этих мифических сказаниях, где моральные и натуралистические элементы перепутаны до неузнаваемости, нельзя не усматривать некоторой пророческой аналогии событий воскресения Христа, благодаря которому все доброе в человечестве безусловно восторжествует над злом. Самый смелый и самый наивный – что может быть одно и то же – из рационалистов не станет утверждать, что евангельское повествование о смерти и воскресении Христа имеет связь с вавилонскими, египетскими, хеттейскими, или финикийскими сказаниями. Такой связи не устанавливал и без сомнения не будет устанавливать ни один исследователь. Но несомненно, что между евангельскими событиями и мифологическими сказаниями востока, сложившимися за две тысячи лет до этих событий, существует сходство. В неясной и запутанной форме эти сказания однако давали надежду народам, что могут совершиться события, в которых добро восторжествует еще решительнее над злом, чем Адонис над своим противником, или Озирис над Сетом. В этих сказаниях наиболее Проницательным из древних может быть подсказывалась мысль, что торжество зла не может быть действительным, и что, чем более оно имеет внешнего успеха, тем менее заключает в себе внутренней силы, в момент его видимого наибольшего торжества – момент смерти благого Бога могущество зла в сущности становится совершенно призрачным. Когда зло поражает смертью бога жизни, то оно не только не уничтожает жизни, но оно достигает того, что бог жизни становится владыкою и смерти; то, что уже умерло, как бы погибло, через этот акт божественной смерти снова приобщается к жизни. Все приобщается к благому Богу, происходит совершенное торжество добра.

Взаимоотношение между Божеством и человечеством устанавливается в культе. Можно отрицать разумность тех, или иных форм культа, но тот, кто отрицает культ вообще, отрицает и религию вообще, потому что религия есть Богообщение, а акт общения человека с Божеством есть культ. Внешняя сторона культа, конечно не служит прямым выражением его внутренней сущности. Богатые и сложные формы культа не говорят еще о факте действительной близости народа к Богу, но свидетельствуют во всяком случае о сознании нужды в Боге – нужды может быть и неправильно истолкованной и неразумно удовлетворяемой, но во всяком случае нужды духовной, которая может существовать только у духовно Живого народа. Культы древнего востока во всяком случае свидетельствуют о его глубокой и живой религиозности.

Древний восток оставил множество вещественных памятников своей религиозности. Гробницы, храмы, идолы, религиозные реликвии. Гроб всегда говорит о связи живого человека с умершим. Где не мыслится этой связи, где нет представления о загробной жизни, там не должно быть гроба. Труп человека в глазах того, кто не верил в бессмертие, так же мало нуждается в попечении и знаках внимания, как какая-нибудь животная падаль. Если теперь люди отрицающие бессмертие, хоронят в гробах своих покойников, то этот обычай у них пережиток прошлого. Отвергнув веру, они не отвергли еще обычаев связанных с верою. Но погребальные обычаи древних не суть пережитокъ, а являются прямым выражением веры. Между тем мы видим, что люди африканского востока и азиатского запада не только устроят гробы, но и наполняют их предметами нужными в житейском обиходе. Этот обычай существовал и существует еще в настоящее время у многих народов. Древний восток показывает нам, что этот обычай имеет в своем основании изначальную веру человечества в загробное существование. В Египте находят теперь, можно сказать, почти доисторические мумии и могилы, и от них веет тою же верою в жизнь после смерти.

Где существует общественный культ, храмы – рано или поздно – должны явиться. Мысль подсказывает возможность возникновения храма по различным побуждениям. Или нужно бывает оградить какую-либо почитаемую святыню от влияния стихий. Тогда возникает, храм маленький, тесный. Или является нужда оградить от непогоды место собрания народа. От дождя нужен навес, его первоначально обыкновенно утверждали на колоннах. Это – прототип храмов обширных. Иногда навес могли комбинировать с маленьким помещением для святыни. Все подобные, типы храмов находятся на востоке. Для легкомысленного рационализма, согласно которому жрецы выдумали религии, богов, конечно представляется несомненным, что жрецы выдумали и храмы. Но на самом деле, далеко не так легко ответить, что существовало прежде – храмы как особые здания, или жрецы, как особый институт. Естественно, что в древнейшую пору домашнюю жертву приносил глава семьи, общественную – глава племени. В частных случаях нужда в особом здании для общественного культа могла явиться раньше, чем воин и царь обособились от жреца. Но в общем это обособление повидимому произошло очень рано. Рано явились и храмы. Собственно, начало жреческого института и начало построения храмов нам неизвестны.

Храм говорит о связи человека с Божеством. Инициатива этой связи может лежать или в человеке или в богах. Человек может выбрать место

для общественного культа, воздвигнуть на нем храм, своими молениями освятить его. Здесь начинание принадлежит человеку, но может произойти и иначе. Особое знамение может заставить человека признать место святым и избрать его для совершения священнодействий. Здесь уже святостью места освящается сам человек. Избрание места здесь принадлежит божеству, а не человеку. Это различие в инициативе, как его представлял древний человек, кажется, может выяснить взаимоотношение идола и фетиша, о котором много велось и доселе ведутся споры. Фетиш, это – предмет, в котором человек по тем или иным соображениям признал особое присутствие Божества. Идол, это – символ Божества. В глубочайшей древности символы богов были просты и условны. Таковы например, идолы Диду, под которыми разумели Озириса. Это своеобразная колонна, ряд столов с одной ножкой поставленных один на другой. Подобным образом почитались камни Адада в Сирии. Впоследствии колоннам Диду стали придавать человеческое подобие Озириса. Точно также и геммы Адада стали принимать человеческие формы. Равным образом конические фигуры почитавшиеся у культурных народов западной Азии впоследствии стали получать человеческую голову. Здесь мы видим процесс усвершенствования символа, постепенное приближение его к тому, символом чего он служил. Процесс закончился появлением художественных скульптурных произведений. Таким образом, идол не есть усвершенствованный фетиш, а есть усвершенствованный символ. Но человеку свойственно думать, что в том, что он провозглашает символом божества, может утвердиться особое присутствие божества. Отсюда идол может, будучи символом, вместе с тем стать и фетишем. Идол или фетиш – это посредствующие пункты, через которые боги и люди вступают во взаимоотношение между собою. Фетиши суть предметы указанные богами для такого взаимоотношения, а идолы – предметы сделанные для той же цели людьми.

Богам посвящались праздники и приносились жертвы. Праздники определялись или особыми событиями или природными условиями. Естественно было начало или окончание периодов времени связать с религиозными торжествами. Естественный измеритель времени – луна, отсюда – праздники новолуний, полнолуний, может быть недельный счет. Затем смена времен года, окончание полевых и садовых работ (жатва, сбора винограда) установливали естественный ряд празднеств. Между природою человека и естественными условиями есть бесспорное соответствие, и периодическое прекращение работ и периодически отдыхи требуются самою природою человека. Сторонники

натуралистического истолкования религии напрасно хотят вывести самое происхождение религиозных празднеств из чисто физических событий. Естественно, конечно, благодарить богов за успешное окончание дел и молить о их помощи перед началом работы, за всем тем, хотя празднества приурочивались к удобным временам, они всегда имели религиозно-нравственные мотивы, а не были только естественным следствием физических факторов.

Различные типы жертв приносились богам. Теперь получила широкое распространение теория, согласно которой жертва, это – обед для богов в буквальном смысле слова. Пытаются отнять всякий моральный смысл у жертвы. Это воззрение безусловно несправедливо. Не имеется памятников, в которых все дело поставлялось бы в баране или овцах. Видно, что везде ценилось усердие приносящего. Жертва царя, конечно, всегда была богаче жертвы бедняка, но она далеко не всегда была приятнее последней. Жертва была показателем усердия и благочестия приносившего лица и чем она была богаче, тем, понятно, приятнее для богов, но не сама по себе была приятна её доброкачественность, а в связи с тем, кто ее приносил. Богач приносивший барана, когда мог принести вола, (был менее угоден богам, чем бедняк, приносящий голубя. На самом деле, какъможно понимать жертву буквально, как обед богов? Ведь жертва или сжигалась или съедалась приносящими. В Халдейской саге о потопе, древность которой восходит более чем за две тысячи лет до Р. Х., говорится, что когда Самас-Напистим принес жертву, „боги почувствовали благовоние, и боги собрались, как мухи, над приносящим жертву“. Богам нужна была не жертва, а благовоние жертвы. Качества этого благовония зависели не только от приносимой жертвы, но и от приносившего жертвователя. В ряду жертв особенно останавливают на себе внимание жертвы человеческою жизнью, честью, мужскою силою, нанесением ран и повреждений. Как ни изуверны и жестоки эти жертвы, им нельзя отказать в нравственном смысле. Если богам нужно было только человеческое мясо, то тогда, конечно, из пленников легче было устраивать гекатомбы, чем из каких либо крупных животных. Но совсем не видно таких гекатомб и признания их спасительности. Напротив, имеет место принесение в жертву собственных детей. Позволительно здесь видеть сознание безпредельной благодарности к божеству и виновности пред ним. Человек сознавал, что он все получил от богов. Это положение он исповедывал даже не в том смысле, что боги суть первая причина всего, а в том, что боги и духи суть непосредственная причина всего происходящего. Таким образом человек был всем обязан богам. Воли их он не мог исполнять

должным образом. Ни обрядовых ни нравственных требований он не мог выполнить вполне. Отсюда – сознание виновности, он не чувствовал в своей душе к богам должного почтения (из гимнов видно, что от человека требовалось питать страхи к богам), не питали надлежащих чувств к своим ближним, но грешил в своих делах, многих своих прегрешений он даже мог не заметить. Признавая, что он заслуженно навлек на себя гнев богов, он отдавал ему то, что было у него самого дорогого: отец отдавал первенца. Люди и незнающие за собой преступления, но знающие, что они всем обязаны богам, отдавали богам дорогую часть из полученного, жертвуя мужскою силою, честью и благополучием. Животная жертва была в сущности самую естественною. Животное в древнем мире было наиболее обращаемою ценностью, оно – предмет обмана и подарков. Его человек и приносил богам. Не потому что боги хотели обедать, человек приносил жертвы богам, но потому что в нем жила неистребимая потребность принести что-либо богам. Пусть он был палкою опоры для старца, пусть он помогал бедным, это было его обязанностью по отношению к ближним, за исполнением которой следили боги, но кроме того у него были прямые обязанности по отношению к богам, и он непременно должен был исполнять их. Жертва растительная являлась и аксессуаром и заменою жертвы животной. Но при употреблении растительных и благовонных веществ несомненно имели в виду не замену только более дорогого продукта более дешевыми, но определенную идею, например, идею мира в жертве мирной, как об этом заставляют догадываться финикийские тарифы и как это, комментирует и истолковывает Библия.

Библия была и будет руководственным началом в деле понимания древних религий передней Азии. Указывают на то, что многие религиозные учреждения, представляемые в Библии богоустановленными, существовали раньше у языческих народов, чем у евреев. Храмы, институт жрецов, многие постановления относительно жертв и праздников, разделение времени и т. д... Глубоко заблуждаются, когда хотят из этого делать рационалистические выводы по отношению к Библии. В сущности неизвестно первоначальное происхождение указываемых установлений. Но если и принять, что некоторые формы богопочитания – должно заметить: в измененном виде – выработанным человеческим опытом были сделаны для Израиля божественным обязательным законом, то в этом нет никаких данных и материала для отрицания провидения и откровения. Самоизмышляя формы богопочитания, древние люди придумывали и хорошее и то, что не может быть названо хорошим. Хорошее по изменении его в наилучшее получило божественную санкцию в Израиле.

Напротив то, что было дурно, подверглось суровому осуждению. Ветхозаветный закон в значительной части состоит из постановлений направленных против языческих верований и обрядов народов, которые окружали евреев. Лучшие из язычников входили в состав Израиля, отказываясь от своего дурного; худшие из евреев отказывались от лучшего из того, что они имели, – от божественного закона. Должно различать ветхозаветный закон и еврейский народ, закон был у еврейского народа, но далеко не весь народ исполнял его, с другой стороны и не евреи, принимая еврейский закон, нередко становились его ревностными последователями и исполнителями.

Лучшие люди среди народов, окружавших израиля, не могли не видеть и не понимать безпредельного различия между речами пророков и культами Астарте и Молоху. Но за всем тем и их религии никак не могут быть названы сплетением дурного, в них было много хорошего, они освящали во многом правила доброго поведения, защищали слабых, удерживали сильных от насилия и произвола. В настоящее время любят говорить об антагонизме между религией и культурой, о том, что первая всегда задерживала развитие второй. Чтобы оценить этот тезис, его должно проверить исторически, начиная с древнейшего времени. Достоверная древнейшая история есть история Ассири-Вавилонии, Египта и непосредственно с ними соприкасавшихся народов. Что же мы видим там на этой заре культуры? Мы видим, что там культура теснейшим образом сплетена с религиею, в последней находит свой импульс, источник и освящение. Вавилонские, египетские, финикийские фрагменты говорят нам об Оаннесе (Еа), Озирисе, Таут – богах просветивших людей, наставивших их правилам культуры, написавших для них книги. Мы видим далее, что жрецы служат астрономии.

При храмах имеются обсерватория, небо изучается довольно тщательно, благодаря стараниям служителей храма. Новый период в астрономии после халдейского начался уже с Коперника. Жрецы были медиками. Искусство бальзамирования и знание анатомии бесспорно стояли на высокой степени развития у египетских жрецов. Говорит, что астрономия была сплетена с астрологиею и медицина с знахарством, но ведь и теперь в науке истина тесно сплетена со многими заблуждениями. Жрецы ведали земледелие. Им часто должна была принадлежать инициатива общественных работ и занятий. Архитектура, скульптура, живопись развивались на религиозной почве. Литература в своей наибольшей части была религиозною. Самые лучшие гимны, самые художественные произведения живописи и скульптуры черпали для себя

материал в представлении величия, могущества, красоты и силы богов. Свои идеалы люди древнего востока указывали на небе. Относительно всякого произведения, в котором сказывалась духовная сила – статуя, книга, алтарь, они предполагали, что оно было произведено при божественном содействии. Духовный подъем человечества – по их воззрениям – мог совершаться лишь при божественной помощи. Религия у них освящала знание и искусство. Если бы у них не было этого духовного огня религии, оставили ли бы они нам какие-либо научные знания и произведения художественного гения?

Примечания

¹ - См. наше исследование, «Сверхъестественное Откровение и естественное Богопознание вне истинной церкви. Харьков 1900г.

² - Так, наприм., поступает Pfleiderer–Religionsphilosophie. На русском языке об опытах классификаций можно читать у архимандрита Хрисанфа – Религии древнего мира в их отношении к христианству. Т. I. 1873 г. Шантепи de la Соссэй – Иллюстрированная история религий.Т. I. 1899 г.

³ - Некоторые сведения о доисторических верованиях можно найти в нашем исследовании «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого». Москва.1894. Доводы, утверждающие религиозность доисторического человека, собраны Катрфажем в одном из егопредсмертных произведений – Histoire générale des races humaines. Paris 1887, последний отдел последней главы. Новейшие сочинения по этому предмету: А. Н. Keane – Man past and present. XII+584, 1899 и R. Munro, Prehistoric Scotland and its place in European civilisation XIX+502, 1899. В последнем произведении утверждается факт религиозности доисторических обитателей Шотландии (их вера в будущую жизнь).

⁴ - Литература. До времени открытия чтения клинообразных надписей главным источником для суждения об ассиро-вавилонской религии были Бероз, Библия, Геродот, и затем некоторые второстепенные указания находили еще у некоторых классических писателей. Гротефенд положил начало чтению клинообразных ассирийских и вавилонских надписей, и теперь клинообразная литература является богатым первоисточником для изучения месопотамской культуры и религии. Должно сознаться, что при настоящем состоянии знания еще нельзя вполне восстановить верования и культ ассириян и вавилонян, и в описании их религий неизбежны пробелы, но во всяком случае во вторую половину XIX стол.наши сведения об ассиро-вавилонской религии чрезвычайно расширились. Косвенным результатом чтения клинообразных текстов явилось доказательство исторического характера библейских повествований о древнейших событиях, прямым – постепенное воскрешение древнейшей забытой культуры. Главные сочинения об ассиро-вавилонской религии написанные на основании новых открытий суть следующая. Архим.Хрисанфа – Религии древнего мира в их отношении к христианству Т. 2. 1876 г. Шантепи-де-ла Соссэй – Иллюстрированная история религий (перевод) 1899 г. Т. 1. Мензис – История религий (перевод) 1899 г. Мейер – История

ассиро-вавилон. литературы (Всеобщая история литературы Корша Т. 1 ч. 1, 1880 г.) . Никольский М. – Очерки халдейской культуры (Русск. Вестн. 1879, №№ 11 и 12) и *La Déesse des Cylindres et des statuettes babyloniennes* (Rev.archéolog 3-me sér XX) Moris Jastrow – *Religion of Babylonia and Assyria*. Boston 1898. G. Maspero – *Histoire ancienne des peuples de l'orient classique* T. I–III, Paris 1895–1899. Perrot et Chipiez – *L' Histoire de l' art dans l' antiquité* T. II, Paris 1884. Fr. Hommel. *Geschichte Babylonien und Assyrien*, Berlin 1885–1889. Lenormant, *L' Histoire ancienne de l' orient*. T. IV. Paris 1885. Tiele, *Geschichte der Religion im Altertum* (deutsche Ausgabe von Gehring) 1 B, 1 Hälft. 1895. Подробный указатель исследований и статей по ассиро-вавилонской религии дан Jastrow'ым в его книге (стр. 703–738). Названным авторам – Масперо, Гоммелю, Ленорману Тиле принадлежат еще и прямо специальные и вообще работы, имеющие отношения к ассиро-вавилонской религии. Исследователями, публикующими тексты и дающими специальные работы в этой области в настоящее время, еще должны быть названы: Шрадер, Делитч, Гаупт, Галеви, Сейс, Леман, Иеремиас, Циммерн, Иенсен, Люкас, Гункель, Гарпер, Каулен, Равлинсон, Опперт, Делатр, Вигуру, Амио и мн.друг.

⁵ - Масперо в своем обширном курсе *L' Histoire ancienne des peuples d' Orient classique* T.1. p.548,1885 утверждает что море тогда поднималось до 33° сев. широты, но это у него – очевидная ошибка, и на приложенной к 1 тому карте он изображает море поднимающимся выше 31 параллели.

⁶ - См. Д. Анучина, *Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям* стр. 121–122. Археологии. Извест. и замет. № № 3–4, 1898 г. I. de Margan, *Recherches sur les origines de l' Egypte*. 1896 et 1897. Fr. Hommel. *Der babylonische Ursprung der aegyptich. Kultur*. 1898.

⁷ - См. об этом статью Paul Garnault'a – *Vantrilogie, Nécromacie, Divination*. *Revue scientifique* 28 мая 1900г. Но выводы и соображения автора можно принять лишь с большими ограничениями и с большою осторожностью. Цитат у автора из пр. Исаии неверен (вместо XIX нужно XXIX).

⁸ - Циммерн обращает внимание на сходство между вавилонскими представлениями о деятельности Еа, Мардука и Гибилы и христианским учением о троичности. Он склонен допустить заимствование последнего учения от первого. Но 1) с точки зрения самого халдейского богословия Еа, Мардук и Гибель не образуют триады. 2) Между окончанием периода, когда возможно было вавилонское влияние на иудейство и установлением христианского учения лежит хронологическая брешь в несколько

столетий.3) с метафизической и этической точек зрения между христианскими представлениями о Троице и вавилонском – о взаимоотношении Еа, Мардука и Гибилы не существует даже и отдаленного сходства. Циммерн свой взгляд изложил в брошюре «Vater, Sohn und Fursprecher. – Leipzig.1896». Раскрытие учения о троичности с метафизической и этической точек зрения см. в нашей книге «Сверхъестественное откровение и естественное Богопознание» часть II, гл.2.

⁹ - Год у Вавилонян состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом. Для того, чтобы привести его в соглашение с временем обращения земли вокруг солнца вставляли чрез несколько лет после Элула (август-сентябрь) или после Адара (февраль-март) второй Эул или второй Адар.

¹⁰ - Литература. Выдающимися египтологами в России в настоящее время являются Голенищев (объ экземплярах книги мертвых, Гора, сына Неспаторапа и Таганы С.-П.-Б. 1880 и мн. др. на французском, немецком и русском языках) и Тураев (монография – Бог Тот, ряд статей в энциклопедии. словарь Брокгауза и Эфрона и др.).Е.Ө – К вопросу о египетской религии и мифологии. Рус. Обоз. 1891 г. 1, 2. Переводные сочинения. Бругша – история Египта при фараонах Спб. 1880, Египетский могильный мир. Рус. Вест. 1870 г. Карьера – Искусство в связи с общим развитием культуры. 1870. Масперо – Древняя история народов. 1894. Тиле – Египетская религия (перев. Тимирязева в книге „Религиозные верования с древнейших времен до настоящих дней 1900). Специальные журналы по Египтологии: Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Berlin. Recueil des travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes, Revue égyptologique. Paris. Proceedings of the Society of biblical Archaeology. London. К ним нужно присоединить Revue de l' Histoire des Religions, где помещает множество своих работ Масперо отчасти Амелино, Лефебюр и др. P. Le Page-Renouf – Lectures on the origin and growth of religion. 1880, The Egyptian Book of the Dead. 1894 и др. S. Birch – Records of the Past. Erman – Aegypten und ägyptische Leben... 1885–18890. Brugsch-Die Aegyptologie. 1891. Wiedemann – Religion d alt Aegypt. 1890. Ed. Meyer – Geschich. d. alt. Aegypt. 1887. Lepsius – Das Todtenbuch... 1842. Ebers – Aegypten in Bild und Wort. 1880. Amelineau – Histoire de la sépulture... dans l'anc. Egypt. 1896. Pierret – Essai sur la mythologie égyptienne. 1879. Mariette – Les Mastaba...1881. Pietschmann – Der ägyptische Fetischdienst..1878. Lieblein – Gammelaegyptisk Religion.1883–1885. Lefebure – L'étude de la religion

egyptienne...1866. Flinders Petry – A History of Egypt...1894. Navill – Das ägyptische Todtenbuch.1886. Chobas – Le papyrus magique Har.1861. Rind – Thebes, ist tombs...1862. Кроме указанных сочинений у названных авторов имеются еще и иные работы и в отдельных книгах и в периодических изданиях трактующие о египетской. К этим именам должны быть еще присоединены де Руже, фон Штраус, Торней, Будге, Лемме, Скиапарелли, Эйзенлер, Бергманн, д'Оррак, Ланцоне, Ланге и мн. др. Пособия и авторы указанные для изучения ассиро-вавилонской религии в большей части нужны и для изучения религии египетской. Указания классических источников и первоисточников по религии Египта см. в 7 главе.

¹¹ - Египетские месяцы: Тот (соответствует нашему Сентябрю), Паоти Атир, Сеак, Тиби, Метирь, Фаменот, Фармупй, Панонь, Пайни, Эпифи Мезори, дополнительные дни – Низи.

¹² - Геродот рассказывает: ἐγένετο δ' ἐν τῷ νόμῳ τούτῳ ἐπ' ἐμεῦ τοῦτο το τέραι. γίνασθι τράγος ἐμίσητο ἀναφανδόν. τοῦτο ἐς ἐπίδεξις ἀλίχεται.

¹³ - Литература. В ряду различных вопросов, которыми занимаются ориенталисты, хеттеям и их верованиям доселе отведено очень мало внимания, и литература о хеттейской религии ограничивается только несколькими исследованиями и статьями. Дело в том, что хеттеи, памятники их письменности, скульптуры и зодчества стали предметом систематического исследования всего лишь с 70-х годов XIX столетия. Надписи их только теперь ученые начинают дешифрировать. Важнейшими источниками для суждения о хеттеях в настоящее время являются Библия, ассирийские и египетские памятники письменности, некоторые сообщения классических писателей – Геродота (в его истории) о Птери (1, 199 и след.), Лукиана (в трактате о сирийской богине) о храме Мабога. Исследования W. Wrigt–The empire of the Hittites; Perrot et Chipiez–Histoire del'art dans l'antiquité; T. IV; E de Rougé–Leçons professées au Collège de France (Mélanges d'archéologie. T, II); Sayce–The Races of the old Testament, The Monuments of the Hittites, Sayce–Menant–Les Hète- ens, Histoire d'un empire oublié (у Сейса много еще работ о хеттеях); Vigoureux–Les Hèthèens de la Bible (Въ Rev. Quest, histor. T. XXXI). Имеются сведения о хеттеях и их религии в курсах Ленормана, Масперо и др. На русском языке о религии хеттеев есть небольшая переводная статья Тайлера (у Тимирязева в его книге „Религиозные верования“).

¹⁴ - Литература. Важнейшими пособиями для изучения финикийской религии являются Sanchoniathonis Berytii quae feruntur fragmenta (издание Orelli), затем сведения Филона Беритского в Fragmenta Historicorum

Graecorum (издание Muller'a Didot), начавшее издаваться с 1881 г. *Corpus inscriptionum semiticarum*. финикийской религии касаются и клинообразные записи (издание Шрадера). Много о сидонских и тирских культах сообщает Библия, и многие узаконения Ветхаго Завета направлены против этих культов. Капитальное исследование, доселе не утратившее своей ценности и к некоторым из воззрений которого ныне оставленным еще может быть вернутся, принадлежит Movers'у *Die Phönizier*. Затем должны быть названы Renan-Mission de Phénicie, Schröder-Die Phonizische Sprache. Berger-la Phénicie (в слове Lichtenberger'a) Pietschmann-Geschichte der Phönizier: C.-P.-Tiele-la Religion des Phéniciens (R. H. R. T. III). M. Muller-Asien und Europa nach den altägyptischen-Denkmalern. Baudissin-Studien zur semitischen Religionsgeschichte M. de Vogüé-Souvenirs d'une excursion en Phénicie, *Mélanges d'archéologie orientale*. Названным авторам кроме указанных монографий принадлежит еще много статей и исследований касающихся финикийской религии. Курсы, сочинения и авторы указанные для изучения ассиро-вавилонской и других религий древнего востока в большей части являются нужными и для изучения финикийской религии.

¹⁵ - Литература. Сирийские верования стоят в теснейшей связи с религиями хеттейской и финикийской, поэтому пособиями для изучения сирийских культов являются те же исследования, которые нужны для изучения хеттейской и финикийской религий. Для изучения языческой Аравии кроме общих источников и пособий по семитическим религиям в настоящее время имеется много и переводных надписей и исследований. Grell-Uber die Religion der voriskamitischen Araber, Osieander-Studien über die vorislamische Religion der Araber, Wellgausen-Reste arabischen Heidenthums, Berger-L' Arabie avant Mahomet, d'apres les inscriptions, Derenbourg-Etudes sur l'épigraphie du Yemen, Halevy-Inscriptions du Sufa; Хвольсон-Die Ssabier und Ssabismus.

¹⁶ - Примечание. Вот перевод надписи Месы. Я Меса, сын Хамоса Гада, царь Моава, дибонитянин (см. у Исаии XV 9). Мой отец управлял Моавом в течение тридцати лет, и я правил после моего отца. И я воздвиг этот камень Хамосу в Кирхе, (ср. I Цар. VII, 12) спасения, поелику он спас меня от всех грабителей и дал мне видеть радость мою над всеми врагами моими, даже над Амврием, царем израильским. Они угнетали моавитян многие дни, поелику Хамос гневался на свою страну. Его сын наследовал ему, и он так же сказал: я буду угнетать Моава. В мои дни (Хамос) сказал: идите, (ср. I Цар. XXIII, 2) и я увижу радость мою в нем и в доме моем и я

навекы сокрушу израиля. Амврий взял страну Мебеда, и (враг) владел ею сорок лет (в его дни и в) дни его сына. И Хамос (сжалился) над ним в мои дни. И я укрепил Ваал-Меон и построил в нем цистерну и я укрепил Кириафаим. Тогда люди Гада жили в стране (Атар)ота издревле, и царь израиль (ский) укрепил Атарот и я приступил к городу и взял его и убил всех воинов города для удовлетворения Хамоса и Моава и я взял всю добычу и (принес ее в жертву) пред Хамосом в Кириате. И я выселил мужей из Сирана и мужей из Махрата. И Хамос сказал мне: иди возьми Небо (Исх. XV-XVI) против израиля. И я пошел ночью и сражался против них от рассвета до полудня и я взял их и перебил вместе семь тысяч (мужей, но я не перебил) жен и девиц, поелику (я) посвятил их Астарте–Хамосу, и я взял у них сосуды Иеговы и принес их пред Хамосом. И царь израильский укрепил Яхац и сидел в нем, когда он вел войну против меня. И Хамос погнал его предо (мною), и я взял двести моавитских мужей со всем их оружием, и привел их к Иааце и занял ее, чтобы соединиться с Дибоней. Я построил Кирху, лесные стены и стены города, и построил ворота, и построил башню, и я построил дворец и я сделал тюрьму для преступников внутри стен. И не было никакой цистерны в стенах Кирхи, и я сказал всему народу: сделайте, каждый муж для себя цистерну в своем доме. И я приказал, чтобы копали канал для Кирхи пленные мужи Израиля. Я построил Ароер и я провел дорогу через Арнон. Я построил Бет-бамот, поелику он был разрушен, я построил Бецер, так как он был сокрушен мужами Дибоны, поелику вся Дибона была верна мне. И господствовал от Бикрана, который я присоединил к моей стране, и я построил (Бет-гамул) и Бет-диблатаим и Бет-Ваал-меон, и я расселил там бедных (людей) страны. И что касается Хоронаима, (мужи Эдама) жили там (издревле). И Хамос сказал мне: иди, воюй против Хоронаима и возьми (его, и я приступил к нему и взял его и) Хамос в мои дни. Оттого сделал я.....год.....и я.....

Содержание

Очерки истории религии Часть 1-я.	
Религии древнейших культурных народов профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Предисловие	2
1. Ассиро-вавилонская религия	4 18
2. Египетская религия	10 64
3. Религия хеттеев	13 133
4. Религия финикийян	14 153
5. Религиозные верования сирийцев и арабов	15 188
6. Общие черты в религиях древнего востока	202
Примечания	223